

ISSN 2410-2415

ВЕСТНИК
ДИПЛОМАТИЧЕСКОЙ АКАДЕМИИ
МИД РОССИИ

РОССИЯ И МИР

4 (30)

2021

ISSN 2410-2415

Периодичность выхода – 4 раза в год.

Научный периодический журнал «Вестник Дипломатической академии МИД России. Россия и мир» издается Дипломатической академией Министерства иностранных дел России с сентября 2014 г. Публикуется ежеквартально. Входит в Перечень рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук, рекомендованный Высшей аттестационной комиссией (ВАК) при Минобрнауки России (вступил в силу 30 января 2019 г.) по следующим специальностям:

- 07.00.15 «История международных отношений и внешней политики»;
- 08.00.14 «Мировая экономика»;
- 23.00.02 «Политические институты, процессы и технологии»;
- 23.00.04 «Политические проблемы международных отношений, глобального и регионального развития».

Журнал включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ).

Журнал рассчитан на профессиональных исследователей, аналитиков, практиков в области международных отношений и мировой экономики, а также на широкий круг читателей, интересующихся российской и зарубежной внешней политикой.

Подписка:

Подписку на журнал «Вестник Дипломатической академии МИД России. Россия и мир» можно оформить в почтовых отделениях на территории Российской Федерации. Подписной индекс в Объединенном каталоге «Пресса России. Газеты и журналы» на 1-е полугодие 2021 г. – 94182.

Редакционная коллегия сохраняет в авторской интерпретации все названия и личные имена.

Мнение редакционной коллегии может не совпадать с мнением авторов.

Редакционная коллегия

Жильцов С.С. – главный редактор, д-р полит. наук
Егоров В.Н. – заместитель главного редактора, канд. ист. наук
Фаустова Н.А. – заместитель главного редактора, канд. филол. наук
Аникин В.И. – д-р экон. наук
Варфоломеев А.А. – канд. полит. наук
Закаурцева Т.А. – д-р ист. наук
Иванов О.П. – д-р полит. наук
Каширина Т.В. – д-р ист. наук
Карпович О.Г. – д-р полит. наук, д-р юрид. наук
Косов Г.В. – д-р полит. наук
Липкин М.А. – д-р ист. наук
Мастепанов А.М. – д-р экон. наук
Неймарк М.А. – д-р ист. наук
Ногмова А.Ш. – канд. полит. наук
Сидорова Л.Н. – канд. полит. наук
Усманов Р.Х. – д-р полит. наук
Цвык В.А. – д-р филос. наук
Юнгблюд В.Т. – д-р ист. наук

Адрес редакции:

119021, г. Москва, ул. Остоженка, д. 53/2, стр. 1
Дипломатическая академия МИД России
www.dipacademy.ru

Адрес электронной почты:

vestnikdipacademy@yandex.ru

Издатель: Дипломатическая академия МИД России

119021, г. Москва, ул. Остоженка, д. 53/2, стр. 1
www.dipacademy.ru

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор), регистрационный номер ПИ № ФС77-56911 от 30 января 2014 г. Авторские права на публикуемые материалы принадлежат редакции журнала и авторам статей. Перепечатка материалов без разрешения редакции запрещена. При использовании материалов ссылка обязательна.

СОДЕРЖАНИЕ

МИРОВАЯ ПОЛИТИКА И МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ	
<i>Нарышкин А.А.</i> Имплементация ключевых целей ООН в российской политике	6
РЕГИОНАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ	
<i>Котов А.В.</i> Перспективы сотрудничества России и ЕС в области пространственного развития	19
<i>Кузмак А.А.</i> Национал-консервативные силы и их значение в политическом кризисе в США	36
<i>Годованюк К.А.</i> Новый формат отношений Британии и ЕС: вызовы постбрекзита	54
<i>Гаврилова С.М.</i> Политика Италии в Средиземноморье: основные партнеры.	71
<i>Ковба Д.М.</i> Особенности китайской системы гуманитарной помощи	88
<i>Мартынова Д.О.</i> Индия – Пакистан – Китай: узел противоречий	104
ИСТОРИЯ И РЕЛИГИЯ	
<i>Иголкин И.Ю.</i> О заключении мирного договора России с Францией в 1800–1801 гг.	122
<i>Семенов А.В.</i> К вопросу о Русско-китайском договоре об оборонительном союзе 1896 года	149
<i>Гришаева Л.Е.</i> Дипломатия В.И. Чуркина: вклад в урегулирование косовского конфликта	165
<i>Яков Ливне.</i> Москва – Иерусалим 1948–1953 гг.: от взаимной выгоды до кризиса	181
НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ	
<i>Жильцов С.С.</i> Китай на пути к лидерству: роль инициативы «Один пояс – Один путь».	207
К сведению авторов.	216

Periodicity of issue – 4 times per year.

Academic periodic journal “The Herald of the Diplomatic Academy of the MFA of Russia. Russia and the World” is published by the Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia since September, 2014 r. It is published quarterly. It is included in the List of the Russian reviewed academic journals in which the main scientific results of the dissertations for the bestowing of the academic degrees of doctors and candidates of sciences are to be published as recommended by the Supreme Attestation Commission (VAK) under the RF Ministry of Education and Science (came into force on January 30, 2019).

- 07.00.15 «The history of international relations and foreign policy»;
- 08.00.14 «World economy»;
- 23.00.02 «Political institutions, Processes and Technologies»;
- 23.00.04 «Political problems of international relations, global and regional development».

The journal is included in the Russian Science Citation Index (RSCI).

The journal is designed for professional researchers, analysts and practical experts in the field of international relations and a wide range of readers interested in external policy of Russia and foreign countries.

Subscription

Subscription to the journal “The Herald of the Diplomatic Academy of the MFA of Russia” may be registered at the post offices in the territory of the Russian Federation. The subscription index in The Consolidated Catalogue “Press of Russia. Newspapers and Journals” for the 1st half of 2021 – 94182.

The Editorial Board keeps all titles and personal names in the author’s interpretation.

The opinion of the editorial Board may not coincide with the opinion of the authors.

Editorial Board

Sergey Zhiltsov – Editor-in-Chief, DSc (Political Science)
Vyacheslav Egorov – Deputy Editor-in-Chief, PhD (History)
Nina Faustova – Deputy Editor-in-Chief, PhD (Philological Sciences)
Vladimir Anikin, DSc (Economics)
Anton Varfolomeev, PhD (Political Science)
Tatiana Zakaurtseva, DSc (History)
Oleg Ivanov, DSc (Political Science)
Tatiana Kashirina, DSc (History)
Oleg Karpovich, DSc (Political Science), DSc (Law)
Gennadiy Kosov, DSc (Political Science)
Mikhail Lipkin, DSc (History)
Alexey Mastepanov, DSc (Economics)
Mark Neimark, DSc (History)
Adelina Nogmova, PhD (Political Science)
Lidiia Sidorova, PhD (Political Science)
Rafik Usmanov, DSc (Political Science)
Vladimir Tsvyk, DSc (Philosophy)
Valery Yungblud, DSc (History)

Address:

53/2, 1, Ostozhenka ul., Moscow, 119021, Russia
Diplomatic Academy, MFA, Russia
www.dipacademy.ru

E-mail address:

vestnikdipacademy@yandex.ru

Publisher: Diplomatic Academy, MFA, Russia,
53/2, 1, Ostozhenka ul., Moscow, 119021, Russia
www.dipacademy.ru

Federal Service for Supervision in the Sphere of Telecommunication, Information Technologies and Mass Communications (Roskomnadzor).
Reg. No. ПИ № ФС77-56911 of January 30, 2014

The copyrights on the published materials belong to the editorial staff of the journal and the authors of the articles. Reprinting of the materials without the consent of the editorial staff is forbidden. References are mandatory when the materials are used.

© Diplomatic Academy, MFA, Russia, 2021

© Page make-up. «Kvant Media», 2021

CONTENTS

WORLD POLITICS AND INTERNATIONAL RELATIONS

Andrey Naryshkin. Implementation of Key UN Goals in Russian Politics 6

REGIONAL PROBLEMS

Alexander Kotov. Prospects for Cooperation of Russia and the EU in the Field of Spatial Development 19
Andrei Kouzma. National Conservatism and Its Significance in the Political Crisis in the United States 36
Kira Godovanyuk. UK-EU New Format of Relationship: The Postbrexit Challenges 54
Svetlana Gavrilova. Italian Policy in the Mediterranean: The Main Partners 71
Daria Kovba. Features of the Chinese Humanitarian Aid System 88
Daria Martynova. India – Pakistan – China: The Interweaving of Discords 104

HISTORY AND RELIGION

Ivan Igolkin. On the Conclusion of a Russia and France Peace Treaty in 1800–1801 122
Alexander Semenov. The Question of the Russian-Chinese Treaty on the Defensive Alliance of 1896 149
Lidiya Grishaeva. V.I. Churkin’s Diplomacy: Contribution to Settlement of the Kosovo Conflict 165
Yacov Livne. Moscow – Jerusalem 1948–1953: From Mutual Benefit to a Crisis 181

ACADEMIC LIFE

Sergey Zhiltsov. China on the Way to Leadership: The Role of the One Belt – One Road Initiative 207

Notice to the authors 216

МИРОВАЯ ПОЛИТИКА И МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

Нарышкин Андрей Александрович,

кандидат политических наук,
Факультет мировой политики МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва.

Andrey A. Naryshkin,

Ph.D. (Political Science),
Faculty (School) of World Politics, Lomonosov State University, Moscow.

E-mail: andr-naryshkin@yandex.ru

ИМПЛЕМЕНТАЦИЯ КЛЮЧЕВЫХ ЦЕЛЕЙ ООН В РОССИЙСКОЙ ПОЛИТИКЕ

IMPLEMENTATION OF KEY UN GOALS IN RUSSIAN POLITICS

Аннотация: деятельность в рамках ООН имеет приоритетный характер для российской дипломатии. Цели ООН – это, прежде всего, стабилизация международных отношений, поддержание мира, минимизация ущерба от разных катастроф техногенного и природно-климатического характера. Хотя названные функции ООН имеют главным образом гуманитарную и политическую окраску, в основе деятельности организации лежат большие экономические интересы крупных компаний и даже стран: не только возможность участия в закупках для целей крупнейшей международной организации в мире, но и возможность создания экономически обоснованных условий для деятельности тех или иных технологичных компаний, более выгодных условий для развития отдельных экономик. Данная статья посвящена происходящим в мировой политике и экономике трансформационным процессам, особенностям выстраивания политико-экономического взаимодействия между странами, а также мерам реагирования на происходящие процессы со стороны ООН и России.

Ключевые слова: экономическая дипломатия, ООН, пандемия COVID-19, дезинформация в цифровом пространстве, климатический кризис, Цели устойчивого развития.

Abstract: activities within the UN framework are the priority for Russian diplomacy. The goals of the UN covering stability in international relations, the maintenance of peace, and damage minimization from various disasters with a man-made and natural-climatic nature. Although these UN functions are mainly humanitarian and political, the organization's activities are based on the great economic interests of large companies and even countries: not only the possibility of participating in procurement for the purposes of the largest international organization in the world, but also the possibility of creating economically sound conditions for high-tech companies' activities, creating favorable conditions for the development of particular economies.

This article is devoted to the transformation processes taking place in world politics and economy, the peculiarities of building political and economic interaction between countries. The article also reviews the response measures to the ongoing processes by the UN and Russia.

Key words: economic diplomacy, UN, COVID-19 pandemic, digital misinformation, climate crisis, Sustainable Development Goals.

Создание в 1945 году Организации Объединенных Наций (ООН) без преувеличения стало одним из важнейших событий XX века. Ключевой целью при ее создании было предотвращение войн и конфликтов, что следует из Устава ООН [17]. К числу новых угроз мировой стабильности, для ликвидации которых необходимо предпринять усилия на наднациональном уровне, на современном этапе относятся не только военные конфликты. В современных условиях многие внешнеполитические проблемы могут быть решены лишь на многосторонней основе, в связи с чем роль ООН в разрешении различных спорных ситуаций возросла.

Система международных организаций ООН включает в себя не только саму Организацию Объединенных Наций, но еще более 30 связанных с ней структур.

В сфере политико-экономической проблематики основную роль в формировании и обсуждении вопросов экономической направленности играет Экономический и Социальный Совет ООН. Многие профильные вопросы, имеющие непосредственное отношение к отдельным отраслям, рассматриваются в международных организациях системы ООН. В их числе — отраслевые ИКАО (Международная организация гражданской авиации), МФСР (Международный фонд сельскохозяйственного развития), МОТ (Международная организация труда), ВОИС (Всемирная организация интеллектуальной собственности), рассматривающие вопросы развития и регулирования профильных отраслей.

В состав международных организаций системы ООН входят также МВФ (Международный валютный фонд), ЮНИДО (Организация Объединенных Наций по промышленному развитию) и учрежденный совместно с Всемирной торговой организацией Центр международной торговли (ЦМТ). МВФ призван способствовать экономическому росту и занятости посредством предоставления финансовой поддержки странам. Деятельность ЮНИДО направлена на содействие промышленному развитию и международному промышленному сотрудничеству. Деятельность ЦМТ направлена на развитие международной торговли по-

средством содействия интеграции развивающихся стран, а также малых и средних компаний в мировую экономику.

В текущей повестке дня экономических организаций ООН особое место занимают современные вызовы: повышение конкурентоспособности малых и средних предприятий для обеспечения роста экономики развивающихся стран. Соответственно, необходимо повышение стабильности мировой экономики посредством создания надлежащих условий для реализации права на достойный труд и обеспечение роста доходов бюджета, впоследствии перераспределяемых на социальные нужды, что невозможно в условиях господства в экономике нескольких крупных компаний. Расширение рынков сбыта способствует внедрению результатов новейших исследований в производственные процессы и повседневную жизнь и, как следствие, достижению высокого уровня жизни населения.

Отвечая на вызовы времени, особое место в повестке дня каждой из упомянутых организаций занимают изменения, происходящие в мировой политике и экономике из-за пандемии COVID-19, изменившей не только структуру мировой экономики и торговли, но и социально-политические реалии современного мира. В отечественной и зарубежной науке высказывается точка зрения, согласно которой пандемия окажет настолько громадное негативное влияние на системы торговли, финансов, коммуникационных и культурных сетей, что обеспечит конец эпохи глобализации [6; 21].

Безусловно, происходящие изменения имеют глобальный характер. Рассматривая их, Генеральный секретарь ООН А. Гутерриш отмечает: «В эти трудные времена как никогда прежде важно глобальное сотрудничество в деле достижения Целей устойчивого развития — всемирной согласованной программы построения лучшего будущего для всех» [4, с. 5].

ООН выделяет 17 основных Целей устойчивого развития. Все они направлены на достижение социальной справедливости, равенства людей, на создание благоприятных условий для жизни — не только социальных условий (качественное образование, правосудие и др.), но и экологических (борьба с изменением климата, сохранение экосистем на суше на море и др.), — а также на развитие инноваций и инфраструктуры, улучшающих качество

жизни людей (недорогая и чистая энергия, индустриализация, ответственное потребление и др.) [18]. В нашей стране ведется большая работа по реализации Целей устойчивого развития. Проводимая политика в этой сфере детально рассмотрена в работе А. Г. Сахарова и О. И. Колмар [14]. Они приходят к выводу, что в целом в приоритетных направлениях развития Российской Федерации на период до 2024 года, изложенных в Указе Президента РФ от 07.05.2018 [16], нашли полное или близкое к полному отражению большинство Целей устойчивого развития, принятых ООН. Основой деятельности руководства страны по достижению Целей устойчивого развития стали майские указы Президента РФ 2018 года, а также отдельные нормативные правовые акты [14, с. 203].

К ключевым мировым угрозам А. Гутерриш помимо пандемии COVID-19 причисляет дестабилизацию климата, военные конфликты, гендерное неравенство, неравенство в киберпространстве [4].

Пандемия, охватившая мир в 2019—2021 годах, не только обострила вопросы медицинского характера и активизировала поиски спасения от новой вирусной инфекции, но и подняла ряд смежных вопросов. Она нанесла здоровью людей и системам здравоохранения ущерб, сравнимый с эпидемией «испанки» 1918—1920 годов, а удар по мировой экономике — сравнимый с кризисом периода Великой депрессии 1930-х годов [25]. Но не только. Ключевая проблема заключается в том, что инфекция чрезвычайно быстро распространяется и имеет высокие показатели смертности. Эти два фактора обусловили введение беспрецедентных ограничений на передвижение людей. Ограничения, во-первых, выявили зияющую пропасть между теми людьми, кто имеет доступ к новым цифровым технологиям и форматам общения, и теми, кто его не имеет, и, во-вторых, обострили проблему распространения дезинформации в цифровом пространстве [4, с. 12]. В разгар пандемии ООН запустила программу по борьбе с распространявшейся ложной информацией о новой болезни, создавая специальные информационные ресурсы в целях популяризации правдивых фактов о COVID-19. Зачастую злоумышленники прикрывались рассылками, содержащими ссылки на авторитетные источники, или даже ложно подписыва-

лись так, как представители ООН. Рассылки могли быть направлены не только на разжигание паники, но и на продвижение тех или иных товаров, использование которых якобы должно было снизить вероятность заражения [26].

Дезинформация обретает новые формы благодаря развитию цифровых технологий: это не просто новости, опубликованные теми или иными лицами, это информационный поток, формируемый искусственным интеллектом и направленный на тех людей, у кого он с наибольшей вероятностью вызовет отклик. Таргетное (целевое) распространение информации становится также сильным рычагом влияния ввиду роста сбора данных об отдельных индивидуумах и их использования в чьих-либо целях. Например, правительства могут собирать информацию о собственных гражданах в интересах обеспечения безопасности, компании — персональные данные для распространения рекламы и увеличения объема продаж. Очевидно, что информация может быть использована не только в благих целях. А. Гутерриш считает, что «использование данных, содержащих систематическую погрешность, может привести к опасным перекосам в информационных системах», а также представляет угрозу манипулирования сознанием, воздействия на поведение людей [4, с. 13].

В связи с этим цифровая дипломатия стала одним из основных направлений дипломатии, в том числе отечественной: каждое зарубежное российское представительство имеет сайт, ведет активную работу с гражданами и компаниями через социальные сети. Любое государство на первых этапах информирует о своих инициативах прежде всего через цифровое и медийное пространство и лишь затем переходит к следующим шагам. Актуально это и для экономической дипломатии. В системе продвижения товаров на зарубежные рынки первыми этапами для завоевания рынков брендированных товаров являются этап рекламы для целевой аудитории через социальные сети, организация продаж небольших партий через Интернет, а в дальнейшем более затратные шаги — участие в профильных выставках и переговоры о крупных поставках с потенциальными покупателями.

«В современном мире цифровая дипломатия уже стала реальностью и составной частью работы внешнеполитического ведомства и российских загранучреждений», — отмечает опытной-

ший дипломат, ректор Дипломатической академии МИД России А. В. Яковенко [1]. Необходимость интенсификации подготовки специалистов к новым формам работы, таким как «цифровая дипломатия» и «организация онлайн-переговоров», была подчеркнута на встрече руководителей Дипломатических академий стран БРИКС в марте 2021 года [10]. Организации переговорных процессов в формате онлайн присущи некоторые особенности, которые необходимо учитывать. В их числе можно выделить необходимость более тщательной подготовки, включающей в себя глубокое знание контрагентов, их потребностей, невозможность компенсировать недостатки предварительной подготовки, ряд организационных особенностей, связанных с постановкой камеры и фона, а также с представлением предмета переговоров. Так, если предметом переговоров является документация — ее можно удобно вывести на экран для демонстрации, однако если предметом переговоров является товар, например продукты питания, то одним презентационным описанием ограничиться довольно сложно.

Весной 2020 года, вскоре после начала пандемии COVID, послужившей причиной ограничений в передвижении людей и запретов организации массовых мероприятий, Российский экспортный центр (РЭЦ), курирующий работу по организации деловых переговоров отечественных экспортеров с потенциальными зарубежными покупателями в рамках выставок и бизнес-миссий, приступил к разработке программ по подготовке бизнес-миссий в онлайн-формате. Обычно бизнес-миссии включают в себя организацию выезда группы предпринимателей — потенциальных экспортеров или тех, кто намерен расширить поставки своих товаров за рубеж. Выезд может быть приурочен к крупному мероприятию в определенной отрасли (например, выставка, форум) или специально подготовлен с организацией переговоров в представительстве (посольство, торгпредство либо офис РЭЦ и т. п.), отеле. По сути, данное мероприятие представляет собой небольшую презентацию или выставку с организацией мэтч-мейкинга (целевых переговоров) с иностранными контрагентами. Очный формат долгое время считался единственным возможным вариантом проведения бизнес-миссий, однако начавшаяся пандемия и распространение практики про-

ведения онлайн-встреч открыли новый формат для такого рода мероприятий.

При проведении бизнес-миссий онлайн существенно снижаются затраты предпринимателей — потенциальных экспортеров из-за отсутствия командировочных расходов, экономятся время и деньги, которые тратились на подготовку помещений для переговоров. При этом для организации целевых встреч в онлайн-формате требуются существенно большие усилия, расширение компетенции отечественных экономических дипломатов, ответственных за выстраивание связей с компаниями стран-партнеров.

Организации мэтч-мейкинга предшествуют годы выстраивания связей и завоевания репутации в экономических кругах зарубежных стран. Именно такого рода задачи исторически (начиная с эпохи Петра I и созданных им консульств) были в фокусе внимания отечественной экономической дипломатии [8]. На организацию бизнес-миссий уходят большие государственные средства. Субсидирование (оплата части расходов на участие компаний в такого рода мероприятиях) осуществляется через множество каналов, большинство из которых в конечном счете замыкается на государственный бюджет [9]. Необходимо обеспечить максимально эффективное и, что крайне важно, консолидированное участие представителей дипмиссии, государственных компаний, работающих в стране пребывания, в целях привлечения максимально широкого круга контрагентов к переговорному процессу и организации деловых встреч. Концентрация усилий и компетенций при работе в дистанционном формате возрастает.

Рассматривая новые вызовы, которые влекут за собой существенное изменение экономического ландшафта в мировом масштабе, особое внимание необходимо уделить вопросам, касающимся климата. Угроза его изменения находится в числе наиболее опасных проблем, имеющих громадные экономические и политические последствия. «Климатический кризис способен обратить вспять весь прогресс, достигнутый в области развития, усугубляя нищету и конфликты во всех регионах», — отмечает А. Гутерриш [4, с. 6]. Эту точку зрения разделяют отечественные и зарубежные ученые [20; 24]. Так, академик РАН Б. Н. Порфирьев пишет: «Об изменении климата и его последствиях в последние годы много говорится на самых разных уровнях. И это

справедливо: если климатическому фактору не уделять должного внимания, он может превратиться в фактор торможения экономического роста» [13]. Детальному исследованию международной нормативно-правовой базы климатического режима ООН посвящено исследование А. Вирта [3]. В академических кругах обсуждалась идея создания специализированной международной организации, деятельность которой была бы сосредоточена на климатических изменениях и экологической повестке дня, однако на данный момент такая позиция не разделяется государствами и правительствами [3, с. 186]. Во многом эта инициатива не реализовалась ввиду того, что климатическая и экологическая проблематика охвачена деятельностью ООН.

Основой международного климатического режима является Рамочная конвенция ООН об изменении климата 1992 года [27]. В дальнейшем нормативно-правовая база пополнилась Киотским протоколом [22], являющимся дополнением к упомянутой Конвенции, и Парижским соглашением 2015 года [23]. Данные акты регулируют процедуры и меры, применяемые в борьбе с изменениями климата, направлены на снижение выбросов парниковых газов. При этом подразумевается значительное снижение потребления ископаемого топлива, что само по себе представляет угрозу для России как для крупного экспортера традиционных энергоресурсов.

При общем согласии с идеей борьбы против изменений климата большое значение имеют практические подходы к трактовке правил этой борьбы. Они становятся ключевым фактором, влияющим на экономику, и каждая страна стремится трактовать их в свою пользу. В докладе Минэкономразвития России отмечается, что среди инструментов, призванных ограничить и сократить выбросы парниковых газов, наиболее гибкими и эффективными могут быть признаны экономические инструменты, то есть такие, которые создают фактическую «цену на углерод» [7]. Это позволяет заложить в стоимость продукции те внешние издержки, которые экономике и обществу в целом придется нести для преодоления последствий выбросов, «монетизировав» урон окружающей среде. В отечественной научной литературе получает распространение точка зрения, согласно которой борьба с климатическими изменениями в формате низкоуглеродной па-

радигмы является бесперспективной [19], а альтернативой является комплексное решение проблемы изменения климата посредством установления приоритета социально-экономических целей устойчивого развития [12; 14].

Климатическая повестка в среднесрочной и долгосрочной перспективе будет оказывать существенное влияние на развитие российской экономики. Внедрение обязательных систем углеродного ценообразования — одна из наиболее кардинальных мер, которые могут привести к существенному повышению стоимости и падению конкурентоспособности российской продукции. Россия принимает участие в формировании международной климатической политики, являясь стороной Рамочной конвенции ООН об изменении климата, Киотского протокола и Парижского соглашения, и проводит работу по снижению выбросов. Так, согласно Указу Президента РФ от 04.11.2020 № 666 «О сокращении выбросов парниковых газов» поставлена цель обеспечить к 2030 году сокращение выбросов парниковых газов до 70 % относительно уровня 1990 года [15].

Сложившееся понимание основных причин изменения климата ведет к глобальной трансформации условий ведения бизнеса в мире. В качестве примера такой трансформации можно привести «Европейскую зеленую сделку» (European Green Deal), представленную в декабре 2019 года и обозначающую переход ЕС к устойчивому развитию с нулевыми выбросами парникового газа к 2050 году. Пакет мер направлен на стимулирование экономических агентов решать задачу одновременно экологической и цифровой трансформации в целях долгосрочного повышения и сохранения конкурентоспособности хозяйственно-политического пространства Евросоюза [2], а также сохранения пальмы первенства ЕС в мировой экологической политике. Введение трансграничного углеродного механизма ЕС, предусматривающего сбор с некоторых импортируемых товаров в зависимости от их углеродного следа, имеет дискриминационный характер по отношению к российским экспортерам. По экспертным оценкам, потери бюджета Российской Федерации могут превысить 6 млрд евро за год [11]. Прежде всего, под удар попадут отрасли, связанные с добычей и использованием традиционных энергоресурсов: угольная промышленность, нефтяная и газовая про-

мышленности. Реализация такого сценария чревата, во-первых, потенциальным снижением прибыли от продаж на европейском рынке, во-вторых, снижением конкурентоспособности российской продукции, в-третьих, снижением возможных путей и объемов привлекаемого финансирования [11].

Угроза по отношению к основной группе экспортных товаров нашей страны исходит не только от ЕС. Так, руководство Китая заявило о намерении добиться углеродной нейтральности к 2060 году [5].

Одним из наиболее технологичных и эффективных решений для предотвращения потерь от климатической угрозы может стать создание аналитического ситуационного центра по «зеленой» экономике для мониторинга, моделирования и прогнозирования ее развития в России. Такая идея была предложена Российской академией наук и Московским государственным университетом имени М. В. Ломоносова.

Подтвержденными партнерами в создании и работе Ситуационного центра являются РАН, компания «Иннопрактика», МГУ им. М. В. Ломоносова, ГК Seldon и ООО «Ситуационный центр». Дальнейшими партнерами (по согласованию) могут стать Государственная корпорация «Роскосмос», Дипломатическая академия МИД России, Центр стратегических разработок, ФГБУ «РЭА» при Минэнерго России и другие.

Ситуационный центр по «зеленой» экономике России явится коммуникационной площадкой для исследователей, экспертов, представителей компаний по климатической и экологической политике, разработчиков «зеленых» технологий, Правительства и других заинтересованных сторон. Центр восполнит пробел в институциональной структуре по управлению климатической политикой России и станет гарантом ее независимой научно обоснованной позиции.

Заключение

Организация Объединенных Наций остается важнейшей международной организацией мирового масштаба. Она была создана для предотвращения военных конфликтов, но внимание ООН сосредоточено также на других вопросах, имеющих критически важное значение для мирового развития. Они не только имеют

гуманитарно-политический характер, но и оказывают прямое влияние на экономико-политические аспекты международной жизни. В числе новых угроз, зачастую имеющих большое влияние на международные процессы, находятся болезни, в том числе пандемия COVID-2019, изменение климата, влияние на общественные процессы информационных потоков и дезинформации и др. Все они находят свое отражение в жизни конкретных людей, стран, ухудшая общую экономическую ситуацию и, как следствие, политическую обстановку, что может привести к возникновению новых бедствий.

Так, пандемия COVID-19, имевшая громадные последствия во всех сферах жизни, изменила привычное течение экономического взаимодействия на внешних рынках, выдвинула на первый план возможности организации дистанционного взаимодействия между контрагентами посредством видеоконференцсвязи. Новые условия требуют перестройки форматов поиска экономических контрагентов и взаимодействия между партнерами.

Угроза дестабилизации климата оправдывает введение новых правил торговли, что может повлечь за собой перераспределение рынков в мировом масштабе. Такая угроза затрагивает интересы нашей страны как крупного мирового экспортера энергоресурсов и требует серьезного анализа и планирования дальнейших шагов, направленных на минимизацию негативных для отечественной экономики последствий борьбы за улучшение климата. Особое значение для российской экономической дипломатии данная проблема имеет в связи с тем, что основным инициатором климатической повестки в международных отношениях был и остается Европейский союз — наш ключевой торгово-экономический партнер. Представляется целесообразным рассмотреть возможность ввода симметричных мер для импорта из ЕС и проработать возможные меры компенсации для наиболее пострадавших предприятий и отраслей отечественной экономики, а также активизировать развитие в России мер углеродного регулирования и мониторинга выбросов парниковых газов на научной базе и последующее активное продвижение результатов исследований посредством инструментов экономической дипломатии. Одним из ключевых направлений по снижению политических и экономических рисков для нашей страны должна

стать диверсификация российского экспорта и приоритетное развитие наукоемких экспортоориентированных отраслей внутри страны.

Участие России в распространении цифровых платформ в развивающихся странах может не только поддержать эти страны, но и обеспечить занятие нашей страной ниш в их экономике, открытие новых возможностей для взаимной торговли товарами и услугами.

Касаясь Целей устойчивого развития, можно констатировать, что их достижение имеет серьезное значение и возможно лишь в комплексе мер, направленных на сбалансированное улучшение социальных, экологических, промышленно-инновационных параметров жизни общества.

Российская дипломатия обладает обширными возможностями для активной деятельности на площадке ООН, в том числе для совместного скоординированного реагирования на возникающие угрозы, минимизации потенциального ущерба.

Литература

1. Александр Яковенко о подготовке дипломатов в Дипломатической академии МИД России // Seldon News. — URL: <https://news.myseldon.com/ru/news/index/223584783> (last accessed: 21.06.2021).
2. Белов В.Б. Европейская зеленая сделка // Европейский Союз: факты и комментарии. — 2020. — № 99. — С. 33–39.
3. Вирт А.Д. Глобальное управление в сфере изменения климата. Парижское соглашение: новый компонент климатического режима ООН // Вестник международных организаций. — Т. 12. — 2017. — № 4. — С. 185–214.
4. Гутерриш А. Статья для журнала «Дипломатическая служба и практика» // Дипломатическая служба и практика. — 2021. — № 3. — С. 4–23.
5. Китай взял курс на «зеленую» экономику // Российская газета. — URL: <https://rg.ru/2021/06/09/kitaj-planiruet-dostignut-uglerodnoj-nejtralnosti-k-2060-godu.html> (дата обращения: 20.06.2021).
6. Конуров А.И. Геополитические последствия пандемии коронавируса // Вестник Дипломатической академии МИД России. Россия и мир. — 2021. — № 1 (27). — С. 6–24.
7. Международные подходы к углеродному ценообразованию. Департамент многостороннего экономического сотрудничества Минэкономразвития России. Январь 2021 г. / Минэкономразвития России. — URL: <https://www.economy.gov.ru/material/file/c13068c695b51eb60ba8cb2006dd81c1/13777562.pdf> (дата обращения: 20.06.2021).
8. Нарышкин А.А. Роль зарубежных представительств в экономической дипломатии Российской Империи // Вестник Дипломатической академии МИД России. Россия и мир. — 2021. — № 1 (27). — С. 209–223.
9. Нарышкин А.А. Экономическая дипломатия Российской Федерации: перспективы развития эффективной системы поддержки экспорта // Вестник Московского университета. — Серия XXV. Международные отношения и мировая политика. — Т. 13. — 2021. — № 1. — С. 3–31.
10. Об участии Ректора Дипломатической академии МИД России в 1-й встрече руководителей Дипакадемий стран БРИКС // Дипломатическая академия МИД России. — URL: <https://www.dipacademy.ru/press/%D0%BE%D0%B1-%D1%83%D1%>

- 87%D0%B0%D1%81%D1%82%D0%B8%D0%B8-%D1%80%D0%B5%D0%BA%D1%82%D0%BE%D1%80%D0%B0-%D0%B4%D0%B8%D0%BF%D0%BB%D0%BE%D0%BC%D0%B0%D1%82%D0%B8%D1%87%D0%B5%D1%81%D0%BA%D0%BE%D0%B9-%D0%B0%D0%BA%D0%B0%D0%B4%D0%B5%D0%BC%D0%B8%D0%B8-%D0%BC%D0%B8%D0%B4-%D1%80%D0%BE%D1%81%D1%81%D0%B8-%D0%B8-%D0%B0%D0%B2%D1%8F%D0%BA%D0%BE%D0%B2%D0%B5%D0%BD%D0%BA%D0%BE-%D0%B2-i-%D0%BE%D0%B9-%D0%B2%D1%81%D1%82%D1%80%D0%B5%D1%87%D0%B5-%D1%80%D1%83%D0%BA%D0%BE%D0%B2%D0%BE%D0%B4%D0%B8%D1%82%D0%B5%D0%BB%D0%B5%D0%B9-%D0%B4%D0%B8%D0%BF%D0%B0%D0%BA%D0%B0%D0%B4%D0%B5%D0%BC%D0%B8%D0%B9-%D1%81%D1%82%D1%80%D0%B0%D0%BD-%D0%B1%D1%80%D0%B8%D0%BA%D1%81/ (дата обращения: 08.11.2021).
11. Оценка рисков для российской экономики от ввода трансграничного углеродного регулирования в Европейском союзе: аналитический доклад / Ю.З. Саакян [и др.] – М.: ИПЕМ, 2020. – 14 с.
  12. Порфирьев Б.Н. Парадигма низкоуглеродного развития и стратегия снижения рисков климатических изменений для экономики // Проблемы прогнозирования. – 2019. – № 2. – С. 3–13.
  13. Порфирьев Б.Н. Климатический фактор развития российской экономики в среднесрочной перспективе: императивы и эффективность адаптации // Экономическое возрождение России. – 2019. – № 2 (60). – С. 24–28.
  14. Сахаров А.Г., Колмар О.И. Перспективы реализации Целей устойчивого развития ООН в России // Вестник международных организаций. – Т. 14. – 2019. – № 1. – С. 189–206.
  15. Указ Президента Российской Федерации от 04.11.2020 № 666 «О сокращении выбросов парниковых газов». Подп. «а» п. 1. – URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/45990> (дата обращения: 08.11.2021).
  16. Указ Президента Российской Федерации от 07.05.2018 № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года». – URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/43027> (дата обращения: 08.11.2021).
  17. Устав Организации Объединенных Наций. Сан-Франциско. 26 июня 1945 г. / Организация Объединенных Наций. – URL: <https://www.un.org/ru/about-us/un-charter/full-text> (дата обращения: 08.11.2021).
  18. Цели в области устойчивого развития / United Nations. – URL: <https://www.un.org/sustainabledevelopment/ru/sustainable-development-goals/> (дата обращения: 20.06.2021).
  19. Яковлев И.А., Кабир Л.С., Никулина С.И. Климатическая политика Российской Федерации: международное сотрудничество и национальный подход // Финансовый журнал. – 2020. – № 4. – С. 26–36.
  20. Bodansky D. The Paris Climate Change Agreement: A New Hope? // American Journal of International Law. – 2016. – No. 110 (2). – P. 288–319.
  21. Eberstadt N. The «New Normal»: Thoughts about the Shape of Things to Come in the Post-Pandemic World // The National Bureau of Asian Research. – 2020. April 18. – URL: <https://www.nbr.org/wp-content/uploads/pdfs/publications/new-normaleberstadt-041820.pdf>. (accessed: 01.08.2021).
  22. Kyoto Protocol to the Framework Convention on Climate Change, 1997 / United Nations. – URL: <https://unfccc.int/resource/docs/convkp/kpeng.pdf> (accessed: 01.08.2021).
  23. Paris Agreement, 2015 / United Nations. – URL: <https://unfccc.int/process/conferences/pastconferences/paris-climate-change-conference-november-2015/paris-agreement> (accessed: 01.08.2021).
  24. Schipper E.L.F. Conceptual History of Adaptation in the UNFCCC Process // Review of European Community and International Environmental Law. – 2006. – No. 15 (1). – P. 82–92.
  25. Susskind D., Vines D. The Economics of the COVID-19 Pandemic: An Assessment // Oxford Review of Economic Policy. – 2020. – Vol. 36. – P. S1–S13.
  26. UN Combats Disinformation during Pandemic / United Nations. – URL: <https://www.un.org/en/un-coronavirus-communications-team/un-combats-disinformatoin-during-pandemic> (accessed: 01.08.2021).
  27. United Nations Framework Convention on Climate Change, 1992 / United Nations. – URL: <https://unfccc.int/resource/docs/convkp/conveng.pdf> (accessed: 01.08.2021).

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ

Котов Александр Владимирович,

кандидат экономических наук,
Институт Европы РАН, Москва.

Alexander V. Kotov,

PhD (Economics),
Institute of Europe RAS, Moscow.

E-mail: alexandr-kotov@yandex.ru

ПЕРСПЕКТИВЫ СОТРУДНИЧЕСТВА РОССИИ И ЕС В ОБЛАСТИ ПРОСТРАНСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ

PROSPECTS FOR COOPERATION OF RUSSIA AND THE EU IN THE FIELD OF SPATIAL DEVELOPMENT

Аннотация: в статье рассматривается взаимодействие России и Европейского союза в сфере пространственной политики через призму реализуемых совместных программ территориального развития. На фоне постепенной деградации отношений в 2014–2020 годах показано, что этот вид международного диалога являлся одним из немногих, где обеим сторонам удавалось сотрудничать. Проведен анализ совместных инициатив приграничного сотрудничества. Отмечается, что пространственный фактор может сыграть важную роль в долгосрочной траектории восстановления двусторонних отношений. Базой для этого могут стать идеи сотрудничества по совместной разработке новых финансовых инструментов по обеспечению пространственного развития, подготовке рамочного документа по единым принципам проведения инвестиционной и региональной политики, расширению применения концепции умной региональной специализации.

Сделан вывод, что с учетом начала нового планового периода в ЕС (2021–2027 гг.) и реализации Стратегии пространственного развития России возможно формирование отдельного «отраслевого» диалога о пространственном развитии для консолидации тем инвестиционной, инновационной и региональной политики. Подчеркивается особый характер диалога в сфере пространственной политики как страховочной конструкции в текущем сложном периоде.

Ключевые слова: отношения Россия — ЕС, пространственное развитие, программы взаимодействия, умная специализация, региональная политика, Стратегия пространственного развития.

Abstract: the article discusses the interaction between Russia and the European Union in the field of spatial policy through the prism of the implemented joint programs of territorial

development. It is emphasized that against the background of the gradual degradation of relations in 2014—2020 it is shown that this type of international dialogue was one of the few where both sides managed to cooperate. The paper analyzes the joint mechanisms of cross-border cooperation. It is determined that the spatial factor can play an important role in the long-term trajectory of the restoration of relations. The basis for this can be the idea of cooperation of cooperation on the joint development of new financial instruments to ensure spatial development, the preparation of a framework document on uniform principles of investment and regional policy, and the expansion of the application of the concept of smart regional specialization. The author concludes that, taking into account the beginning of the new planning period in the EU (2021—2027) and the implementation of the Spatial Development Strategy of Russia, it is possible to form a separate “sectoral” dialogue on spatial development to consolidate the topics of investment, innovation and regional policies. This explains the special character of the dialogue in the sphere of spatial policy as a safety net in the current difficult period of relations is emphasized.

Key words: Russia-EU relations, spatial development, interaction programs, smart specialization, regional policy, spatial development strategy.

Введение

Реализация пространственной политики является естественным приоритетом как России, так и Европейского союза, и заключается в снижении региональных диспропорций, развитии инфраструктуры, транспортных коридоров, усилении межрегиональных взаимодействий. В условиях, когда по политическим причинам практически отсутствует диалог на высшем уровне, любые форматы регионального сотрудничества влекут за собой признание этой общей цели и проблем, связанных с ее достижением, для 85 регионов России и 27 государств — членов ЕС.

Пространственная политика в обоих субъектах международных отношений направлена в основном на преодоление традиционного разрыва между западной и восточной частями России в одном случае и преодоление неравенства между старыми и новыми членами в ЕС — в другом. Эти традиционные вызовы усложняются дополнительными особенностями, связанными с глобальными изменениями, постковидным восстановлением экономик, двойным структурным переходом (цифровым и климатическим), опасениями по поводу устойчивости окружающей среды, переходом в ЕС к углеродному регулированию. Эти вопросы, в особенности для российских экспортеров энергоресурсов и продукции первичных переделов, рассматриваются как препятствие для традиционной внешнеторговой специализации. Однако вместе с тем они являются возможностью для новых типов сотрудничества.

Политика сплочения (*cohesion policy*) является основой модели управления пространственным развитием в ЕС и сопровождает всю эволюцию Европейского союза: от создания единого рынка до необходимости содействия конвергенции страновых экономических систем в условиях череды последовательных расширений, необходимости реагирования на миграционный кризис [13]. В России Стратегия пространственного развития была утверждена в 2019 году. В документе предпринята попытка учесть разные типы территорий [23]. В этом случае, опираясь на базовые социально-экономические условия, можно будет раскрыть внутренний потенциал социально-экономического развития страны.

Важность пространственной политики стимулирует к детальному анализу обеих моделей управления пространственным развитием с попыткой заглянуть за горизонт долгосрочной перспективы. Исследовательский интерес усиливает тот факт, что, несмотря на осложнения в отношениях между Россией и ЕС последних лет, сотрудничество в области пространственного развития не прерывалось, не были заморожены программы приграничного сотрудничества Европейского союза с Россией, в которых участвуют и отечественные приграничные регионы.

Современная повестка пространственной политики Европейского союза

В отечественных работах по тематике пространственного развития ЕС А.Г. Гранберга [6], Н.Б. Кондратьевой [11], А.В. Кузнецова и О.В. Кузнецовой [19], С.С. Артоболевского [3], И.М. Бусыгиной [4], Л.В. Мельниковой [15] подробно освещены отдельные приоритеты и элементы пространственной (в узком смысле — региональной) политики ЕС, проблемы ее реализации на наднациональном и страновом уровнях. Вместе с тем нарастает влияние новых феноменов пространственной политики: перспективных инновационных региональных специализаций (*smart specialisation*), изменений европейской парадигмы пространственной политики в направлении «инклюзивного роста».

В настоящее время политика ЕС в пространственном измерении находится перед рядом вызовов. Один из них заключается в том: как территориальный аспект управления в ЕС мо-

жет наилучшим образом способствовать достижению двойной цели — обеспечению конкурентоспособности и сплоченности? [34] Необходимость оперативно реагировать для преодоления последствий пандемии коронавируса привела к изменениям в правилах работы европейских структурных фондов в рамках Инициативы по реагированию на пандемию (*Coronavirus Response Investment Initiative (CRII)*), благодаря которым у стран — членов ЕС появилась возможность аккумулировать дополнительные средства на меры по преодолению [29]. Был выделен дополнительный Пакет финансовой помощи в размере почти 530 млн евро в рамках Фонда солидарности ЕС (*European Solidarity Fund*) [24]. Он предназначался в качестве дополнительной финансовой поддержки 17 государствам — членам ЕС и трем странам — кандидатам на вступление в ЕС для борьбы с последствиями пандемии коронавируса для покрытия части государственных расходов, выделенных на финансирование срочных закупок медицинского оборудования и обеспечение контроля за распространением болезни. Еще одной новацией стало формирование программы Invest EU, которая заменила ряд ранее существовавших финансовых инструментов, став, таким образом, единым инструментом финансирования (по опыту работы Европейского фонда стратегических инвестиций (*EFSI*)) [35].

Другие вопросы касаются корректировки модели управления пространственным развитием в ответ на стягивание населения в крупнейшие города, взаимодействие городских и сельских районов и влияния, которое политика может оказать на экономический рост, увеличение рабочих мест, особенно в малонаселенных периферийных, отстающих регионах и на территориях с особыми географическими характеристиками [26; 28; 37]. Наконец, состоявшийся выход Соединенного Королевства из ЕС оказал значительное влияние на бюджет объединения и, следовательно, на финансовое обеспечение пространственного развития [25].

При разнообразии моделей управления пространственным развитием в отдельных странах ЕС региональное планирование состоит в поиске и совершенствовании механизмов по координации территориальных эффектов государственной политики, проводимой по разным направлениям, в целях обеспечения более сбалансированного экономического развития в рамках еди-

ной территории Союза [8; 41]. В большинстве документов ЕС по пространственной политике в качестве стратегических ориентиров для территориального развития заявляется содействие интеграции территориального развития в рамках разных отраслевых политик на всех уровнях управления. В стратегии «Европа 2020» [27] по обеспечению умного, устойчивого и всеобъемлющего роста подчеркивается, что ее цели могут быть достигнуты только в том случае, если будут учитываться территориальные аспекты стратегии, поскольку возможности развития регионов чрезвычайно различны.

Принципиально важным признается учет разнообразия территорий для раскрытия потенциала развития. Территории с общими (или соседствующими) потенциалами или проблемами могут сотрудничать в поиске общих решений и использовании своего территориального потенциала путем обмена опытом и знаниями. На прикладном уровне это, например, выражается в пространственной развертке научно-технологической программы «Горизонт 2020» (2014—2020 гг.) по регионам в целях поддержки новых экономических специализаций [33].

Целесообразно выделить пять императивов пространственного развития ЕС, которые лежат в основе управления пространственным развитием:

- полицентричное и сбалансированное территориальное развитие ЕС (города и регионы взаимодействуют как части полицентричной структуры, способствующие развитию всей системы). Политика обеспечения многополярности территориального развития способствует территориальной конкурентоспособности территорий ЕС также за пределами «Пентагона» (центра экономического развития ЕС в форме условного пятиугольника Лондон — Гамбург — Мюнхен — Милан — Париж);
- полицентричное развитие на макрорегиональном, трансграничном, национальном и региональном уровнях, которое призвано избегать поляризации между столицами, городскими районами и городами среднего размера в национальном масштабе [32];
- поощрение комплексного развития в городах, сельских и конкретных регионах (на основе Лейпцигской хартии

устойчивого развития европейских городов, Марсельской и Толедской декларации о градостроительстве). Поддерживаются все усилия, помогающие сделать города двигателями умного, устойчивого и всеобъемлющего развития и привлекательными местами для жизни, работы, миграций и инвестиций [40];

- развитие широкого круга сельских районов, которое должно учитывать их уникальные характеристики. Сельские, периферийные и малонаселенные территории с низкой плотностью экономикой имеют в европейской модели собственный вариант развития, не сводящийся к рецептам для сильно урбанизированных пространств [39];
- принципиальное признание разнообразности связей, которые могут иметь между собой городские и сельские территории по всей Европе (сельская политика 3.0) [38]. Однако разрыв в относительном развитии между основными (городскими) и сельскими (в том числе и отдаленными периферийными) районами, вероятно, увеличится в результате строительства новой инфраструктуры, усилит положение основных областей в качестве транспортных узлов [42].

Несмотря на неоднозначные результаты реализации политики в территориальном разрезе, следует в итоге отметить, что ЕС подтверждает свою приверженность реализации стратегий интеграции региональных экономик в целях создания более справедливого и территориально сбалансированного объединения.

Российская специфика пространственного развития

В принятой Стратегии пространственного развития Российской Федерации учтено территориальное разнообразие базовых условий разных типов территорий России как основы для дальнейшего социально-экономического развития [7]. В настоящее время всё четче осознается необходимость использования для восстановления экономического роста пространства как ресурса, в связи с чем разрабатываются инструменты пространственного развития (программы поддержки моногородов, развития сельских территорий, территорий опережающего развития и особых экономических зон, федеральный проект «Формирование комфортной городской среды» и др.).

Особенностями нынешней модели пространственного развития России становятся:

- сужение работы института госпрограмм до геостратегически важных территорий;
- доминирование задач освоения пространства через развитие городских агломераций [10];
- развитие новых институтов поддержки проблемных точек (Фонд поддержки моногородов) на новой проектной основе (Федеральный фонд проектного финансирования, Фонд развития промышленности);
- переформатирование государственной поддержки в сфере экспорта и поддержки малого и среднего предпринимательства;
- расширение практики использования инструментария нефинансовых институтов развития (Агентство стратегических инициатив по продвижению новых проектов (АСИ), Ассоциация инновационных регионов России (АИРР), Ассоциация индустриальных парков и технопарков (АИПит) и др.).

Современный период эволюции модели управления пространственным развитием России характеризуется повышенным вниманием к проблемам пространственного развития страны и определяющей его государственной политике, особенно на фоне складывающейся неблагоприятной внешнеэкономической конъюнктуры, внешнеполитической напряженности и санкционного давления.

Диалог России и ЕС в области пространственного развития

Фундаментальной константой для развития диалога между Россией и ЕС в области пространственного развития и региональной политики является соглашение о действиях в рамках «Общих принципов устойчивого пространственного развития на Европейском континенте» [5]. Их базовыми положениями являются следующие:

- развитие энергетической инфраструктуры, обеспечение энергетической безопасности;
- укрепление культурного наследия как фактора развития;

- содействие территориальной сплоченности путем более сбалансированного социально-экономического развития регионов и повышения конкурентоспособности;
- защита природных ресурсов и природного наследия;
- поощрение развития функций городов и агломераций;
- балансирование отношений между городом и деревней;
- развитие доступа к информации и знаниям;
- снижение экологического ущерба.

На основе разделения этих принципов и осуществления текущей координации по пространственным инициативам регулярно проводятся заседания конференции СЕМАТ — клуба министров стран Европы, ответственных за пространственное и региональное развитие.

8—9 июля 2010 года прошла 15-я Европейская конференция министров, ответственных за региональное/пространственное планирование Совета Европы на тему «Вызовы будущего: устойчивое пространственное развитие Европейского континента в изменяющемся мире». За 40-летнюю историю существования СЕМАТ 15-я конференция СЕМАТ стала юбилейной и значимой для России в качестве председателя [1]. Несмотря на осложнение международной обстановки спустя несколько лет, Россия продолжала участвовать в этой конференции, например, в 2017 году на очередной конференции в Бухаресте предложила свое видение развития агломерационного подхода для развития территорий [2].

Другой трек между Россией и ЕС развивался на площадках Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) по вопросам развития межгосударственного сотрудничества, разработки рекомендаций в области городской и сельской политики, применения современных инструментов региональной диагностики в российской практике. К ним, например, относятся вопросы имплементации региональной типологии ОЭСР, которая используется Евросоюзом, но в России еще должна быть сформирована. Это сильно влияет на положение России в разных межстрановых сопоставлениях.

Наиболее тесного сотрудничества в сфере пространственной политики Россия и ЕС смогли достичь в реализации европейских территориальных программ соседства в условиях свертывания

большинства форм международного общения [16]. Программы «Интеррег» по регионам Балтийского моря, взаимодействия в «северном измерении» приарктических районов Финляндии и России («Коларктик»), в приграничье Южной Финляндии и Ленинградской области и Карелии дают импульс сотрудничеству между регионами, которые сейчас всё больше разделяются в условиях роста противоречий в других сферах двусторонних отношений.

Россия в 2014—2020 годах активно участвовала в этих программах на основах полноправного партнерства с собственным финансированием программы (табл. 1).

Таблица 1

**Подпрограммы в рамках ИнтеррегV (2014—2020)
с участием Российской Федерации**

Программа	Территории, имеющие право на участие в программе	Исходный объем финансирования в программный период 2014—2020 гг., млн евро
Коларктик/Север	Россия: Мурманская область, Архангельская область, Ненецкий автономный округ; Финляндия: Лаппи; Швеция: Норботтен; Норвегия: Финмарк, Тромсе, Нордланд	70,48
Россия/Северная Карелия (Финляндия)	Россия: Республика Карелия; Финляндия: Кайнуу, Северная Похьянмаа, Северная Карелия	46,40
Программа сотрудничества в регионе Балтийского моря	Россия: Мурманская область, Республика Карелия, Санкт-Петербург, Ленинградская, Псковская, Калининградская, Вологодская, Новгородская, Архангельская области, Ненецкий автономный округ, Республика Коми; Финляндия, Швеция, Дания, Эстония, Латвия, Литва, Польша: вся территория; Германия: Мекленбург — Передняя Померания, Шлезвиг-Гольштейн, Бранденбург, Берлин, Гамбург, Бремен; Беларусь: вся территория; Норвегия: вся территория	22,64

Программа	Территории, имеющие право на участие в программе	Исходный объем финансирования в программный период 2014—2020 гг., млн евро
Россия/Юго-Восточная Финляндия	Россия: Санкт-Петербург, Ленинградская область; Финляндия: Южная Карелия, Кюменлааксо, Южное Саво	72,36
Россия/Эстония	Россия: Санкт-Петербург, Ленинградская, Псковская области; Эстония: северо-восточная и южная части	73,08
Россия/Латвия	Россия: Псковская область; Латвия: регионы Латгале, Видземе	(объединенная программа)
Россия/Литва	Россия: Калининградская область; Литва: регионы Мариямполье, Тайрагес и Клайпеда	176,13
Россия/Польша	Россия: Калининградская область; Польша: воеводства Троймейски, Гданьск, Эльблонг, Ольштын, Лося, Сувалки, Старогадски	(объединенная программа)

Источник: составлено автором на основе [17].

В предыдущем цикле территориального взаимодействия Россия — ЕС в 2007—2013 годах в России общий объем выделенного финансирования по программам составил 307 млн евро, где 122 млн евро составляло софинансирование российскими партнерами [9]. Экология, инфраструктура, образование и культура являлись сферами, где проектные вложения оказались наиболее эффективными [21]. В недавно закончившемся цикле программ 2014—2020 годов санкции ЕС, введенные против России в 2014 году, не коснулись программ приграничного сотрудничества «Россия — Юго-Восточная Финляндия», «Коларктик» и «Карелия», которые были реализованы в 2018—2020 годах.

Изначально программы приграничного сотрудничества были одобрены на заседании Совета Федерации 28 июля 2018 года в форме федеральных законов, направленных на развитие при-

граничного сотрудничества Российской Федерации со странами Северо-Западной Европы. Речь идет, например, о Федеральном законе «О ратификации Соглашения о финансировании и реализации программы приграничного сотрудничества «Коларктик» на период 2014—2020 годов». Программа была направлена на решение общих вызовов приграничных территорий посредством реализации совместных проектов Мурманской и Архангельской областей, Ненецкого автономного округа, а также приграничных территорий Финляндии, Швеции и Норвегии. По данным Министерства экономического развития РФ, бюджет программы на 2014—2020 годы был сверстан в 290 млн евро, из которых на софинансирование российской стороны пришлось 76 млн евро [22].

Другая принятая инициатива представлена в Федеральном законе «О ратификации Соглашения о финансировании и реализации программы приграничного сотрудничества «Россия — Юго-Восточная Финляндия» на период 2014—2020 годов». В Соглашении определялись, в частности, размеры финансовых взносов сторон, порядок перечисления средств и условия приостановления сторонами платежей по программе. Соглашение о финансировании программы приграничного сотрудничества «Россия — Юго-Восточная Финляндия» на период 2014—2020 годов» с общим бюджетом 72,3 млн евро [20] исполнялось Санкт-Петербургом, Ленинградской областью и объединением коммун Финляндии Кюменлааксо, Южная Карелия и Южное Саво.

Третьим из пакета федеральных законов являлся Федеральный закон «О ратификации Соглашения о финансировании и реализации программы приграничного сотрудничества «Карелия» на период 2014—2020 годов». Программа предназначалась для реализации совместных проектов Республики Карелия и объединений коммун Финляндии Северная Карелия, Кайнуу и Оулу. Соглашение о финансировании программы «Карелия» на 2014—2020 годы включало бюджет в размере 43 млн евро. Участники программы — правительство РФ, ЕС и Министерство экономики и занятости Финляндии [18].

Таким образом, российско-европейское сотрудничество в области пространственного развития, даже будучи географически ограниченным приграничным коридором и сильно связанным

в настоящее время с задачами обеспечения национальной безопасности [14], является одним из наиболее структурированных, системных, не подверженных серьезным колебаниям международной конъюнктуры. Оно имеет взаимовыгодный характер, и в сегодняшних сложных условиях все цепочки событий и проектов в программах укрепляют доверие на всем протяжении совместной границы между ЕС и Россией.

Направления интенсификации сотрудничества России и ЕС по проблемам пространственного развития

Совместное управление проектами в приграничных районах и активизация межрегионального сотрудничества обеспечивают потенциал для региональной координации на экономическом пространстве от Лиссабона до Владивостока, добавляя ценность существующему и европейскому, и российскому опыту. В этом смысле следующие области могут быть рассмотрены в качестве приоритетных.

1. Совместный поиск новых финансовых инструментов (проблемы финансового обеспечения пространственного развития). Финансовые инструменты являются эффективным ресурсом для проектов с потенциальной экономической жизнеспособностью, важностью для обеих сторон. Представляется важным искать новые инструменты для поддержки следующих направлений совместных действий:

- укрепление исследований, технологического развития и инноваций;
- расширение доступа к ИКТ, их использование и повышение качества;
- повышение конкурентоспособности малого и среднего предпринимательства;
- поддержка перехода к низкоуглеродной экономике во всех секторах;
- содействие адаптации к изменению климата, предотвращению рисков и управлению ими;
- сохранение и защита окружающей среды и повышение эффективности использования ресурсов;
- содействие устойчивому транспорту и устранение узких мест в ключевых сетевых инфраструктурах.

2. Подготовка рамочного документа по единым принципам проведения инвестиционной и региональной политики. Диалог в области региональной инвестиционной политики может стать мотором целенаправленного развития взаимодействия в целях укрепления конкурентоспособности российских и европейских регионов. На наш взгляд, инвестиционные приоритеты двустороннего пространственного сотрудничества необходимо сосредоточить: на энергетике и изменениях климата; обеспечении условий для снижения энергетической зависимости; развитии «синей экономики» (экономика морских ресурсов) с усилением их стратегического потенциала; укреплении связи с глобальными сетями и рынками; повышении конкурентоспособности и привлекательности городских районов, а также их социальной сплоченности; дополнительном внимании к низкоплотным и трансграничным территориям в целях раскрытия их экономического потенциала [36].

3. Диалог по умной региональной специализации. В ЕС Комитет по региональной и городской политике представил еще в 2011 году руководящие принципы для европейских, региональных и инновационных стратегий третьего поколения в отношении развития региональных перспективных специализаций, которые в Европе принято в контексте инновационной экономики называть «умными специализациями» (*smart specialisation*) [30; 31]. В этом документе подробно изложены ожидания ЕС относительно будущего регионов, стремящихся к созданию региональных новых экономических специализаций. На региональном уровне этот документ привел к появлению серии территориальных стратегий, усилия которых были направлены на создание эффективных инструментов поддержки инноваций, понимаемых как передача знаний малым и средним предприятиям всех секторов экономики [12].

В области пространственного сотрудничества России и ЕС в дальнейшем, возможно, следует перейти от реализации просто проектов приграничного сотрудничества к проектам разработки кросс-граничной умной региональной специализации, для того чтобы взаимодействие регионов поднять до более высокого уровня. Выявленные кросс-граничные умные специализации могут иметь ключевое значение с точки зрения регионального инно-

вационного развития, включая энергетические и экологические технологии, информационные и коммуникационные технологии, технологии производства и переработки, а также биотехнологии, включая биоинженерию и биомедицину. Представляется необходимым для этой цели проведение анализа перспективности технологических областей, стратегических с точки зрения обобщенного регионального инновационного развития, составление сценариев взаимозависимого развития и дорожных карт реализации проектов межрегиональной умной специализации.

Эта инициатива поможет регионам России и ЕС разрабатывать, обновлять и совершенствовать свои стратегии умной специализации, то есть региональные инновационные стратегии, основанные на нишевых областях конкурентных преимуществ.

Заключение

Активизация взаимодействия России и ЕС в сфере пространственного развития будет способствовать координации разных направлений других политик, субъектов отношений, созданию новых форматов обмена экономическим знанием, сгенерированным на приграничных территориях. Инструменты по реализации возможных новых мер диалога по пространственной политике находятся в руках институтов ЕС и России, региональных и местных органов власти. Расширение этого взаимодействия можно обеспечить достаточно быстрым образом, если использовать многоуровневые форматы. Парадокс заключается только в том, что для обеспечения подобной инклюзивности взаимодействия необходимо начинать с разнообразия очень малых форматов, локализованных на определенных территориях, способных работать в направлении восстановления отношений России и ЕС.

Для того чтобы сотрудничество между российскими и европейскими учреждениями активизировалось, в настоящее время сложились благоприятные предпосылки. Пространственная политика после разработки профильной Стратегии в России обрела статус национальной. Это будет способствовать расширению международного сотрудничества, структурирования и координации российской и европейской повестки дня. Таким образом, в сложных условиях поддерживаемый диалог в сфере проблематики пространственного развития, не самой главной, возмож-

но, в международных делах, становится критически важным. Он дает возможность создания параллельной площадки, своеобразного запасного аэродрома, где одновременно с вопросами пространственного развития на Европейском континенте могут обсуждаться более сложные вопросы торгово-экономических и других отношений. Например, темы развития транспортной инфраструктуры, трансграничных экономических специализаций, новых логистических коридоров, работа в рамках макро-регионов (в частности, Балтийского моря) являются как глубоко специфичными, так и находящимися в полугаге уже от большой повестки российско-европейских экономических отношений. В современных условиях важно иметь такую «страховку», чтобы не останавливать диалог между различными группами государственных и общественных структур.

Литература

- 15-я Европейская Конференция Министров, ответственных за региональное/пространственное планирование (CEMAT) Совета Европы / Центр международной торговли. – URL: <https://wtcmoscow.ru/news/15-aya-evropeyskaya-konferentsiya-ministrov-otvetstvennykh-za-regionalnoe-prostranstvennoe-planirova/> (дата обращения: 22.10.2018).
- 17-я сессия Конференции Министров стран – членов Совета Европы, ответственных за пространственное планирование (CEMAT) // Polpred.com. Обзор СМИ. – URL: https://polpred.com/news/%7Ckaliningrad.geocci.info/search.php%7Cq=%D1%83%D0%B4%D0%BE%D0%B1%D1%80%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D1%8F&s=R&country=?ns=1&fulltext=on&word=clr&period_count=1&sortby=id&page=3059 (дата обращения: 22.10.2018).
- Артоблевский С.С. Западный опыт реализации региональной политики: возможности и ограничения практического использования // Региональные исследования. – 2008. – № 3. – С. 3–16.
- Бусыгина И.М. Региональная политика Европейского Союза // Доклады Института Европы. – № 17. – М., 1999.
- Вергун Н.М. Европейская стратегия пространственного развития в условиях глобализации и ее применимость для развития российских регионов // Вестник РГГУ. Серия: Экономика. Управление. Право. – 2009. – № 3. – С. 189–200.
- Гранберг А.Г. Региональное развитие: опыт России и Европейского Союза. – М.: Экономика, 2000. – 439 с.
- Гришина И.В., Полюнев А.О., Шкуропат А.В., Котов А.В. Стратегия пространственного развития России: методические подходы к разработке экономического блока: монография / под ред. И.В. Гришиной; ВАВТ Минэкономразвития России. – М.: ВАВТ, 2018. – 281 с.
- Европейская интеграция / под ред. О.В. Буториной. – М.: Издательский дом «Деловая литература», 2011. – 720 с.
- Карелина И.А., Чарушина О.Б. К 25-летию создания программы Европейского Союза «Интеррег» // Стратегическое планирование в регионах и городах России: пространство выбора и выбор пространства: доклады участников XIV общероссийского Форума лидеров стратегического планирования (Санкт-Петербург, 19–20 октября 2015 г.) / под ред. Б.С. Жихаревича. – СПб.: МЦСЭИ «Леонтьевский центр», 2016. – 104 с. – С. 64–68.

10. Коломак Е.А., Крюков В.А., Мельникова Л.В. [и др.] Стратегия пространственного развития России: ожидания и реалии // Регион: экономика и социология. – 2018. – № 2 (98). – С. 264–287.
11. Кондратьева Н.Б. Россия – ЕС: трансграничное сотрудничество вне конъюнктуры // Современная Европа. – 2014. – № 4. – С. 33–47.
12. Котов А.В. Методический подход к определению умной специализации регионов России // Регион: экономика и социология. – 2020. – № 2 (106). – С. 22–45.
13. Красносельская Д.Х. Ключевые принципы формирования политики пространственного развития Европейского Союза // Управление социально-экономическими системами: матер. Междунар. науч.-практ. конф.: в 2 т. (Вологда, 2–3 февраля 2017 г.). – Вологда: Вологодский гос. ун-т, 2017. – С. 260–262.
14. Кузнецов А.В., Кузнецова О.В. Изменение роли приграничных регионов в региональной политике стран ЕС и России // Балтийский регион. – Т. 11. – 2019. – № 4. – С. 58–75.
15. Мельникова Л.В. «Пространственно-нейтральная» и «локально-адресная» региональная политика: проблема выбора // Регион: экономика и социология. – 2014. – № 1 (81). – С. 64–85.
16. Непарко М.В., Акимов Н.Е. Трансграничное сотрудничество России и Европейского союза // Экономика и бизнес: теория и практика. – 2020. – № 12-2 (70). – С. 177–180.
17. Программы CBC ENI 2014–2020 / Eastern Partnership Territorial Cooperation. – URL: www.eaptc.eu/ru/eni-cbc-programmes.html (accessed: 22.10.2018).
18. Ратифицированы соглашения, направленные на развитие приграничного сотрудничества РФ со странами Северо-Западной Европы / Совет Федерации. – URL: <http://council.gov.ru/events/news/94718/> (дата обращения: 22.10.2018).
19. Региональная политика: зарубежный опыт и российские реалии / под ред. А.В. Кузнецова, О.В. Кузнецовой. – М.: ИМЭМО РАН, 2015. – 137 с.
20. Россия и ЕС реализуют проекты приграничного сотрудничества стоимостью 123 миллиона евро / Мин-во экономического развития РФ. – URL: https://www.economy.gov.ru/material/news/rossiya_i_es_realizuyut_proekty_prigranichnogo_sotrudnichestva_stoimostyu_123_milliona_evro.html (дата обращения: 06.11.2021).
21. РФ и ЕС заключили соглашения о программах приграничного сотрудничества. – URL: <https://www.interfax.ru/world/596253> (дата обращения: 06.11.2021).
22. Программы приграничного сотрудничества Россия – ЕС / Мин-во экономического развития РФ. – URL: <http://old.economy.gov.ru/minec/activity/sections/mps/programs/index> (дата обращения: 06.11.2021).
23. Стратегия пространственного развития Российской Федерации до 2025 года: распоряжение Правительства РФ от 13.02.2019 № 207-р / Мин-во экономического развития РФ. – URL: https://www.economy.gov.ru/material/directions/regionalnoe_razvitiye/strategicheskoe_planirovaniye_prostranstvennogo_razvitiya/strategiya_prostranstvennogo_razvitiya_rossiyskoj_federacii_na_period_do_2025_goda/ (дата обращения: 05.06.2020).
24. Эстония получит 3,6 млн евро из Фонда солидарности ЕС // Деловые ведомости. – URL: <https://www.dv.ee/novosti/2021/03/11/jestonija-poluchit-36-mln-evro-iz-fonda-solidarnosti-es> (дата обращения: 10.06.2021).
25. Brexit: The Commission proposes the creation of a Brexit Adjustment Reserve / European Commission. – URL: https://ec.europa.eu/regional_policy/en/newsroom/news/2020/12/25-12-2020-brexite-the-commission-proposes-the-creation-of-a-brexite-adjustment-reserve (accessed: 10.06.2021).
26. Challenges for EU cohesion policy: Issues in the forthcoming post-2020 reform / European Parliament. – URL: [http://www.europarl.europa.eu/thinktank/en/document.html?reference=EPRS_BRI\(2018\)614703](http://www.europarl.europa.eu/thinktank/en/document.html?reference=EPRS_BRI(2018)614703) (accessed: 10.06.2021).
27. Cohesion Policy and the Europe 2020 strategy / European Commission. – URL: http://ec.europa.eu/regional_policy/archive/policy/future/eu2020_en.htm (accessed: 14.07.2018).
28. Cohesion Policy post-2020: Doing more with less and additional private funding // Euroactiv. – URL: <https://www.euractiv.com/section/economy-jobs/opinion/cohesion-policy-post-2020-doing-more-with-less-and-additional-private-funding/> (accessed: 10.06.2021).
29. Coronavirus Response Investment Initiative / European Commission. – URL: https://ec.europa.eu/regional_policy/en/information/publications/factsheets/2020/coronavirus-response-investment-initiative (accessed: 10.06.2021).
30. European Commission. Connecting Smart and Sustainable Growth through Smart Specialisation. A practical guide for ERDF managing authorities // Smart Specialisation Platform. – URL: <http://s3platform.jrc.ec.europa.eu/documents/10157/0/greengrowth.pdf> (accessed: 10.06.2018).
31. European Commission. The role of clusters in specialization smart strategies. Research and Innovation, 2013 / European Commission. – URL: http://ec.europa.eu/research/evaluations/pdf/archive/other_reports_studies_and_documents/clusters_smart_spec2013.pdf. (accessed: 10.11.2018).
32. Heinelt H., Münch S. (Eds.) Handbook on EU Policies. – Edward Elgar, 2018.
33. Fostering synergies between Horizon 2020 and Cohesion policy // Krajowy Punkt Kontaktowy. – URL: <https://www.kpk.gov.pl/wp-content/uploads/2016/07/synergie-2016-03-17.pdf> (accessed: 14.07.2018).
34. Ideas and Options for Cohesion Policy Post-2020 // IQ-Net Thematic Paper, 38 (2). European Policies Research Centre. – Glasgow, 2016.
35. Launch of the Invest EU Programme. – URL: https://ec.europa.eu/info/events/investeu_en (accessed: 10.06.2021).
36. Meeting of the 7th Structured Dialogue with European Structural and Investments Funds' partners group of experts / European Commission. – URL: http://ec.europa.eu/regional_policy/sources/informing/dialog/2017/minutes_2017_11_21.pdf (accessed: 10.11.2018).
37. Northern Sparsely Populated Areas network calls for a strong cohesion policy post-2020 // Region Västernorrland. – URL: <https://www.rvn.se/contentassets/2df1e79f20cf4bcfb8f94811cc937b37/nsipa-cohesion-position-30-6-2016-00000002.pdf> (accessed: 10.06.2021).
38. OECD Rural Policy 3.0 / Organisation for Economic Cooperation and Development. – URL: www.oecd.org/cfe/regional-policy/rural-policy-3.0.pdf (accessed: 22.06.2018).
39. Shrinking rural regions in Europe. Towards smart and innovative approaches to regional development challenges in depopulating rural regions / ESPON. – URL: <https://www.espon.eu/sites/default/files/attachments/ESPON%20Policy%20Brief%20on%20Shrinking%20Rural%20Regions.pdf> (accessed: 10.11.2018).
40. Socio-Economic challenges facing agriculture and rural areas. European commission directorate-general for agriculture and rural development / European Commission. – URL: https://ec.europa.eu/agriculture/sites/agriculture/files/consultations/capmodernising/soc_background_final_en.pdf (accessed: 10.11.2018).
41. Spatial planning: Key Instrument for Development and Effective Governance, UN, 2008.
42. Trans-european corridors to major transport axes / European Commission. – URL: https://ec.europa.eu/transport/themes/infrastructure_en. (accessed: 14.07.2018).

Кузмак Андрей Александрович,
журнал «Международная жизнь», Москва.
Andrei A. Kouzmaк,
International Affairs Journal, Moscow.
E-mail: andrei_kouzmaк@mail.ru

НАЦИОНАЛ-КОНСЕРВАТИВНЫЕ СИЛЫ И ИХ ЗНАЧЕНИЕ В ПОЛИТИЧЕСКОМ КРИЗИСЕ В США

NATIONAL CONSERVATISM AND ITS SIGNIFICANCE IN THE POLITICAL CRISIS IN THE UNITED STATES

Аннотация: в статье исследуется идеологическое содержание национал-консервативного движения в США, его становление и политическая деятельность в XXI веке. Приводятся основные социокультурные позиции национал-консервативного лагеря в условиях внутривнутриполитического кризиса в США. Анализируется последовательное падение уровня доверия населения к правящему классу в стране, повлекшее за собой в начале 2000-х годов рост числа альтернативных СМИ и появление новых консервативных лидеров общественного мнения и движения «альтернативных правых». Производится также краткий анализ идеологического кризиса Республиканской партии, оказавшего влияние на формирование новой национал-консервативной повестки на базе антиэлитаризма и антиглобализма. Исследуется роль Д. Трампа как лидера американского национал-консервативного движения. Произведен краткий обзор отношения основных его спикеров (С. Бэннон, Т. Карлсон, А. Джонс и других) к России в контексте глобального политического и концептуального противостояния.

Ключевые слова: Соединенные Штаты Америки, Республиканская партия США, консервативные движения, национал-консерватизм, альтернативные правые, политический ландшафт, Дональд Трамп, СМИ в США.

Abstract: the article examines the ideological content of the national conservative movement in the USA, its formation and political activity in the XXI century. The main socio-cultural positions of the national conservative camp in the context of the domestic political crisis in the United States are given. The article analyzes the consistent decline in the level of public confidence in the ruling class in the country, which led to an increase in the number of alternative media in the early 2000s and the emergence of new conservative leaders of public opinion and the "alternative right" movement. A brief analysis of the ideological crisis of the Republican Party is made, which also influenced the formation of a new national conservative agenda based on anti-elitism and anti-globalism. The role of D. Trump as the leader of the American national conservative movement is investigated. A brief overview of the attitude of its main speakers (C. Bannon, T. Carlson, A. Jones and others) to Russia in the context of global political and conceptual confrontation is made.

Key words: United States of America, Republican Party, conservative movements, national conservatism, alternative right, political landscape, Donald Trump, American media.

После избрания Д. Трампа на пост Президента Соединенные Штаты Америки переживают крупнейший социально-политический кризис со времен Гражданской войны. В качестве одного из инструментов внутриэлитной борьбы на поверхность обще-

ственной дискуссии были подняты ключевые вопросы расового и социального неравенства. Общество поляризуется и, как следствие, радикализируется. Политика Д. Байдена, несмотря на обещания «склеивать страну», очевидно, будет только усиливать запущенные центробежные процессы внутри США.

Набирающий силу национал-консерватизм, идеологически наследующий от американского консерватизма второй половины XX века, противостоит новому американскому прогрессивизму, чью совокупность формируют группы «новых левых», популистов, феминистов, «зеленых», борцов за права сексуальных меньшинств и другие силы. Вместе с тем это столкновение, очевидно, имеет под собой куда более сложные основания. Речь идет о разногласиях по ключевым вопросам национальной идентичности, поддержке или неприятию американцами нынешнего правящего класса и главное — об идеологической составляющей американского государства. Таким образом, раскол американского общества происходит отнюдь не вдоль линии традиционного партийного разграничения «демократы» — «республиканцы», хотя отчасти и спровоцирован идеологическим кризисом в лагере последних. Такое разделение представляется весьма условным и неполным.

О современных американских консерваторах, или, точнее, национал-консерваторах, всерьез заговорили лишь после президентских выборов 2016 года, победу на которых неожиданно для многих одержал их лидер Д. Трамп. Однако даже по прошествии шести лет весьма проблематичным представляется определить единую политическую линию консолидированного национал-консервативного движения в США — по причине его чрезвычайного разнообразия. На фоне очевидного социально-политического кризиса в стране этот факт делает американский национал-консерватизм феноменом, заслуживающим отдельного внимания и изучения.

Факторы становления американского национал-консерватизма

1. Теоретические основания: изоляционизм, антиглобализм, антиэлитаризм. Идеология американских национал-консерваторов проистекает из того же источника, что ос-

новные принципы их противников-прогрессистов, — из системы взглядов об «американской исключительности»: от «Модели христианского милосердия» Д. Уинтропа¹ (и его видения США как «Града на холме») к «Явному предначертанию» Д. О'Салливана². Вместе с тем отличительной особенностью национал-консерватизма в данном контексте является приверженность изоляционизму. Ключевым документом, характеризующим отношения национал-консерваторов с внешним миром, безусловно, является «Доктрина Монро», развитая впоследствии Р. Тафтом (идея «Крепости Америка») и современными палеоконсерваторами. О приверженности ей неоднократно заявляли члены администрации Трампа. Изоляционистские идеи на протяжении всей истории США оказывали большое влияние на умы, но с начала XX века в среде правящего класса постепенно отступали в противостоянии с проектами построения Американской империи [2].

Совершенно естественно, что по мере развития и расширения объективных и субъективных процессов глобализации «изоляционистский фланг» американского консерватизма обратился в антиглобализм [10]. Перенос производства в страны Юго-Восточной Азии, рекордные масштабы иммиграции, доминирование идей мультикультурализма над теорией «плавильного котла» (в рамках которой, по выражению Э. Кревкера, «представители всех национальностей *смешиваются* в новую расу людей, чьи потомки однажды изменят мир» [20]), — всё это, главным образом, ударило по тем слоям населения, чьи представители и являют собой основную массу американских консерваторов.

2. Расовый вопрос в США. Проблема расового неравенства в США является одной из интегральных в их истории, «критической ошибкой», заложенной в силу объективных исторических обстоятельств в основу системы американской госу-

¹ Д. Уинтроп (1587—1649), глава «Великого переселения пуритан» (1630 г.), губернатор Компании Массачусетского залива — первой британской колонии в Америке. Автор проповеди «Модель христианского милосердия», ключевой термин которой «Град на холме» (Ис. 2:2—3, Мф. 5:14) был неоднократно использован для описания феномена американской исключительности: «Мы должны иметь в виду, что будем подобны городу на холме и глаза всех будут устремлены на нас...» [9].

² «Явное предначертание», или «Предопределение судьбы» («Manifest destiny») — ставшее крылатым словосочетание, использованное публицистом Д. О'Салливаном в статье «Аннексия», опубликованной в 1845 году в журнале «Democratic Review». Статья была посвящена вопросу присоединения Техаса и содержала три тезиса: превосходство американской нации и ее институтов, миссия по распространению этих институтов, божественное предначертание США в реализации этой миссии [25].

дарственности. Вопреки распространенному мнению, принятие в 1865—1870 годах 13-й, 14-й и 15-й поправок к Конституции не гарантировало афроамериканцам ни формального, ни тем более практического равноправия с белыми. Более того, эти политические меры не только не изменили внутрирасовых отношений в стране, но, напротив, обозначили критические расхождения в среде белого и черного населения в понимании собственного гражданского статуса. На бытовом уровне это касалось образования, отношения к воинской службе, судопроизводства и т. д. Данное положение было закреплено Законами Джима Кроу, принятыми в 1890 году и окончательно отмененными только в 1964 году. Оно подкреплялось тезисами евгеники и социал-дарвинизма, популярных в США начиная с конца XIX века. Показательно, что абсолютно аналогичные правовые инструменты в разное время действовали также против коренного населения США, например «Закон об исключении азиатов» 1924—1976 годов.

Таким образом, расовая сегрегация является частью исторического опыта, традиции и менталитета не только и не столько черного населения страны. Часть белого американского большинства имеет конкретный *политический* опыт, на протяжении десятилетий формировавший его жизненный уклад. Итогом этих процессов стал критический разрыв в доходах и накоплениях домохозяйств. Например, в 2016 году средняя белая семья владела имуществом на 171 тыс. долл. без учета долговой нагрузки в то время, как стоимость личных активов средней афроамериканской семьи была на порядок (!) меньше — 17,2 тыс. [29]. Это, в свою очередь, формирует в обществе соответствующую систему расовых стереотипов. Безусловно, данное обстоятельство не может быть поводом для обвинений всех белых американцев во «врожденном» расизме — один из популярных аргументов со стороны демократов. Это не дает также оснований утверждать о наличии системного или институционального расизма, на котором настаивают американские левые. Кроме того, рост активности ультраправого движения явился во многом как раз реакцией на действия «Black Lives Matter», «Antifa» и их поддержку со стороны Демпартии и связанных с ней элит в отдельных штатах. Однако нет смысла отрицать серьезность этой проблемы, воплощающей себя в ряде организаций откровенно нацистского толка, которые

составляют часть национал-консервативного крыла в США. Так, например, в августе 2017 года в ответ на решение властей Шарлоттсвилля (Вирджиния) о сносе памятника генералу Ли в город съехались сторонники 17-ти правых и ультраправых организаций со всей страны и провели масштабную акцию «Unite the Right Rally» [18]. Как результат такой реакции — новый всплеск популярности получили группы, практически исчезнувшие к началу 2000-х годов: Национал-социалистическое движение Д. Рокуэлла, Традиционалистская партия, Ку-клукс-клан и др.

3. Иммиграционный вопрос. Одной из наиболее важных проблем наблюдаемого в США раскола является различное отношение к вопросам миграции. Между тем сам вопрос принятия или неприятия мигрантов имеет два измерения. Первое — общественное, являющееся производной из показанной выше системы национальных стереотипов, в том числе расовых. Второе — гораздо более важное — политическое. На протяжении последних 30 лет Демократическая партия прикладывает усилия для размывания электората республиканцев за счет новых, главным образом латиноамериканских, избирателей. С 1990 года «синими» или, по меньшей мере, «фиолетовыми»¹ стали такие традиционно республиканские штаты, как Вермонт, Монтана, Айдахо и Невада. Наиболее показательным примером является Калифорния. С 1948 по 1988 год «Золотой штат» неизменно представляли республиканцы. К 2021 году его население увеличилось в 1,5 раза, причем доля латиноамериканцев — в 5 раз. Кроме того, по приблизительным подсчетам количество нелегальных мигрантов, находящихся в Калифорнии, достигает 2 млн человек, а их общая численность, по разным данным, составляет до 12 млн [17; 24]. В итоге за прошедшие 30 с лишним лет ни один республиканец не сумел добиться победы на выборах в штате. Подобная тенденция наблюдается также в Северной Каролине и Вирджинии. Сторонники Республиканской партии называют происходящее «демографическим замещением» («Demographic replacement»). Важнейшим его результатом является *резкая радикализация части республиканского электората*.

¹ «Синими» в США традиционно называют штаты с преобладающим демократическим электоратом, «красными» — с республиканским. «Фиолетовые» — штаты, где две партии имеют приблизительно равные позиции.

В 2018—2019 годах Д. Трамп предпринял попытку радикального решения вопроса миграции. В апреле 2019 года он объявил, что введет пошлины в размере 5% на все товары из Мексики [12], пока Мехико «не разберется с проблемой мигрантов». В июне 2019 года было достигнуто соглашение с Мексикой о регулировании в области миграционной политики [11], однако оно так и не было реализовано в полной мере, равно как и не было закончено строительство знаменитой «стены Трампа». Вступив в должность, Байден сразу же свел на нет все инициативы предшественника: кроме прочего был снят запрет на въезд в страну для граждан Сирии, Ливана, Ливии, Сомали, Судана и Йемена, отменен режим чрезвычайного положения на границе с Мексикой, прекращено строительство «стены».

4. Кризис Республиканской партии. О нарастающем кризисе Республиканской партии американские политологи высказывались неоднократно [21]. При этом были отмечены три его измерения: электоральный кризис, кризис лидерства и кризис идей [5]. Вместе с тем с начала XX века в США наблюдался процесс «сращивания» политических и финансово-промышленных элит. Окончание холодной войны резко ускорило этот процесс: значительная часть критических разногласий, особенно во внешней политике, потеряла свое значение. Был *запущен механизм деградации элит* на всех трех уровнях, выделенных в этом процессе В. Парето: социальном, групповом и личностном [7]. В сущности само избрание Д. Трампа кандидатом от республиканцев и свидетельствовало об очевидном расколе в их рядах.

Вместе с тем даже противники 45-го президента США признают за ним успех в сохранении целостности партии, которая к тому моменту по сути не создавала никакой адекватной повестки, кроме борьбы против «марксистской революции» в экономике. Республиканская партия (второе название — Великая Старая Партия (англ. Grand Old Party, GOP)) в глазах ее избирателей стала частью того самого бездонного, кишасщего лоббистами «болота», которое Трамп обещал «осушить».

Впрочем, сделать это, равно как и преодолеть внутривнутрипартийные противоречия, у Трампа не получилось. Еще не были подведены итоги президентских выборов 2020 года, как лидер республиканцев в Сенате М. Макконелл признал победу Д. Бай-

дена — вопреки политической традиции и партийной дисциплине, несмотря на то что претензии Трампа к результатам выборов поддержали более сотни конгрессменов-республиканцев. Вице-президент М. Пенс, хотя и отказался использовать 25-ю поправку Конституции для отстранения Президента, в то же время отказался и от пересмотра результатов голосования, на котором настаивал Трамп. На прошедшую в апреле 2021 года конференцию спонсоров Республиканской партии ни Пенса, ни Макконелла (две ключевые фигуры организации) не пригласили.

Таким образом, после победы Байдена Республиканская партия была поставлена перед выбором: поддержать старую партийную элиту или окончательно утвердить лидерство Трампа. Между тем, согласно опросу, проведенному американской политической ежедневной газетой «The Hill» в январе 2021 года, 64% избирателей-республиканцев (среди читателей «The Hill» сложно найти иных) были готовы вступить в новую партию Трампа, если таковая была бы создана [26]. Как теперь видно, партия предпочла второй вариант развития событий, и последствия не заставили себя ждать. Там же, на закрытой конференции спонсоров GOP в Мар-а-Лаго (резиденция экс-президента во Флориде), Трамп анонсировал масштабную чистку партийных рядов. Первой ее жертвой стала Л. Чейни, спустя месяц смещенная с поста председателя Республиканской конференции в Конгрессе. Трамп словами и действиями указывает на то, что объединение и укрепление партии возможно исключительно на базе его лидерства и его тезисов [30].

5. Отношения «элита» — «массы», рост антиэлитаристских настроений в обществе. Антиэлитаристские национал-консервативные настроения в американском обществе имеют глубокую историю, корнями уходящую к идеологии консервативного Юга, «Партии незнаек», «Обществу Джона Берча» и классике американского палеоконсерватизма — работам П. Бьюкенена («Смерть Запада») и П. Готфрида («Странная смерть марксизма») [4]. Поворотным же моментом, послужившим мощнейшим толчком к развитию антиэлитаристских движений в американском обществе, послужило 11 сентября. «Патриотический акт» и операции Агентства национальной безопасности по прослушиванию населения, война в Афганистане, вторжение в Ирак, разоблачения WikiLeaks

(«письма Подесты») и Сноудена, Pizzagate и сильнейший экономический удар — ипотечный кризис 2008 года — неполная цепь событий, последовательно сведших доверие американцев к власти и правящему классу к минимальным значениям. Одновременно с этим в том же направлении двигались рейтинги доверия американцев к отдельным институтам власти. Абсолютно идентичный тренд последние годы наблюдается и в отношении доверия к самым популярным СМИ, причем в их число сегодня принято включать Facebook и Twitter. Согласно опросам Edelman Trust Barometer, проведенным в январе 2021 года, mainstream media доверяют 46% демократов и 18% республиканцев. 56% американцев заявили, что согласны со следующим утверждением: «Журналисты и репортеры намеренно пытаются ввести людей в заблуждение, говоря то, что, как они знают, является ложью или грубым преувеличением» [13].

В настоящее время в США существует неисчислимое, вероятно, количество групп, обществ и организаций, исповедующих открытое неповиновение федеральным властям и законам («Движение суверенных граждан», «Posse Comitatus», «Движение ополчения» и многие другие). Отдельного упоминания требуют появившиеся недавно право-анархистские группировки, например «Boogaloo Boys», получившие известность благодаря столкновениям с представителями Black Lives Matter (BLM) и в то же время идеологически противостоящие полиции.

6. Альтернативные медиа. Еще одним мощнейшим импульсом к росту национал-консервативных сил послужило появление электронных средств массовой информации, представляющих альтернативную основным СМИ точку зрения. Начиная с 2000-х годов вместе с развитием медиа-технологий и расширением доступа к ним всё большую популярность начали получать новые лидеры общественного мнения, до того момента представленные лишь в нескольких печатных изданиях. Спектр выражаемых ими взглядов представляет собой невероятный в своей сложности синтез достоверной информации и качественных журналистских расследований с разнообразными «теориями заговора», а в некоторых случаях — и расистскими установками. Это обстоятельство делает американское национал-консервативное движение в своем роде уникальным, поскольку на антиэлитари-

стской основе под его знамена встали последователи огромного числа самых разных и зачастую не связанных друг с другом взглядов. К настоящему времени этот огромный массив информации, домыслов, расследований и слухов начал свое формирование в движение QAnon. Показательно, что движение, не имеющее ни оформленной идеологии, ни четкой структуры, ни официального лидера, родилось осенью 2017 года посредством нескольких анонимных тредов на имиджборде 4chan¹. Вследствие сетевой природы и структуры нет никакой возможности даже приблизительно подсчитать количество его последователей, не считая тех, кто выходит на митинги против COVID-ограничений. Вместе с тем телеканал NBC указывает на цифру в «несколько десятков миллионов человек» [19].

Еще 5—10 лет назад идеологическое содержание QAnon вызвало бы у политических экспертов саркастическую улыбку, однако с течением небольшого времени движение смогло завоевать массу последователей в США, включая конгрессменов и видных деятелей Республиканской партии. По крайней мере, 38 % электората республиканцев считают, что хотя бы часть положений QAnon является правдой. Опрос Pew Research, проведенный в сентябре 2020 года, показал, что 41 % избирателей-республиканцев считают, что QAnon «в некоторой степени хорош» или «очень хорош» для страны [14]. После оформленного сотрудничества с трамповским движением MAGA («Make America Great Again») о поддержке QAnon заявил ряд политиков из республиканцев. На вопрос о движении Трамп ответил следующее: «Я слышал, что это люди [QAnon], которые любят нашу страну. Так что я на самом деле ничего об этом не знаю, кроме как того, что я им якобы нравлюсь» [6].

Указанную выше тенденцию к повышению общественного интереса к альтернативным источникам информации долгое время можно было наблюдать исключительно в интернет-пространстве: форумы, имиджборды, отдельные YouTube-каналы и прочее. Она практически не затронула американские mainstream media по причине их абсолютной интегрированности в структуру правящих элит. Как показывают исследования Morning Consult, подавляющее большинство сторонников QAnon используют социаль-

ные сети и ресурсы, не являющиеся СМИ, в качестве основного источника информации [15]. До 2016 года данный сегмент американских медиа представлялся в официальных СМИ не более, чем площадкой, где собираются маргиналы и сторонники «теории заговора», и практически не контролировался. Именно поэтому показанный процесс долгое время оставался во многом незамеченным для наблюдателей как в США, так и за рубежом, а его разрастающиеся масштабы стали очевидны всем только в последнее время.

В декабре 2015 года, в разгар президентской кампании, Трамп дал интервью А. Джонсу, «главному конспирологу США», как его называют оппоненты. Таким образом, впервые в истории американских массмедиа глава государства вывел представителя альтернативного СМИ на площадку открытой публичной дискуссии с медиагигантами. В тот же период времени начали стремительно набирать популярность как давно известные правоконсервативные ресурсы, например Drudge Report (именно там в 1998 г. впервые вышло расследование «Клинтон — Левински»), так и недавно созданные Breitbart News и The Daily Wire с Б. Шапиро во главе, автором второго по популярности в стране после The New York Times политического подкаста.

В связи с этим не лишним будет напомнить, что наблюдаемое сейчас выдавливание первых лиц alt-right движения из цифровых медиа началось еще в 2016 году, то есть сразу после избрания Трампа и начавшейся медиавойны с ним. Тогда, например, были удалены YouTube-каналы и twitter-аккаунты А. Джонса («InfoWars») и М. Яннопулоса, одного из авторов так называемого «Манифеста альтернативных правых». С тех пор основные свои аккаунты в Facebook, Twitter и YouTube по разным причинам удалили практически все лидеры мнений американского консерватизма: Л. Лумер, Г. Маккиннес («ProudBoys»), Breitbart News, Р. Стоун (политтехнолог Трампа, ныне осужденный за сотрудничество с WikiLeaks и дискредитацию Х. Клинтон во время кампании 2016 г.), М. Флинн (советник Трампа по нацбезопасности, обвиненный в связях с Россией), Т. Робинсон, Р. Пол (сенатор-республиканец), Д. О'Киф (основатель американской крайне правой активистской группы «Project veritas»), М. Дайс, М. Малкин и другие.

¹ Десяток сообщений на форуме от неопознанного автора.

7. Объединяющая фигура Д. Трампа. Выборы 2016 года и их неожиданные итоги многие эксперты именовали «феноменом протестного голосования». С одной стороны, это безусловно так. Накопленный с начала 2000-х годов потенциал резкого неприятия «Deep state» получил реальное воплощение, свое мнение озвучили «молчаливые сторонники» (shy voters). С другой стороны, избрание Трампа стало продолжением «правого поворота» в европейской политике. Сторонники 45-го Президента США в общей своей массе представляют консервативное христианское сообщество, поддерживающее традиционные ценности внутри страны, «экономический (а подчас и не только экономический) национализм» и даже изоляционизм за ее пределами, которые в XXI веке являются составляющими антиглобализма. Собственно, сам Д. Трамп заявил об этом прямым текстом с трибуны Генеральной Ассамблеи ООН: «Если вам нужна демократия, придерживайтесь своего суверенитета. Если вы хотите мира, любите свою страну. Мудрые руководители всегда ставят хорошее для своего народа и своей страны на первое место. Будущее принадлежит не глобалистам. Будущее принадлежит патриотам. Будущее принадлежит суверенным и независимым странам, которые защищают своих граждан, уважают соседей и различия, которые делают каждую страну особой и уникальной» [3].

Победа Д. Байдена на выборах 2020 года для более чем 70 млн американцев означает реакцию, реставрацию старых элит (сам Байден назвал этот процесс «перестройкой»¹). Таким образом, внутривластное противостояние в США имеет прямое отношение к проблеме увеличивающегося разрыва между элитами и управляемым классом, а фигура самого Трампа представляется правоконсервативной версией «тарана», с помощью которого была предпринята попытка разрушения сложившейся системы элит. В положениях своей идеологии он сочетал антиглобализм, изоляционизм и антиэлитаризм — *не политические, но концептуальные воззрения всей совокупности консервативного электората* безотносительно партийной принадлежности и степени вовлеченности. По этой причине представлять Трампа лишь только умелым популистом, чье избрание — результат сиюми-

нутнего электорального импульса, а политические возможности краткосрочны, глубоко ошибочно.

Отношение американских национал-консерваторов к России

Образ России в обобщенной идеологии «альтернативных правых» не имеет ни большой значимости, ни четкого определения. Во-первых, это связано с исторически гораздо меньшим интересом американцев к внешней политике, нежели у европейцев. Во-вторых, это симптом резкого неприятия абсолютно всего, что на протяжении десятилетий подавалось mainstream media, в том числе в контексте отношений с Российской Федерацией. В данном случае мы можем наблюдать две контрастирующие позиции. С одной стороны, Россия на официальном уровне заявляет о приверженности традиционным ценностям, выстроенным главным образом на христианском нравственном императиве. Для американских христиан, составляющих ядро национал-консервативного движения, это едва ли не главный признак антиглобализма и антиэлитаризма российского общества. С другой стороны, в силу воздействия идеологических стереотипов и восстановления политического влияния в мире Россия по-прежнему ассоциируется с советским, а значит, коммунистическим (и что немаловажно — атеистическим) прошлым. Оно, в свою очередь, имеет очевидную коннотацию с марксизмом, идеологией главного врага консерваторов в стране. «Культура отмены», инклюзивность, открытая политика в отношении иммигрантов — всё это для американских правых обобщается в термине «марксизм». Различия между ним и ленинской (гораздо более советской) идеологией, естественно, игнорируются. Происходит очевидная подмена понятий. Например, советская идеологема о дружбе народов для многих американских консерваторов служит доказательством проведения Советским Союзом последовательной политики смешения наций в рамках одного государства и стирания их национальной идентичности.

Второй особенностью отношения национал-консерваторов к России является генерализация созданного в общественном сознании образа российского Президента на всю нашу страну. Именно В. В. Путин является в глазах американцев обобщенным

¹ Слово «rebuild» можно также перевести как «восстановление».

стереотипическим символом современной России, и это вполне соответствует особенностям национального менталитета. Как следствие, восприятие России зачастую не выходит за пределы хрестоматийных штампов и реакции на публичные заявления ее первого лица.

Таким образом, имея в виду показанные выше особенности движения американских национал-консерваторов и альтернативных правых, по характеру отношения к России их условно можно подразделить на три группы.

1. Негативное отношение. К его представителям с известной долей достоверности можно отнести ультраправые и анархистские группы, сообщества, созданные ветеранами военных кампаний в Ираке и Афганистане, а также радикальные антикоммунистические объединения. Ярким примером может служить группировка «Proud Boys» (лидер — журналист и блогер Г. Макиннес), заявившая о себе в столкновениях со сторонниками Black Lives Matter по всей стране.

2. Умеренное отношение. Самый яркий представитель — Т. Карлсон, журналист, «лицо» канала «Fox News», долгое время поддерживавший политику Д. Трампа. Его позицию лучше всего выражают слова, сказанные им в эфире программы «Tucker Carlson Tonight» на канале «Fox News»: «Если быть честными, Россия вообще не представляет угрозы для Соединенных Штатов. <...> Слишком много карьер зависит от того, чтобы наши утверждения остались такими же, какими они были осенью 1977 года, когда на борьбу с советской угрозой ушла львиная доля нашего федерального бюджета. <...> Мы действительно опасаемся, что остальная Америка в какой-то момент обнаружит, что Советского Союза больше не существует» [23]. К этой же группе можно отнести журналистов М. Дайса и Д. О'Кифа, основателя американской крайне правой активистской группы «Project Veritas», получившего известность благодаря разоблачению того, как CNN и «The New York Times» «накачивали» скандал с «российским вмешательством в выборы»¹.

Еще одним видным представителем нейтрального отношения к России выступает С. Бэннон, один из главных идеологов глобального «правого поворота», некогда старший советник

Д. Трампа. После увольнения из администрации Президента он публично оказывал поддержку «Лиге Севера»¹ в Италии, «Национальному фронту»² во Франции и «Народной партии» в Бельгии. Относительно России он высказался следующим образом: «Я не оправдываю Владимира Путина и клептократию, которую он представляет... Тем не менее мы, иудео-христианский Запад, должны обратить внимание на то, что он выступает в поддержку традиционализма и национализма. Я думаю, что суверенитет отдельных стран — правильная вещь. Сильные страны с сильными националистическими движениями становятся сильными соседями. Это основа Западной Европы и Соединенных Штатов. <...> Он очень, очень умен. Я вижу, как находит единомышленников в США в своем видении традиционных ценностей» [16].

3. Позитивное отношение. Христианское, антиглобалистское измерение. В данной концепции Россия предстает союзником в борьбе с глобализмом, поэтому ее роль имеет больше концептуальное значение, нежели политическое. Самый известный спикер из этого лагеря — А. Джонс. Основатель «InfoWars» не просто открыто поддерживает российскую внешнюю политику, но и сотрудничает с консервативными отечественными СМИ. Так, например, в 2017 году Джонс взял интервью у А. Дугина, представив его «советником Владимира Путина» [1].

Таким образом, отсутствие определенной позиции в отношении к России служит еще одним доказательством отсутствия определенности общей политической повестки американских национал-консерваторов. Если отношение к России негативно, то чаще всего такая точка зрения либо копирует повестку mainstream media, либо основана на устоявшихся со времен холодной войны стереотипах и установках, свойственных американскому восприятию мира. Позитивное отношение выражается также в признании общих фундаментальных ценностей, а значит, общих идеологических врагов. Нейтральное отношение базируется на признании равного военного статуса России (смертельной опасности ядерной войны), с одной стороны, и практически абсолютного отсутствия прямой конкуренции на глобальных рынках — с другой. Зачастую сторонники нейтралитета в среде

¹ «Nothing burger», по выражению одного из записанных О'Кифом сотрудников CNN.

¹ С 2017 года — «Лига».

² С 2018 года — «Национальное объединение».

американских правых склоняются к распространённой идее геополитического раздела сфер влияния [27].

Политика администрации Байдена

Инаугурационную речь Джозеф Байден начал с того, что его душа «сосредоточена на том, чтобы объединить Америку, объединить наш народ, объединить нашу нацию», а продолжил призывом к противостоянию «растущему политическому экстремизму» и «внутреннему терроризму» [8]. Во время выступления перед Конгрессом в апреле он дополнил данный тезис: «Мы не будем игнорировать то, что определили наши собственные разведывательные службы как самую смертельную террористическую угрозу для родины. Сегодня она исходит от терроризма, поддерживающего теорию белого превосходства» [28]. Таким образом, новый Президент, а до него — демократические медиа, открыто разделил население своей страны на «своих» и «чужих»: так это было воспринято его противниками. В июне 2021 года администрация Байдена опубликовала первую национальную стратегию по борьбе с внутренним терроризмом, предусматривающую преследование любой организации, которую спецслужбы сочтут «давним участником внутренней террористической деятельности» [22]. Таким образом, в ситуации раскола общества по ряду фундаментальных вопросов, предполагающей поиск сложного компромисса, «нового общественного договора», представитель «старой» политической элиты Байден намеревается «добить» потерпевших поражение трампистов и обеспечить Демократической партии постоянное и абсолютное доминирование над республиканцами на всех уровнях всех ветвей власти.

Заключение

В силу идеологического кризиса Республиканской партии обширное национал-консервативное движение в США до последнего времени не имело единого политического вектора и, как следствие, институционального оформления. В условиях де-факто двухпартийной системы стремительно увеличивающаяся электоральная масса людей не была представлена в системе государственной власти, а старая республиканская элита скорее раздражала новое поколение национал-консерваторов

своей принадлежностью к правящему классу. Появление в начале 2000-х годов альтернативных консервативных СМИ подогревало рост недоверия части населения к политическим элитам. Итогом этих процессов стало формирование современного национал-консервативного движения — протестной силы, существующей на базе традиционных американских ценностей, но не имеющей ни единой политической программы, ни полноценного партийного оформления. Важнейшим фактором, обеспечившим тем не менее консолидацию американского консерватизма и его победу на выборах 2016 года, стала фигура лидера — Д. Трампа. В связи с этим главный вопрос на сегодняшний день: сможет ли Трамп реализовать внутри консервативного лагеря то, чего ему так и не удалось сделать на посту главы государства, а именно преодолеть аппаратное сопротивление и произвести смену правящих элит, а вместе с этим актуализировать повестку Республиканской партии?

В противостоянии консервативного и прогрессивного движений внутри США мы можем наблюдать воплощение более глубоких, социальных процессов. Речь идет о столкновении идей глобализма и концепции национального государства или даже традиции/модерна и постмодерна. В этом контексте особенно проявляется уникальность современного американского национал-консерватизма, постепенно превращающегося за 20 лет из движения скрытого социального протеста с весьма абстрактными установками антиэлитарности в обширное политическое движение. Вместе с тем в силу своей протестной природы национал-консерватизм в США имеет серьезный крен в сторону радикализации. По этой причине и на фоне конфликтной внутренней политики администрации Байдена социально-политический кризис в Соединенных Штатах глубже и серьезнее, чем кажется, и едва ли имеет иной вариант разрешения, кроме победы одной из сторон.

Литература

1. Алекс Джонс и Александр Дугин: Как Россия и Америка могут понять друг друга // Телеканал «Царьград». – URL: https://tsargrad.tv/articles/aleks-dzhons-i-aleksandr-dugin-kak-gossija-i-amerika-mogut-ponjat-drug-druga_48599 (дата обращения: 15.10.2021).
2. Борисов А.А., Василенко Ю.В. Эволюция консервативных идеологических парадигм во внешней политике США в годы «Холодной войны» // Вестник Пермского университета. Серия: История и политология. – 2007. – № 3 (8). – С. 40. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/evolyutsiya-konservativnyh-ideologicheskikh-paradigm-vo-vneshney-politike-ssha-v-gody-holodnoy-voyny-1/viewer> (дата обращения: 15.10.2021).

3. Будущее принадлежит не глобалистам, а патриотам, заявил Трамп // Информационное агентство РИА-Новости. – URL: <https://ria.ru/20190924/1559078904.html> (дата обращения: 15.10.2021).
4. *Вязинкин А.Ю.* Феномен американского палеоконсерватизма в российской историографии // Политика и общество. – 2020. – № 2. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/fenomen-amerikanskogo-paleokonservativizma-v-rossiyskoy-istoriografii> (дата обращения: 15.10.2021).
5. *Гарбузов В.Н.* Бунт Дональда Трампа / Российский совет по международным делам. – URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/bunt-donald-trampa/> (дата обращения: 20.05.2021).
6. «Затишье перед бурей»: как конспирологи стали частью электората Трампа // Газета.ру. – URL: https://www.gazeta.ru/politics/2020/10/16_a_13321927.shtml (дата обращения: 15.10.2021).
7. *Мохов В.И.* Деградация элит: проблема анализа // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2014. – № 12. Ч. 2. С. 134–138.
8. Речь Джозефа Байдена на инаугурации: [Полный текст] // Информационное агентство ТАСС. – URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/10509883> (дата обращения: 15.10.2021).
9. *Римини Р.* Краткая история США. – М.: Колибри, 2015. – 409 с.
10. *Соколыцкий Л.М.* Консерватизм в США – на страже либеральной империи? / Российский совет по международным делам. – URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/konservativizm-v-ssha-na-strazhe-liberalnoy-imperii/> (дата обращения: 20.05.2021).
11. США и Мексика достигли соглашения по иммиграции // Информационное агентство ТАСС. – URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/6527788> (дата обращения: 15.10.2021).
12. Трамп сообщил о введении пошлины на все товары, поступающие из Мексики // Информационное агентство Интерфакс. – URL: <https://www.interfax.ru/business/663159> (дата обращения: 15.10.2021).
13. 2021 Edelman Trust Barometer Reveals a Rampant Infodemic is Fueling Widespread Mistrust of Societal Leaders // Edelman. – URL: <https://www.edelman.com/sites/g/files/aatuss191/files/2021-01/2021-edelman-trust-barometer.pdf> (accessed: 20.05.2021).
14. 5 facts about the QAnon conspiracy theories (2020, 16 Nov.) // Pew Research Center. – URL: <https://www.pewresearch.org/fact-tank/2020/11/16/5-facts-about-the-qanon-conspiracy-theories/> (accessed: 20.05.2021).
15. Belief in QAnon Wavers Slightly Among Adults After Capitol Riots, Inauguration // Morning Consult. – URL: <https://morningconsult.com/2021/02/02/qanon-beliefs-polling/> (accessed: 15.10.2021).
16. *Brownstein R.* Putin and the Populists: The roots of Russia's political appeal in Europe and the United States // The Atlantic. – 2017. – No. 1. – URL: <https://www.theatlantic.com/international/archive/2017/01/putin-trump-le-pen-hungary-france-populist-bannon/512303/> (accessed: 15.10.2021).
17. *Budiman A.* Key findings about U.S. immigrants // Pew Research Center (2020, 20 Aug.) – URL: <https://www.pewresearch.org/fact-tank/2020/08/20/key-findings-about-u-s-immigrants/> (accessed: 20.05.2021)
18. Charlottesville declares state of emergency amid violence at far-right rally // RT. – URL: <https://www.rt.com/usa/399417-fighting-far-right-charlottesville/> (accessed: 15.10.2021).
19. *Collins B.* What is QAnon? A guide to the conspiracy theory taking hold among Trump supporters // NBC News (2018, 3 Aug.). – URL: <https://www.nbcnews.com/tech/tech-news/what-qanon-guide-conspiracy-theory-taking-hold-among-trump-supporters-n897271> (accessed: 20.05.2021).
20. *Crevecoeur J.* Letters from an American Farmer. – N.Y.: Fox, Duffield, 1904. – 88 p.
21. *Drutman L.* The Republican and Democratic Parties Are Heading for Collapse // Foreign Policy. – URL: <https://foreignpolicy.com/2020/09/22/two-party-collapse-republican-democrat-doom-loop/> (accessed: 15.10.2021).
22. Fact Sheet: National Strategy for Countering Domestic Terrorism // The official website of the White House. – URL: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/statements-releases/2021/06/15/fact-sheet-national-strategy-for-countering-domestic-terrorism/> (accessed: 15.10.2021).
23. Fox News' Tucker Carlson Criticized for Saying 'Russia Poses No Threat to the United States At All' // Newsweek. – URL: <https://www.newsweek.com/fox-news-tucker-carlson-criticized-saying-russia-poses-no-threat-united-states-all-1471681> (accessed: 15.10.2021).
24. How many undocumented immigrants are in the United States and who are they? / Brookings Institution. – URL: <https://www.brookings.edu/policy2020/votervital/how-many-undocumented-immigrants-are-in-the-united-states-and-who-are-they/> (accessed: 15.10.2021).
25. *O'Sullivan J.* Annexation // United States Magazine and Democratic Review, 17 no. 1 (July–August 1845): 5–10. – URL: <https://pdcrodas.webs.ull.es/anglo/OSullivanAnnexation.pdf> (accessed: 15.10.2021).
26. Poll: 64 percent of GOP voters say they would join a Trump-led new party // The Hill. – URL: <https://thehill.com/hilltv/what-americas-thinking/537442-poll-64-percent-of-gop-voters-likely-to-join-a-trump-led-3rd> (accessed: 15.10.2021).
27. *Pyne D.* To Counter Russia and China, Make 'Spheres of Influence' Great Again // The National Interest. – 2021. – URL: <https://nationalinterest.org/feature/counter-russia-and-china-make-%E2%80%98spheres-of-influence%E2%80%99-great-again-194982> (accessed: 15.10.2021).
28. Remarks as Prepared for Delivery by President Biden — Address to a Joint Session of Congress // The official website of the White House. – URL: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/speeches-remarks/2021/04/28/remarks-as-prepared-for-delivery-by-president-biden-address-to-a-joint-session-of-congress/> (accessed: 15.10.2021).
29. The black-white wealth gap / Brookings Institution. – URL: <https://www.brookings.edu/blog/up-front/2020/02/27/examining-the-black-white-wealth-gap/> (accessed: 15.10.2021).
30. Trump to Hannity: GOP must run on 'MAGA' agenda if they want to retake Congress in 2022 // Fox News. – URL: <https://www.foxnews.com/politics/trump-to-hannity-gop-must-run-on-maga-agenda-if-they-want-to-retake-congress-in-2022> (accessed: 15.10.2021).

Годованюк Кира Анатольевна,кандидат политических наук,
Институт Европы РАН, Москва.**Kira A. Godovanyuk,**PhD (Political Sciences),
Institute of Europe, RAS, Moscow.

E-mail: kira.godovanyuk@gmail.com

**НОВЫЙ ФОРМАТ ОТНОШЕНИЙ БРИТАНИИ И ЕС:
ВЫЗОВЫ ПОСТБРЕКЗИТА****UK-EU NEW FORMAT OF RELATIONSHIP:
THE POSTBREXIT CHALLENGES**

Аннотация: в статье рассмотрены результаты переговоров Британии и Европейского союза о новом формате отношений после Брексита. Сравниваются исходные позиции сторон и их интересы, а также обозначены перспективы будущей модели кооперации в сфере внешней политики. Анализ представлен через призму концепции международного суверенитета. Автор делает вывод о парадоксальной модели современных отношений Лондона и Брюсселя, для которых одновременно характерны признаки конкуренции и стремление к политическому сотрудничеству. Показано, что последствия выхода Великобритании из Европейского союза негативно воздействуют на диалог Лондона с отдельными странами европейской интеграции и снижают уровень доверия между партнерами. В отношениях с Францией сохраняются ярко выраженные элементы соперничества, на которые накладываются отпечаток последствия Брексита. Лондон рассчитывает выстроить систему двусторонних связей со странами ЕС и за счет этого восстановить утраченное влияние на европейскую политику. Сотрудничество в сфере внешней политики и безопасности с Брюсселем остается одним из главных пробелов новых договоренностей, а диалог между сторонами будет зависеть от целого ряда факторов, в том числе от политического фона реализации Соглашения о торговле и сотрудничестве.

Ключевые слова: внутренняя политика Великобритании, внешняя политика Великобритании, США, Соглашение о торговле и сотрудничестве ЕС и Великобритании, конкуренция, Франция, Германия, Брекзит.

Abstract: the article addresses the outcomes of the UK-EU negotiations on future relations. The initial positions of the negotiating parties and their interests are compared, as well as the prospects for the future model of cooperation in the field of foreign policy. The framework of the relations is explored via sovereignty concept of international relations. The author concludes on a paradoxical model of modern relations between London and Brussels, which are simultaneously characterized by elements of partnership and competition. It is outlined that the consequences of Britain's withdrawal from the European Union negatively affect London's political dialogue with the EU countries and reduces the level of trust between partners. In relations with France, strong elements of rivalry affected by the Brexit outcomes remain. London expects to build a system of bilateral ties with the EU countries, thereby restoring the lost influence on European politics. The common foreign policy remains the main gap in the new deal, and the dialogue between the parties will depend, inter alia, on the political aspects of the implementation of the Trade and Cooperation Agreement.

Key words: UK domestic policy, foreign policy, US, UK-EU Partnership and trade agreement between, competition, France, Germany, Brexit.

Дискурс в пользу Брексита на протяжении всей агитационной кампании в 2016 году и впоследствии в ходе многолетних переговоров Лондона с Брюсселем был сопряжен с понятием «суверенитет». Речь шла о том, что Британия больше не будет находиться в нормативной зависимости от Евросоюза в своей внутренней и внешнеэкономической политике [6]. Сторонники выхода из ЕС призывали к самостоятельности, руководствуясь практическими понятиями: границы, бюджет, рыбная ловля в исключительной экономической зоне, как и все другие сферы общественной жизни, окажутся под юрисдикцией национального законодательства. Указывая на международное измерение Брексита, его сторонники чаще всего отмечали перспективы Соединенного Королевства стать самостоятельным «прибрежным государством» (*independent coastal state*), «независимым международным актором» (*an independent actor, freestanding power*), получить «самостоятельный голос» (*independent voice*) на мировой арене [8]. Брекзитеры жонглировали термином суверенитета, ссылаясь на возможность укрепить международный статус, в то время как их оппоненты предостерегали, что «после выхода из Евросоюза Британия обретет лишь иллюзию международного влияния» [28]. Суверенное государство считается ключевым актором международных отношений со времен Вестфальского мира, однако исследователи продолжают спорить о значении государственного суверенитета и его границах в контексте мировой политики, многоуровневой системы союзов и интеграционных объединений. Большинство авторов отмечают его условный характер для современной мировой политики на фоне глобализации и взаимозависимости внешнеэкономической деятельности, пусть и подвергшейся трансформации под влиянием пандемии коронавируса [7; 17]. Нет консенсуса в научном дискурсе и относительно того, как коррелируются понятия «суверенитет», «статус» и «роль» в мировой политике.

Решение добровольно выйти из состава ЕС связывают с неизбежной дилеммой «между ориентированной на внешние связи (*outward-looking*) Великобританией и изоляционистской «маленькой Британией»». Министр финансов Германии В. Шойбле указывал, что, учитывая экономическую взаимозависимость со странами Евросоюза, Брекзит ослабит позиции Лондона,

который вряд ли сможет играть желаемую суверенную роль на международной арене: «В эру глобализации “блестящую изоляцию” вряд ли можно считать здоровым решением» [10]. Главная проблема для Британии с самого начала переговоров о выходе из ЕС состояла в поиске оптимального баланса между дистанцированием от нормативных правил Евросоюза и желанием представить себя самостоятельным международным игроком, поскольку в противном случае возникала угроза экономическим и политическим интересам.

В данной статье исследуется новый «суверенный» формат отношений Соединенного Королевства с европейской интеграцией. Главными являются вопросы: как конфликтный потенциал этих отношений может воздействовать на политический диалог со странами ядра Евросоюза и какие форматы Лондон рассчитывает развивать для координации международной повестки с европейскими странами?

Отмежевание от европейской нормативности: политико-правовой аспект

Доминантой политического диалога Британии и ЕС последних четырех лет был процесс «развода», который стал самым значимым политико-правовым прецедентом в истории европейской интеграции. На практике это означало сложные переговоры и поиск взаимных компромиссов. В итоге новая международно-правовая база отношений Соединенного Королевства и Евросоюза включила в себя Соглашение о выходе Британии из ЕС (подписанное в январе 2020 г.), три протокола к нему (по Северной Ирландии, по суверенным военным базам на Кипре и по Гибралтару) и Политическую декларацию, а также Соглашение о торговле и сотрудничестве.

Договор о выходе из ЕС вызвал серьезные дискуссии не только между Лондоном и Брюсселем (было согласовано несколько редакций), но и привел к противостоянию ветвей власти в самом Соединенном Королевстве, политическому кризису и отставке премьер-министра Т. Мэй в июле 2019 года [4; 5]. В свою очередь, сделка о будущих отношениях, которую удалось подписать в декабре 2020 года, не вызвала острых разногласий в британском истеблишменте. Во многом это было связано с тем, что

Б. Джонсону удалось консолидировать однопартийцев, а досрочные выборы в декабре 2019 года обеспечили сторонникам «развода» с ЕС парламентское большинство.

После Брексита (юридически состоялся 31 января 2020 г.) дискуссии о политической и ценностной составляющих такого шага сменили практические вопросы, например, как выстраивать отношения после окончания переходного периода, рассчитанного на 11 месяцев. Переговоры были непростыми, а крайний срок для заключения нового договора неоднократно переносили. Ситуацию осложняли карантинные ограничения и, как следствие, общая политическая неопределенность.

Договориться о формате будущих отношений до завершения переходного периода были заинтересованы обе стороны, стремясь избежать тарифных барьеров и квот в торговле, более сложных правил перевозки товаров и др.

Консолидированную позицию институтов ЕС выразила депутатская группа Европейского парламента по Соединенному Королевству, которая назвала Brexit «исторической ошибкой, поскольку третья страна не может пользоваться теми же преимуществами, какие есть у страны — члена ЕС» [22]. Иная мотивация определяла подход британских переговорщиков, заинтересованных выполнить предвыборные обещания электорату, голосовавшему за выход из Евросоюза: максимально дистанцироваться от Брюсселя и при этом, руководствуясь понятием суверенитета, обеспечить новые экономические и внешнеполитические возможности. Несмотря на сложности, сторонам удалось заключить сделку до конца переходного периода, а с 1 января 2021 года начали действовать новые правила (для европейской стороны — на временной основе). Европарламент ратифицировал Соглашение лишь 28 апреля 2021 года большинством голосов (660 — за, 5 — против, 32 — воздержались) [22].

Договор регулирует широкий круг практических вопросов, в том числе торговлю, авиасообщение, транспорт, энергетику, вопросы социальной безопасности и рыболовства. Обе стороны, уставшие от переговоров, попытались представить договоренности как максимально отвечающие их требованиям. Премьер-министр Б. Джонсон заявил, что «благодаря принятому Соглашению с 1 января в торговле удастся избежать тарифов и нетарифных

барьеров» [23], что лишь частично отражает реальное положение дел. Британия действительно получила право не привязываться к правилам и стандартам ЕС, однако, если Лондон изменит свое национальное законодательство, обеспечив себе конкурентные преимущества, Евросоюз может восстановить тарифное регулирование. Такая мера направлена на сохранение правил честной конкуренции («красная линия» для Брюсселя).

Невыгодным для Соединенного Королевства оказалось и требование к «правилам происхождения» товаров. Поставщики, которые ранее использовали Британию как ворота для дальнейшего распределения товаров внутри ЕС, теперь столкнутся с тарифными ограничениями. Вместе с тем правительство сдержало обещание перед идейными евроскептиками: страна более не подчиняется юрисдикции Суда ЕС¹, хотя за ним сохранились функции контроля за выполнением Соглашения о выходе из Евросоюза (в части соблюдения прав граждан Европейского союза)².

Важнейший с политической (но не с экономической) точки зрения вопрос о рыболовстве был решен с помощью взаимных компромиссов. До 2026 года квота ЕС на вылов рыбы в британских водах будет снижена на 25%. Впоследствии Великобритания и Европейский союз будут проводить регулярные переговоры о доступе Евросоюза в 200-мильную исключительную экономическую зону. Однако, если Лондон сократит квоту Брюсселя, последний имеет право ввести тарифы на импортируемую рыбу и морепродукты.

Для регулирования спорных вопросов был создан Совет Партнерства (Partnership Council), в который вошли представители Европейской комиссии и Британии. Совет наделен широкими полномочиями интерпретации и толкования положений Соглашения, а также внесения поправок. Предусмотрена целая сеть комитетов и рабочих групп, которые будут осуществлять надзор за применением договора. Все споры будут также проходить через специальные согласительные комитеты.

¹ В договоре указано, что стороны подчиняются публичному международному праву, а не национальному праву (domestic law) одной из сторон (т.е. ни британскому законодательству, ни европейскому).

² Суд ЕС может в течение четырех лет после окончания переходного периода проводить судебные разбирательства по вопросам нарушения прав граждан Евросоюза, имевшим место с 31 января по 31 декабря 2020 года.

Многие аспекты сотрудничества остаются неурегулированными. Например, в «серой зоне» находится актуальная для европейской повестки проблема нелегальной миграции, в том числе в свете риска новых потоков беженцев в Европу после вывода войск США и их союзников из Афганистана и захвата большей части территории страны движением «Талибан»¹.

В соответствии с Политической декларацией Европейская комиссия еще в 2020 году предложила Британии установить регулярный диалог по миграционной тематике. Лондон выступил с встречным предложением заключить соглашение о реадмиссии². Дело в том, что в силу географического положения нелегальные мигранты и просители убежища из третьих стран (за исключением специальных программ по переселению беженцев³) попадают в Великобританию именно с территории Евросоюза. Поэтому в интересах Лондона обеспечить юридические механизмы отправки мигрантов на континент, где их статус будут определять страны ЕС в соответствии с общеевропейскими правилами. Инициатива не устроила Брюссель, который формально сослался на отсутствие мандата вести переговоры по данному вопросу. В Соглашении о торговле и сотрудничестве миграционная тематика упомянута только в контексте будущих двусторонних переговоров Лондона со странами — членами ЕС. Перспективы Британии достигнуть договоренностей с отдельными странами о депортации (возвращении) просителей убежища невелики. В частности, Франция, Германия и Бельгия⁴ уже заявили, что не планируют вести переговоры с Лондоном на двусторонней основе, а в вопросах нелегальной миграции Британия больше «не может рассчитывать на европейскую солидарность» [12].

В целом новое Соглашение о торговле и сотрудничестве позволило Соединенному Королевству получить ожидаемый суверенитет и формальное право не следовать правилам ЕС. Вместе с тем договор предусматривает, что Евросоюз сможет принимать

¹ Террористическая организация, запрещенная в Российской Федерации.

² Рeadмиссия — согласие государства вернуть на свою территорию собственных граждан, иностранных граждан и лиц без гражданства, незаконно въехавших на территорию другого государства через транзитную страну.

³ Так, в рамках специальной программы Британия с 2015 по 2020 год переселила 20 тыс. сирийских беженцев из зоны конфликта. В 2021 году аналогичная программа была принята для афганских беженцев (операция «Теплый прием») [21].

⁴ Основные транзитные страны, с территории которых беженцы из третьих стран пересекают Ла-Манш и направляются в Британию.

контрмеры, а торговые и политические привилегии нового статуса Британии не очевидны. Как справедливо отмечают эксперты, британская тактика состояла в том, чтобы «отдавать предпочтение суверенитету, а не экономике» [1]. «Слабые места» договора высвечивают негативные издержки от Брексита для обеих сторон, важнейшим из которых стало снижение уровня доверия.

Толкование договора: политический аспект

Соглашение о торговле и сотрудничестве, на первый взгляд, стало позитивным сигналом для бизнеса, населения и политических элит, которые рассчитывали, что после долгого периода неопределенности наметится ясная траектория будущего политического диалога между Лондоном и Брюсселем. Вместе с тем Соглашение создает лишь общую правовую рамку, не регулирует исчерпывающий круг вопросов, а правоприменительная практика уже с первого месяца столкнулась со сложностями, например, став заложником «вакцинного протекционизма». Из-за опасений, что поставки от компании «AstraZeneca» в ЕС могут быть выполнены не в полном объеме, руководство Евросоюза пригрозило частично восстановить таможенный контроль на границе Ирландии и Северной Ирландии. Фактически речь шла о том, чтобы заблокировать транспортировку через прозрачную североирландскую границу вакцины из Европейского союза в Британию. Несмотря на то что Европейская комиссия вскоре отменила такое решение, стало ясно, что Североирландский протокол¹ может быть использован как инструмент политического давления.

Действия ЕС подтолкнули Соединенное Королевство к более радикальным решениям. Еще в феврале 2021 года Лондон предложил продлить на два года льготный период (*grace period*) для проверок продовольственных товаров на таможенной границе в Ирландском море. Несмотря на протесты Брюсселя, в марте 2021 года Британия всё же в одностороннем порядке приняла решение о продлении льготного периода на некоторые виды товаров. В связи с грубыми нарушениями договоренностей в Евросоюзе даже начали судебное разбирательство в отношении

¹ Североирландский протокол позволяет сохранить прозрачной таможенную границу между северной и южной частями острова (Северной Ирландией и Республикой Ирландия), а таможенную границу перенести в Ирландское море. Против такого решения выступают юнионисты, опасаясь экономического и политического отделения региона от остальной части Великобритании.

Лондона, которое вскоре было приостановлено [9]. Во многом на решение Брюсселя повлиял рост напряженностей между юнионистами и католиками в Северной Ирландии.

Противостояние между Лондоном и Брюсселем по североирландскому вопросу получило продолжение в июне 2021 года во время саммита «Группы семи» в Великобритании. Президент Франции Э. Макрон обвинил Лондон в неисполнении международных обязательств, напомнив, что регион подчиняется правилам Евросоюза. Министр иностранных дел Соединенного Королевства Д. Рааб счел такие заявления «оскорбительными», а Б. Джонсон указал, что Брюссель должен «вбить себе в голову, что Северная Ирландия и Британия едины» [11]. Тем не менее ЕС вновь пошел на уступки Лондону и согласился продлить до 30 сентября 2021 года действие льготного периода для поставок охлажденного мяса из Великобритании в Северную Ирландию.

Лондон, в свою очередь, в июле 2021 года выступил с предложением кардинально пересмотреть Североирландский протокол и отказаться от таможенных проверок для тех товаров, которые предназначены для Северной Ирландии. В сентябре Британия в третий раз объявила о намерении продлить льготный период для таможенных проверок в надежде добиться пересмотра договоренностей. Вопрос остается неурегулированным и впоследствии может привести к судебным тяжбам между сторонами.

Первые месяцы постбрексита отношения были осложнены и другими резонансными событиями. Например, британское правительство длительное время отказывалось признать посла Евросоюза в Лондоне [27]. Весной 2021 года Брюссель планировал сократить импорт устриц из Британии, которая в ответ заявила о сокращении импорта минеральной воды с континента («Перье», «Эвиан», «Сан Пеллегрин» и др.) [20].

Торговые противоречия между Лондоном и Брюсселем повлияли на динамику двустороннего диалога с отдельными странами. Резонанс, например, получил конфликт с Францией вокруг острова Джерси, куда Великобритания намеревалась направить два патрульных корабля после угроз Парижа оставить остров без электроснабжения. Спор возник из-за затягивания с британской стороны с выдачей лицензий французским рыбакам на вылов у берегов острова [29].

В целом конфликтный фон отношений Британии с ЕС и отдельными странами-членами, который проявился в первые полгода после вступления в силу Соглашения о торговле и сотрудничестве, может со временем приобрести устойчивый характер. Политико-правовые напряженности между сторонами по торговым и иным практическим вопросам способны нанести урон сотрудничеству и в других сферах политического взаимодействия.

Диалог по внешней политике: форматы гибкого прагматизма

Статус третьей страны не только означает самостоятельную акторность на международной арене, но и приводит к обособлению внешнеполитической и внешнеэкономической повесток. Ценой Британии за «восстановление суверенитета» стала утрата накопленного за несколько десятилетий членства в ЕС политического веса внутри интеграционного объединения.

С Брекситом Великобритания отмежевалась от институтов общей внешней политики и политики безопасности Евросоюза, хотя в Политической декларации от 2020 года зафиксировано намерение сторон взаимодействовать по внешнеполитическим вопросам и искать новые форматы сотрудничества. Лондон исходит из того, что «будет сотрудничать с европейскими друзьями по широкой повестке внешней политики и безопасности», однако для этого не требуется заключать специальный договор или учреждать специальный институт. По словам британского премьер-министра Б. Джонсона, «Соединенное Королевство больше не является европейской державой с договорной (нормативной) точки зрения, а лишь по факту истории, географии, языка и культуры, инстинктов и чувств» [24].

Несмотря на то что новая внешнеполитическая концепция «Глобальной Британии» нацелена, прежде всего, на географическую диверсификацию [2], в силу близости Европейского континента и целого комплекса исторических связей именно Старый Свет остается наиболее значимым внешнеполитическим направлением для Лондона. Открытым остается вопрос: как стороны будут взаимодействовать по вопросам международной и региональной повестки?

Сразу после Брексита, в феврале 2020 года, британское правительство опубликовало стратегический подход к будущим связям с ЕС, в частности, в отношении внешней политики и политики безопасности. Лондон предполагал «более широкий дружеский диалог» [25, р. 3]. Намерение Британии утвердиться в качестве самостоятельной региональной силы в Европе подтверждает новая Стратегия национальной безопасности, опубликованная в марте 2021 года. В документе акцент сделан на планах Соединенного Королевства как европейской страны строить конструктивные отношения с ЕС, «основанные на взаимном уважении суверенитета, свободе продвигать политику и экономику своим путем» [15, р. 6].

В Европейском союзе осознают, что институционализация политических отношений с Британией маловероятна, однако заинтересованность в координации сохраняется. Единственно приемлемым для Соединенного Королевства вариантом остается двустороннее взаимодействие на национальном уровне с отдельными странами ЕС или в малых группах по принципу *ad hoc*. В британском Комплексном обзоре национальной безопасности Париж и Берлин отмечены в качестве ключевых европейских партнеров [15, р. 60—61].

Механизм трехсторонних консультаций — «Европейская тройка» (ЕЗ) (Франция, Германия, Великобритания) — приобрел особую актуальность после референдума 2016 года. Данный формат с 2003 года зарекомендовал себя как площадка для координации значимых международных вопросов, прежде всего Совместного всеобъемлющего плана действий по Ирану (СВПД). Постепенно спектр обсуждаемых тем был расширен, а встречи ЕЗ проходят на уровне не только глав государств, но и внешнеполитических и оборонных ведомств.

Парадоксальным образом именно решение администрации Д. Трампа выйти из СВПД во многом способствовало тому, что Лондон и европейские партнеры в формате ЕЗ демонстрировали бо льшее единство взглядов на фоне кризиса евроатлантической солидарности, «выступив в поддержку иранской сделки». Вторым фактором, безусловно, стал сам Брексит, который побудил страны ядра ЕС и Британию активизировать взаимодействие вне институтов Европейского союза.

Эксперты из фонда Карнеги подсчитали, что с 2016 года страны обнародовали порядка 70 совместных заявлений в формате *E3* [16], которые помимо «иранской ядерной программы» затрагивали также вопросы свободы судоходства в Южно-Китайском море, санкционную политику в отношении РФ («дело Скрипалей»), ситуацию в Венесуэле, Белоруссии и проч. Между тем совместные заявления правильнее рассматривать как часть более широкой коалиции стран — единомышленников коллективного Запада, которую пытается построить Лондон.

Брюссель двояко трактует возможное сближение с Лондоном по вопросам внешней политики. С одной стороны, координация позиций продемонстрирует, что страна, покинувшая интеграционное объединение, неизбежно тяготеет к поиску общего знаменателя с европейскими партнерами. С другой стороны, в Париже и Берлине есть понимание, что отход от европейских институтов в пользу неформальной площадки может привести к фрагментации европейской внешней политики и созданию внутренних коалиций.

Соединенное Королевство, в свою очередь, стремится влиять на франко-германский тандем, а следовательно, изыскивает новую роль в определении европейской внешней политики вне институциональных механизмов. Кроме того, площадка «Европейской тройки» дает Лондону дополнительные возможности для дипломатического маневра на уровне трансатлантических отношений. В период администрации 45-го президента США Соединенному Королевству удавалось лавировать между союзниками, например, поддержав в отличие от Франции и Германии «сделку века» Трампа (его план Ближневосточного урегулирования) [14] и, напротив, выступив единым фронтом с европейскими партнерами по вопросу Ирана. Одновременно с этим Британия, как и прежде, демонстрировала более жесткую линию в отношении России, блокировала предложение американского лидера пригласить Российскую Федерацию в «Группу семи», долгое время сопротивлялась давлению Вашингтона относительно допуска китайского технологического гиганта «Хуавэй» к созданию систем 5G.

При этом приверженность британских евроскептиков НАТО-центристской модели безопасности в ЕС остается константой. Соответственно, Лондон заинтересован, чтобы решения

«Европейской тройки» вносили вклад в трансатлантическую солидарность, а не приводили к ее фрагментации. Площадка *E3* стала более востребована как механизм согласования единой трансатлантической позиции после победы Дж. Байдена, который объявил своим приоритетом «возвращение в Европу». В составе *Quad* (Британия, Франция, Германия и США) состоялось несколько раундов переговоров по Ирану, Мьянме и Китаю. При этом *Quad*, как и *E3*, сталкивается с идентичной проблемой: в глазах других европейских стран такие форматы свидетельствуют о «неинклюзивном подходе», который в итоге подрывает европейское единство [26].

Для ЕС формат малых групп полезен только как способ быстрого реагирования на международное событие, чтобы избежать длительного согласования в рамках всего Европейского союза. Вместе с тем предложение Парижа и Берлина институционализировать отношения в рамках самой «Европейской тройки» (или ее расширенной версии) и создать Европейский совет безопасности сегодня потеряло актуальность. Еще в 2019 году Президент Франции рассуждал на страницах *Guardian*, что «Британия найдет свое место в Европе» [19], а позже его инициативу поддержала Германия. Предполагалось, что такая формализованная площадка для дискуссий позволит привлекать и другие страны ЕС. Годом ранее Великобритания поддержала предложение Парижа о Европейской инициативе вмешательства, хотя отказалась от участия в Постоянном структурированном сотрудничестве ЕС (PESCO), опасаясь нарушений «права интеллектуальной собственности и экспортного контроля». В будущем не исключено участие Лондона в отдельных проектах (*case-by-case bases*), учитывая, что инициативы PESCO открыты для третьих стран.

На двустороннем уровне наиболее успешно долгое время развивалось британо-французское стратегическое взаимодействие в оборонной сфере и внешней политике с опорой на Ланкастерские соглашения (2010 г.) [3]. Однако в последнее время тематика Брекзита оказывает всё более негативное воздействие на политический диалог двух стран. На переговорах о выходе из ЕС позиция Франции выглядела более жесткой и ультимативной, от части напоминая позицию генерала де Голля в отношении британского членства в ЕС в 1960-х годах. Например, во время

согласования условий Брекзита Париж выступал за более жесткий подход в отношении Лондона и допускал завершение переговоров без сделки в случае неуступчивости британской стороны. Германия, напротив, неоднократно способствовала продлению переговоров, стремясь минимизировать негативный эффект от «развода».

Британо-французский саммит, приуроченный к 10-летию юбилею Ланкастерских соглашений¹, в 2020 году не состоялся, хотя послы двух стран в совместном интервью отметили, «что стратегическое взаимодействие будет продолжено, несмотря на Брекзит» [18]. Транзакционный подход Лондона как самостоятельного игрока к отношениям со странами ЕС противоречит интересам французского Президента, заинтересованного в сплочении Европейского союза и создании общеевропейских каналов, по которым можно было бы влиять в том числе на позицию Соединенного Королевства. Триггером для осложнения двустороннего диалога стал окончательный отказ Британии институционально закрепить механизм согласования общей внешней политики, демонстративное отдаление от Европейского союза и попытки игнорировать его даже в стратегических документах².

Идея британо-французского саммита на высшем уровне в 2021 году также оказалась нереализуемой, хотя, по мнению многих аналитиков, именно такие переговоры могли бы помочь вывести отношения из «ужасного» состояния. В британском истеблишменте и аналитических кругах обвиняют Париж в попытках «маргинализировать роль Лондона» в Европе. Надежды на улучшение отношений окончательно были перечеркнуты после сообщения о том, что Британия, Австралия и США заключили трехсторонний военно-политический союз (AUKUS), вследствие которого Париж потерял контракт на строительство 12 подводных лодок для Канберры на сумму 36,5 млрд долл. Австралия реши-

ла закупить атомные подводные лодки, произведенные по технологиям США и Великобритании. Сделка готовилась в течение 18 месяцев в условиях строжайшей секретности и стала полной неожиданностью для Парижа. В итоге был «перенесен на неопределенное время» запланированный на сентябрь 2021 года франко-британский саммит министров обороны.

Соединенное Королевство, в свою очередь, продолжает укреплять двусторонние отношения с отдельными европейскими странами. 30 июня 2021 года была подписана Совместная британо-германская декларация о координации внешней политики и безопасности [13]. Лейтмотивом стала готовность сторон координировать позицию и сотрудничать, учитывая «безусловную приверженность» евроатлантическому курсу и глобальную ответственность двух стран по защите «порядка, основанного на правилах». Лондон рассчитывает, что этот документ станет первым в серии политических деклараций с ведущими европейскими партнерами, в том числе с Италией. Для Британии такие договоренности открывают возможность строить гибкие форматы сотрудничества вне структур Евросоюза.

Заключение

Нормативное отделение Британии от Европейского союза формирует «новую нормальность»: стремление к самостоятельности при сохраняющейся высокой степени взаимозависимости. Правовые лакуны в отношениях Соединенного Королевства и ЕС, а также сложности практической реализации Соглашения о торговле и сотрудничестве создают общий конфликтный фон. Противоречия Лондона и Брюсселя, а также напряженности в отношениях с отдельными странами могут создавать препятствия для сотрудничества Британии и Европейского союза не только в торговой области, но и в политической сфере.

До сих пор Соединенное Королевство и Евросоюз не создали механизм, который позволял бы координировать международную повестку на двусторонней основе. Траектория и тональность будущего взаимодействия зависят в том числе от реализации достигнутых ранее договоренностей. Репутационные потери Британии после Брекзита ограничивают возможности эффективно координировать сферу внешней политики. Вместе с тем, пози-

¹ Ланкастерские соглашения — соглашения о сотрудничестве в области обороны и безопасности между Великобританией и Францией, подписанные в 2010 году. В рамках договоренностей был создан совместный экспедиционный корпус, который может быть мобилизован для выполнения боевых операций на суше, в море и воздухе (к ноябрю 2020 г. численностью 10 тыс. человек). Кроме того, предусмотрено углубленное сотрудничество в области разработок и производства вооружений, а также взаимодействие в ядерной сфере.

² В Комплексном обзоре безопасности, обороны, развития и внешней политики «Глобальная Британия в эру конкуренции» Европейский союз упоминается не более 20 раз преимущественно в контексте Брекзита. Во второй части Обзора — «Оборона в эру конкуренции» — вовсе отсутствуют ссылки на ЕС.

ционируя себя самостоятельным актором международных отношений, свободным от правовых обязательств в рамках структур ЕС, Соединенное Королевство делает ставку на мини-форматы для координации отдельных вопросов с европейскими странами.

В течение 2021 года статус страны — председателя «Группы семи» позволял Лондону ощущать свое дипломатическое преимущество и согласовывать международную линию со странами-единомышленниками, однако в дальнейшем Британия может столкнуться со сложностями своего положения.

«Европейская тройка» не позволяет вырабатывать долгосрочную общую политику с европейскими странами. Формат *Quad* с США, Францией и Германией открывает перед Лондоном больше перспектив, учитывая его планы играть особую роль в евроатлантической безопасности. Однако Британия и здесь может столкнуться с затруднениями, связанными как с особенностями политики Вашингтона в отношении Европы, курсом на «стратегическую автономию» Евросоюза, так и с возможной конкуренцией со стороны других стран ЕС с ярко выраженным атлантическим курсом.

В целом после отказа от членства в Европейском союзе перед британской дипломатией стоит сложная задача. Требуется наладить новый *modus operandi* со странами европейской интеграции, обрести особую роль в соответствии с установкой «Великобритания покидает Евросоюз, но не уходит из Европы» в условиях политического парадокса: усиления фактора США в ее внешней политике и разбалансировки евроатлантического единства.

Литература

1. Бабынина Л.О. Торговое соглашение между ЕС и Великобританией: между условностью и суверенитетом // Современная Европа. – 2021. – № 2. – С. 5–16.
2. Годованюк К.А. «Глобальная Британия» как следствие исторических дискуссий об идентичности // Современная Европа. – 2020. – № 6. – С. 181–190.
3. Зверева Т.В., Закаурцева Т.А. Военно-политическое сотрудничество Франции и Великобритании: состояние и перспективы // Вестник Дипломатической академии. – 2021. №. 1 (27). – С. 51–68.
4. Итоги правления Терезы Мэй / отв. ред. Е.В. Ананьева. – М.: ИЕ РАН, 2019. – 148 с.
5. Итоги первого года правительства Б. Джонсона / отв. ред. К.А. Годованюк. – М.: Ин-т Европы РАН, 2020. – 140 с.
6. Auer S. Brexit in History: Sovereignty or a European Union? // The RUSI Journal. – 2020. 165:1, 142–143.
7. Beasley Ryan K. et al. Role Theory, Foreign Policy, and the Social Construction of Sovereignty: Brexit Stage Right. Global Studies Quarterly. 2021.

8. Brexit: Cameron warns Britain against 'step into the dark' // Financial Times. – URL: <https://www.ft.com/content/557c64ca-d87b-11e5-98fd-06d75973fe09> (accessed: 15.03.2021).
9. Brexit: EU says UK's unilateral move to extend NI Protocol grace period 'breaks international law' // The Journal.IE. – URL: <https://www.thejournal.ie/british-government-grace-period-agrifoods-northern-ireland-5371013-Mar2021/> (accessed: 15.03.2021).
10. Britain is a Leading Nation // Spiegel International. – URL: <https://www.spiegel.de/international/europe/spiegel-interview-with-wolfgang-schaeuble-on-brexit-a-1096999.html> (accessed: 20.03.2020).
11. Britain's Raab says EU should stop treating N.Ireland as 'separate country' // Reuter Europe. – URL: <https://www.reuters.com/world/uk/britains-raab-says-eu-should-stop-treating-nireland-separate-country-2021-06-13/> (accessed: 15.03.2021).
12. EU countries rule out bilateral asylum deals in blow to Priti Patel immigration plan // Independent. – URL: <https://www.independent.co.uk/news/uk/home-news/asylum-eu-deportation-home-office-b1836598.html> (accessed: 15.10.2021).
13. Foreign Secretary signs landmark Joint Declaration with Germany / Foreign, Commonwealth & Development Office. – URL: <https://www.gov.uk/government/news/foreign-secretary-signs-landmark-joint-declaration-with-germany#:~:text=The%20UK%20has%20signed%20a,on%20foreign%20and%20security%20policy.&text=Foreign%20Secretary%20Dominic%20Raab%20and,foreign%20and%20security%20policy%20cooperation> (accessed: 18.08.2021).
14. Gaps emerge between Britain and EU over Trump Middle East plan // Reuters. – URL: <https://www.reuters.com/article/us-israel-palestinians-plan-europe/gaps-emerge-between-britain-and-eu-over-trump-middle-east-plan-idUSKBN1ZS26J> (accessed: 18.08.2021).
15. Integrated Review of Security, Defence, Development and Foreign Policy. Global Britain in a competitive age // HM Government. – URL: https://assets.publishing.service.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/975077/Global_Britain_in_a_Competitive_Age_the_Integrated_Review_of_Security_Defence_Development_and_Foreign_Policy.pdf (accessed: 22.08.2021).
16. Key Joint Statements, Press Releases, and Diplomatic Meetings Involving the E3 (2003–2020) / Carnegie Endowment for International Peace. – URL: https://carnegieendowment.org/files/Brattberg_E3_KeyStatements_table1.pdf (accessed: 18.08.2021).
17. Krasne S.D. 1999. Sovereignty: Organized Hypocrisy. – Princeton: Princeton University. – 280 p.
18. Llewellyn E., Colonna C. Points of View on franco-British Defence relations // Revue Defence Nationale. No. 834. November 2020. – URL: https://assets.publishing.service.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/932042/Llewellyn-Colonna_UK_.pdf P. 1–9. (accessed: 18.08.2021).
19. Macron E. Dear Europe. Brexit is a lesson for all of us: it's a time for renewal. 4 March, 2019 // Guardian. – URL: <https://www.theguardian.com/commentisfree/2019/mar/04/europe-brexit-uk> (accessed: 18.08.2021).
20. Mineral water from EU hit with import curbs after Brussels banned UK shellfish // The Sun. – URL: <https://www.thesun.co.uk/news/15476538/boris-johnson-mineral-waters-eu-import-curbs/> (accessed: 18.10.2021).
21. Operation Warm Welcome / Prime Minister's Office, 10 Downing Street. – URL: <https://www.gov.uk/government/news/operation-warm-welcome> (accessed: 18.10.2021).
22. Parliament formally approves EU-UK trade and cooperation agreement // News European Parliament. – URL: <https://www.europarl.europa.eu/news/en/press-room/20210423IPR02772/parliament-formally-approves-eu-uk-trade-and-cooperation-agreement> (accessed: 20.03.2021).
23. Prime Minister's statement on EU negotiations: 24 December 2020 / Prime Minister's Office, 10 Downing Street. – URL: <https://www.gov.uk/government/speeches/prime-ministers-statement-on-eu-negotiations-24-december-2020> (accessed: 20.03.2021).
24. PM speech in Greenwich: 3 February 2020 / Prime Minister's Office, 10 Downing Street. – URL: <https://www.gov.uk/government/speeches/pm-speech-in-greenwich-3-february-2020> (accessed: 18.08.2021).
25. The Future Relationship with the EU The UK's Approach to Negotiations / HM Government. – URL: <https://assets.publishing.service.gov.uk/government/uploads/>

- system/uploads/attachment_data/file/868874/The_Future_Relationship_with_the_EU.pdf (accessed: 18.08.2021).
26. Towards a strategic agenda for the E3 Opportunities and risks for France, Germany and the UK / The Royal Institute of International Affairs Chatham House. – URL: <https://www.chathamhouse.org/sites/default/files/2021-04/2021-04-28-towards-strategic-agenda-e3-billon-galland-whitman.pdf> (accessed: 18.08.2021).
  27. UK insists it will not grant EU ambassador full diplomatic status // The Guardian. – URL: <https://www.theguardian.com/world/2021/jan/21/uk-insists-it-will-not-grant-eu-ambassador-full-diplomatic-status> (accessed: 20.03.2021).
  28. *White J.I.* A Critical Reflection on Sovereignty in International Relations Today // E-International Relations. – URL: <https://www.e-ir.info/pdf/77392> (accessed: 04.04.2021).
  29. UK sends navy vessels to Jersey amid post-Brexit fishing row with France // The Guardian. – URL: <https://www.theguardian.com/uk-news/2021/may/05/uk-hits-back-at-french-threat-to-cut-jerseys-electricity-supply> (accessed: 04.04.2021).

Гаврилова Светлана Михайловна,

кандидат исторических наук,
Дипломатическая академия МИД России, Москва.

Svetlana M. Gavrilova,

Ph.D. (History),
Diplomatic Academy of the Russian Foreign Ministry, Moscow.

E-mail: smgavrilova@gmail.com

ПОЛИТИКА ИТАЛИИ В СРЕДИЗЕМНОМОРЬЕ: ОСНОВНЫЕ ПАРТНЕРЫ

ITALIAN POLICY IN THE MEDITERRANEAN: THE MAIN PARTNERS

Аннотация: в статье рассматриваются двусторонние отношения Итальянской Республики со странами, географически и политически включенными в Средиземноморский регион — зону особых интересов итальянской внешней политики. Среди ключевых партнеров Италии в регионе — Ливия, Тунис, Алжир, государства, с которыми Итальянскую Республику связывают не только устойчивые политические контакты, но и взаимодействие в сферах безопасности, экономики, энергетическое сотрудничество. Особое место в двусторонних отношениях Италии с государствами региона приобретает сотрудничество в сфере противодействия нелегальной миграции — вопрос, обострившийся в последние годы на фоне миграционного кризиса ЕС. Важной составляющей внешней политики Итальянской Республики во взаимодействии со средиземноморскими партнерами является идея о позиционировании Италии как «регионального протагониста» — ключевого актора средиземноморской политики.

Ключевые слова: Италия, Средиземноморье, безопасность, миграция, энергетика, двусторонние отношения, Европейский союз, Ливия, Турция, Алжир, Сирия, Тунис, Марокко, Египет.

Abstract: the article examines the bilateral relations of the Italian Republic with the countries geographically and politically included in the Mediterranean region — the zone of special interests of Italian foreign policy. Among Italy's key partners in the region, Libya, Tunisia, Syria, and Algeria stand out in particular — states with which the Italian Republic is connected not only by stable political contacts, but also by cooperation in the fields of security, economy, and energy cooperation. A special place in Italy's bilateral relations with the states of the region is acquired by cooperation in the field of countering illegal migration — an issue that has become more acute in recent years against the background of the EU migration crisis. An important aspect of the foreign policy of the Italian Republic in cooperation with its Mediterranean partners is the idea of positioning Italy as a “regional protagonist” — a key actor in Mediterranean politics.

Key words: Italy, Mediterranean, security, migration, energy, bilateral relations, European Union, Libya, Turkey, Algeria, Syria, Tunisia, Morocco, Egypt.

Введение

Средиземноморский регион прочно закреплен в итальянской внешнеполитической доктрине в качестве одного из важнейших

приоритетов политики страны на международной арене. Это обусловлено как объективными историческими и географическими причинами, так и новыми вызовами и угрозами, исходящими из региона, с которыми Италия — первой из европейских стран — сталкивается на протяжении последних двух десятилетий [4]. Как отмечает Е. А. Маслова, «к глобальным приоритетам [итальянской внешней политики. — С. Г.] можно отнести следующие: миграцию, энергетическую безопасность, борьбу с терроризмом и организованной преступностью, права человека, борьбу с ОМУ и нераспространение, устойчивое развитие, борьбу с коррупцией» [5, с. 212].

Одной из ключевых проблем для Европейского союза начиная с 2015 года стал миграционный кризис — проблема, с которой Италия столкнулась гораздо раньше других европейских государств. В данном контексте особое значение для Италии имеет сотрудничество с государствами Северной Африки, способными стать ее союзниками в решении вопросов нелегальной миграции. Вопрос о стабилизации миграционной ситуации стоит на повестке дня всех итальянских кабинетов. Данному вопросу посвящен и отдельный пункт в «Проекте государственной программы» новой итальянской правительственной коалиции «Движение пяти звезд» и Демократической партии, опубликованном 2 сентября 2021 года: предусматривается «решительный ответ на проблему миграционных потоков в виде законодательства, направленного на борьбу с незаконной торговлей людьми и нелегальной иммиграцией, но также затрагивающего вопросы иммиграции в соответствии с недавними замечаниями главы государства» [23]. Большое значение средиземноморские страны имеют для Италии с точки зрения экономики и энергетической безопасности.

В итальянской внешнеполитической доктрине Средиземноморье неотъемлемо связано с регионом Ближнего Востока — данное направление обозначено как «Mediterraneo e Medio Oriente» [см. подробнее: 3, с. 122], однако в данной статье будут рассмотрены только страны, географически относящиеся к бассейну Средиземного моря. Ливия, Алжир и Тунис являются для Италии стратегически важными партнерами как в энергетической сфере, так и в области регулирования ми-

грационных потоков. Возрастающую роль в итальянской политике играют и такие страны, как Египет, Марокко, Турция, а также Сирия как значимый актор средиземноморской политики.

Ключевые политические партнеры Итальянской Республики в Средиземноморском регионе

Традиционным привилегированным партнером Италии в Средиземноморье является **Ливия**: широкие контакты двух стран на протяжении последних десятилетий, в том числе миграционные соглашения, демонстрировали успешное сотрудничество в данной области. Государства объединяют и глубокие исторически прочные контакты. Две страны связывают длительные динамично развивающиеся отношения в сфере энергетики и инвестиций. Они развиваются с 1956 года (первое итало-ливийское соглашение), а с 1959 года начинается активное экономическое сотрудничество (соглашение итальянской энергетической компании «Eni» о разработке нефтегазовых месторождений). После переворота и прихода к власти в стране Муаммара Каддафи было заключено новое соглашение об экономическом и научно-техническом сотрудничестве (1974 г.). Сотрудничество продолжало развиваться в энергетической, финансовой, культурной и даже туристической сферах. Примечательно, что отношения двух стран не прерывались даже в период действия санкций ООН против правительства М. Каддафи. Ключевым вопросом для обсуждения уже с 90-х годов XX века становится проблема миграции. В 1998 году был подписан ряд соглашений, касающийся разных сфер сотрудничества. В 2006 году в связи с обострением проблемы нелегальных мигрантов было подписано новое соглашение с Каддафи по регулированию миграции, а в 2008 году был подписан Договор о дружбе, партнерстве и сотрудничестве, в котором подчеркивался привилегированный характер отношений между двумя странами и осуждалось колониальное прошлое.

Италия, войдя в тройку крупнейших инвесторов в ливийскую экономику, фактически способствовала выходу Ливии из политической и экономической изоляции. Примечательно, что решение миграционного вопроса подверглось серьезной критике со стороны Совета Европы: договоренности предусматривали отправку нелегальных мигрантов обратно, тогда как это могло угрожать

их жизни. Во время кризиса в Ливии в 2011 году Италия фактически оказывала поддержку силам НАТО, а Договор 2008 года объявила приостановленным. Италия официально признала Переходный национальный совет Ливии и возобновила с новым правительством все договоренности, а также начала оказание стратегической помощи. В июне 2011 года был подписан меморандум о взаимопонимании. Несмотря на серьезные трансформации в стране с 2011 года, сотрудничество Италии с Ливией в области миграции претерпевает незначительные изменения.

Долгое время Ливия представляла приоритетный интерес в регионе как наиболее выгодный рынок для малых и средних итальянских предприятий. Еще в 1999 году было создано Смешанное италийско-ливийское общество, оказывающее содействие итальянским компаниям в Ливии. Помимо активно развивающейся энергетической сферы инвестиционные контакты вышли на высокий уровень в области туризма, сельского хозяйства, рыболовства. Контакты заметно сократились с 2011 года. Итальянские аналитики, однако, отмечают, что исторически широкое присутствие Италии в Ливии сохраняется, пусть и в сокращенных масштабах, по причине неизменно высокого значения страны в итальянской внешней политике [12]. В 2017 году была возобновлена работа созданной еще в 2008 году Совместной италийско-ливийской Комиссии в области инфраструктуры, что свидетельствует о позитивной динамике политического и экономического диалога двух стран, несмотря на сложности, обусловленные ситуацией в Ливии.

В настоящее время Ливия остается особой зоной интересов Италии в контексте непрекращающегося конфликта в стране. Это связано с тем, что страна поставляет около 1/4 от всего объема импортируемой в Италию нефти. Особое внимание уделяется деятельности в стране итальянской энергетической компании «Eni» [30]. Высокой остается роль компании в вопросах достижения компромисса между ливийскими политическими силами. Компания принимает участие в целом ряде проектов на территории Ливии, в том числе гуманитарных; на долю этой страны приходится около 20% всей добычи углеводородов «Eni» [6, с. 109]. Примечательно, что посольство Италии в Триполи долгое время оставалось одним из немногих, функционирующих в полном объ-

еме в Ливии. В январе 2017 года закрытое ранее итальянское посольство в Триполи вновь было открыто.

Италия на протяжении нескольких лет поддерживала ливийское правительство национального согласия во главе с Фаизом Сараджем. В сотрудничестве с рядом стран — лидеров ЕС продолжает проводится работа по урегулированию ситуации в Ливии: на сайте итальянского Министерства иностранных дел подчеркивается, что «Правительства Франции, Германии, Италии, Испании, Великобритании и США подтверждают свою полную поддержку правительства национального согласия» [19]. Широко практикуются встречи на высшем уровне между итальянским и ливийским дипломатическими ведомствами. Важным моментом в плане сотрудничества с ливийскими властями, контролирующими область Триполитания, остается вопрос о контроле над незаконной миграцией. В 2017 году на Сицилии состоялся италийско-ливийский экономический форум, а в 2018 году — Саммит по Ливии [27], на котором обсуждалась необходимость проведения референдума в стране.

В настоящее время Ливия является одной из наиболее значительных горячих точек в Средиземном море и в более широком плане — в регионе Ближнего Востока. Последствия нестабильности в стране уже распространились по всей Северо-Западной Африке и Южной Европе, прежде всего в Италии, и на текущий момент являются одной из основных угроз безопасности для всего международного сообщества. После наступления «арабской весны» интересам Италии в Ливии был нанесен серьезный ущерб. Выступая за поиск условий диалога внутри самой Ливии, Итальянская Республика высказывается в поддержку проведения миротворческой операции под эгидой ООН. В последние годы становится очевидным столкновение в Ливии интересов Италии и Турции, прежде всего в сфере добычи энергоресурсов. При этом Турция выступает скорее как союзник Италии в разрешении ливийского кризиса, и сотрудничество двух стран может принести позитивные результаты [1].

В настоящее время Италия стремится к политическому разрешению ливийского кризиса посредством участия ООН в процессе национального примирения в стране. Большое внимание итальянской стороной уделяется экономическому возрождению

Ливии. Италия осуществляет активную гуманитарную помощь стране. В официальной внешнеполитической итальянской риторике во главу угла ставится поддержка ливийского политического процесса на пути к выборам в декабре 2021 года, способным, с точки зрения итальянских политиков, стабилизировать ситуацию в стране. 31 мая 2021 года состоялись переговоры министра иностранных дел и международного сотрудничества Луиджи Ди Майо с министром иностранных дел ливийского правительства национального единства Наджлой аль-Мангуш. Министры встретились на полях бизнес-форума «Новая Ливия знакомится с итальянскими компаниями». Итальянский министр подчеркнул открывающиеся в свете двустороннего сотрудничества возможности, которые прогрессивная политико-институциональная консолидация и укрепление безопасности в стране предлагают итальянским компаниям, желающим принять участие в восстановлении Ливии [21]. Глава Фарнезины подтвердил также приверженность Италии долгосрочной стабилизации в стране, подчеркнув важность процесса подготовки к выборам, запланированным на 24 декабря 2021 года, и связанную с этим необходимость своевременного определения конституционной основы и принятия закона о выборах. Итальянская сторона напомнила также о важности выполнения соглашения о прекращении огня [21]. 14 сентября состоялась встреча Луиджи Ди Майо с вице-президентом Президентского совета Ливии Абдуллой аль-Лафи, на которой итальянский министр подтвердил готовность Италии оказать поддержку внутрививийскому процессу примирения и отметил высокую роль Президентского совета в данном процессе [15].

23 сентября 2021 года Луиджи Ди Майо сопредседательствовал на министерской встрече по Ливии в Нью-Йорке в кулуарах 76-й сессии Генассамблеи ООН. На встрече присутствовали заместитель Генерального секретаря ООН Розмари ДиКарло, министры иностранных дел и представители стран-членов и региональных организаций, участвующих в Берлинском процессе, а также стран, граничащих с Ливией. Участники подчеркнули необходимость того, чтобы международное сообщество продолжало поддерживать ливийский политический процесс и, в частности, поощрять подготовку и проведение в соответствии с до-

рожной картой, согласованной Форумом политического диалога Ливии, свободных, справедливых и инклюзивных парламентских и президентских выборов [13]. В данном контексте представляется важным, чтобы все заинтересованные стороны, как внутренние, так и международные, сотрудничали в целях поиска общих и долгосрочных политических и институциональных решений, в частности путем преодоления всё еще существующей неопределенности в отношении правовой основы проведения выборов.

Таким образом, очевидна сохраняющаяся высокая заинтересованность итальянской стороны в скорейшем урегулировании внутрививийских проблем. Как отмечает Е. С. Алексеенкова, «геополитическая роль Италии в Средиземноморье ослаблена эскалацией конфликтов в Ливии и в восточном Средиземноморье» [2, с. 73], и страна вынуждена бороться за возвращение утраченных позиций. Ливия остается приоритетом Итальянской Республики в регионе в качестве экономического партнера и союзника в решении миграционных проблем.

Отношения Италии и **Алжира** традиционно строились вокруг энергетического партнерства двух стран. Еще в 1978—1983 годах через Тунис был проложен газопровод, соединивший Италию и Алжир. В 2003 году между государствами был подписан договор о дружбе, сотрудничестве и добрососедстве, за которым последовала серия соглашений в разных секторах взаимоотношений, таких как энергетика, миграция, культура, торговля, безопасность. Широкой практикой стали двусторонние визиты на высшем уровне. Этот динамично развивающийся процесс в отношениях не был приостановлен и после событий 2011 года. Начиная с 2012 года итальянскую внешнеполитическую линию в отношении Алжира можно охарактеризовать как стратегическое партнерство в рамках средиземноморской политики, ключевыми пунктами которого являются сотрудничество в борьбе с терроризмом и в энергетической сфере, а также регулирование миграционных потоков.

Итальянское экономическое присутствие в Алжире несколько отставало по сравнению с другими странами региона по причине более позднего начала кампании по привлечению в страну иностранного капитала. В 2002 году между Италией и Алжиром был заключен ряд экономических соглашений, а в 2006 году — со-

глашение о строительстве газопровода Алжир — Сардиния. Кроме того, была принята программа сотрудничества в сфере науки и технологий. Урегулирование ситуации в Ливии тесно связывает сегодня Италию и Алжир. В настоящее время Алжир рассматривается итальянской дипломатией в качестве основного партнера для поддержания стабильности в Магрибе. Существенных объемов достиг импорт природного газа из Алжира в Италию, сокращение которого в 2013—2014 годах было обусловлено исключительно официальной договоренностью в условиях пониженного спроса.

Отношения Италии и Алжира сохраняются на уровне прочного сотрудничества, о чем свидетельствуют регулярные политические консультации: 25 мая 2021 года Луиджи Ди Майо провел переговоры со своим алжирским коллегой Сабри Букадумом в отношении консолидированного двустороннего политического диалога и в целях обмена мнениями по Ливии и Ближнему Востоку. На переговорах был обсужден также вопрос о разграничении соответствующих исключительных экономических зон [7].

Динамично развиваются двусторонние контакты в сфере научного сотрудничества и образования: в июле 2021 года состоялась конференция между итальянской Высшей судебной школой и алжирской Высшей судебной школой, которую итальянский Посол в Алжире Джованни Пульезе охарактеризовал как «отправную точку для плодотворного сотрудничества, в том числе в судебном секторе, между итальянскими и алжирскими учреждениями», и, кроме того, подчеркнул, что «когда связи между двумя странами являются глубокими, то наличие синергии между нашими судебными системами неизбежно... Италия и Алжир сегодня должны столкнуться с важными общими проблемами, особенно в бассейне Средиземного моря, такими как борьба с терроризмом, организованной преступностью или даже национальной и международной коррупцией» [16]. Очевидно, что в настоящее время Алжир занимает во внешнеполитической стратегии Итальянской Республики уже гораздо более важное значение, чем раньше, и развитие отношений между государствами будет расширяться в стратегически важных для Италии сферах.

Тунис является одним из ключевых партнеров в региональной политике Италии в связи с давними политическими, экономическими и культурными связями двух стран. Еще в 1998 году Италия

и Тунис подписали соглашение о реадмиссии и полицейском сотрудничестве, а также о льготном режиме иммиграционных квот. В дальнейшем был заключен еще ряд соглашений, способствовавших укреплению сотрудничества двух стран в данных областях, которые остались в силе и после отставки президента Бен Али в 2011 году. В апреле того же года страны обменялись нотами, согласно которым устанавливался ряд мер по предотвращению нелегального потока мигрантов из Туниса и репатриации нелегалов на родину. Сотрудничество продолжилось на уровне встреч министров внутренних дел. Основной целью Италии в ее тунисской политике сегодня остается стремление к сокращению нелегальной миграции из страны.

В связи с либеральной инвестиционной политикой страны Тунис также стал одним из наиболее привлекательных направлений для итальянских капиталовложений. К середине первого десятилетия XXI века в стране уже действовало значительное число как предприятий со 100%-ным итальянским капиталом, так и совместных итало-тунисских предприятий. Наиболее высокий процент итальянских инвестиций приходился на отрасль текстильной и швейной промышленности. Интерес к инвестициям в Тунис сохраняется в Италии, несмотря на сокращение в связи с «жасминовой революцией». По этой причине в Италии сохраняется и повышенный интерес к стабилизации политической ситуации в Тунисе: в данном контексте страны сотрудничают в том числе по линии диалога гражданских обществ. Так, в 2016 году в Италии прошел форум «Демократические процессы в Тунисе и перспективы сотрудничества в бассейне Средиземного моря» [28], ставший отправной точкой для расширения сотрудничества в данной сфере.

Важным аспектом отношений двух стран остается тот факт, что Тунис долгое время находился в состоянии относительной внутренней стабильности. Это, однако, способствовало снижению интереса Италии к стране в связи с отсутствием необходимости «экстренного» политического планирования. Кроме того, Тунис занимает «промежуточную» позицию и воспринимается Римом как второстепенный партнер, поскольку лежит между «гигантами» итальянских интересов в регионе — Ливией и Алжиром. В то же время Италия является вторым торговым партне-

ром и одним из наиболее крупных инвесторов Туниса. Интерес к стране заметно возрос в связи с увеличением миграционных потоков в Италию через ее территорию после 2011 года.

В 2017 году Италия и Тунис подписали совместную декларацию, разработанную министром иностранных дел и международного сотрудничества Анджелино Альфано и министром иностранных дел Туниса Хемаиес Джинауи. Соглашение призвано способствовать дальнейшему укреплению сотрудничества между двумя странами в целях содействия миру, стабильности и благополучию в районе Средиземноморья. Вместе с совместным заявлением министры иностранных дел подписали и другие соглашения в разных секторах, включая партнерство в целях развития, объединение электроэнергетики, молодежные обмены и расширение сотрудничества в области безопасности [17]. В марте 2021 года состоялась встреча министров иностранных дел двух стран, на которой Италия подтвердила свое стремление работать над дальнейшим укреплением политических и экономических связей с Тунисом — «стратегическим партнером» страны в регионе [14]. В ходе встречи было подтверждено «особое внимание» Италии к Тунису в рамках средиземноморской политики страны. Показательно, что центральной темой переговоров стал вопрос о контроле над миграционными потоками в Средиземноморье.

Непосредственным внешнеполитическим интересом Итальянской Республики остается сохранение стабильности и демократического характера преобразований в Тунисе. Обострение политической и экономической ситуации в стране в связи с ухудшением эпидемиологической ситуации привлекает в настоящее время повышенное внимание Италии к Тунису. Итальянская сторона оказывает поддержку тунисскому правительству поставками вакцины от COVID-19, а также направлением гуманитарной помощи и пожертвований, а в момент особенно острых социальных волнений в Тунисе Фарнезина опубликовала официальную ноту о «поддержке политической и экономической стабильности Туниса и подтверждении искренней близости к тунисскому народу» [22]. В июне 2021 года состоялся первый визит в Рим тунисского Президента Каиса Саида, в ходе которого был подписан Меморандум о взаимопонимании и сотрудничестве в целях развития, в котором подтверждается, что Тунис является «стра-

тегическим партнером Италии в Средиземноморском регионе по вопросам иммиграции и ситуации в Ливии» [20]. Данный шаг подтверждает, что на фоне роста кризисных явлений в регионе Италия стремится к расширению и углублению партнерства с отдельными средиземноморскими странами.

Еще одним важным приоритетом для итальянских инвестиций в Северной Африке является **Марокко** в связи с местной политикой поощрения иностранных инвестиций, низкими таможенными пошлинами и стоимостью рабочей силы, невысоким уровнем государственного присутствия в экономике, политической стабильностью и географической близостью. Так, в апреле 2021 года было подписано важное соглашение между итальянской Национальной ассоциацией автомобильной промышленности (ANFIA) и Марокканской ассоциацией автомобильной промышленности (AMICA) для развития цепочек поставок и производственных экосистем в Италии и Марокко [11]. Соглашение представляет собой качественный скачок в отношениях между двумя торговыми ассоциациями и важный шаг в укреплении итальянско-марокканских производственных отношений; оно позволит еще больше усилить итальянское присутствие в промышленных экосистемах Renault и Stellantis, в обеих из которых в значительной степени используются итальянские компоненты и которые заинтересованы в том, чтобы сделать Марокко логистическим и производственным центром для всего расширенного Средиземноморья.

На уровне высших политических эшелонов власти Итальянской Республики давно ведутся переговоры о начале стратегического партнерства с Марокко, основанного на ряде политических, экономических и культурных инициатив. При этом акцент делается именно на такие области, как энергетический сектор и развитие малого и среднего бизнеса, в которые Италией осуществляются значительные инвестиции [29]. На повестке дня двусторонних итало-марокканских контактов остаются вопросы стратегического партнерства, проблема политического диалога в Ливии, ситуация в Западной Сахаре, ближневосточный мирный процесс [8].

Важным направлением итальянской внешней политики в Средиземноморском регионе является развитие отношений с **Египтом** в связи с ключевой ролью последнего в экономиче-

ской и политической кооперации стран Магриба и Ближнего Востока. Сотрудничество ведется также в области миграционной политики: еще в 2000 году было подписано итало-египетское соглашение о полицейской кооперации и борьбе с организованной преступностью и терроризмом, в 2005 году — соглашение о занятости, а в 2007 году — соглашение о сотрудничестве по реадмиссии. Следующим шагом в совместной борьбе с нелегальной миграцией стал Меморандум о взаимопонимании 2009 года. С падением режима Мубарака Италия продолжила дипломатический диалог с временным правительством по широкому кругу вопросов, прежде всего — по проблеме миграции, и в июле 2011 года был подписан Меморандум о взаимопонимании по вопросам миграции и занятости.

В Египте находятся большие объемы итальянских инвестиций, прежде всего по причине налоговых льгот и отсутствия контроля государства над ценами. При этом в отличие от Туниса и Марокко здесь традиционно преобладают крупные компании, действующие в основном в автомобильной, металлургической, деревообрабатывающей, химической, текстильной, пищевой промышленности.

Долгое время Италия являлась ведущим европейским партнером Египта, частыми были официальные двусторонние визиты, как политические, так и деловые. Резкое ухудшение отношений двух стран произошло в начале 2016 года после убийства в Египте итальянского гражданина Джулио Реджини. После отказа египетских властей предоставить информацию о расследовании Италия отозвала посла из Каира для консультаций и фактически приостановила дипломатические отношения, а также последовал ряд санкций, среди которых — запрет на поставку в Египет запчастей для истребителей. Летом 2017 года было объявлено о возвращении итальянского посла в Египет, однако ситуация вокруг убийства остается напряженной до настоящего времени. Итальянские политики на высшем уровне отмечают, что отношения двух стран остаются уже несколько лет «на рекордно низком уровне», однако полностью прекратить их представляется невозможным, поскольку Египет является значимым актором в Средиземноморском регионе и Италия вынуждена «вести переговоры с кем угодно» [10].

Турция, оставаясь основным торговым партнером Италии в регионе, рассматривается Римом в качестве ключевого актора средиземноморско-ближневосточной политики, что отражается на итальянской политике в отношении страны: еще в период второго правительства Сильвио Берлускони (2001—2005 гг.) Италия выступала в поддержку кандидатуры Турции на членство в ЕС. Италия активно выступает за либерализацию визового режима Турции с Шенгенской зоной, а идея о вступлении страны в Евросоюз трансформировалась в итальянской повестке дня в идею о создании полноценного Таможенного союза между ЕС и Турцией. Регулярно проводятся заседания Совместной итало-турецкой Комиссии по экономике и торговле (JETCO) в целях укрепления «традиционно хороших экономических отношений с таким важным партнером, как Турция» [24].

Большое значение в политике Италии в регионе Средиземноморья играет **сирийский кризис**. Италия является членом группы «Друзья Сирии» и Международной группы поддержки Сирии, выступает с позиции необходимости политического, а не военного разрешения конфликта в стране. Сирии уделяется особое внимание во внешней политике Италии: страна оказывает значительную материальную помощь в рамках международного сотрудничества сирийским беженцам (около 30 млн евро с 2012 г.). Кроме того, Италия выступает против вооруженного вмешательства и поставок оружия в страну. Активное участие страна принимает в сфере гуманитарной помощи и приема беженцев: еще в октябре 2016 года в рамках проекта «Гуманитарные коридоры» в Италию прибыла первая партия из 500 сирийских беженцев [9].

Итальянское внешнеполитическое ведомство подчеркивает необходимость международного сотрудничества по урегулированию ситуации в Сирии и поддерживает конструктивный диалог России и США, а также указывает на необходимость гарантировать защиту гражданских лиц и соблюдение норм международного гуманитарного права [25]. Интерес Италии к урегулированию конфликта в Сирии вызван, прежде всего, стремлением сдерживать влияние ИГИЛ¹ в его нынешних территориальных рамках и не допустить дальнейшего распространения радикального ислама на территории Ливии — в приоритетной зоне ита-

¹ Организация, запрещенная в Российской Федерации.

льянских интересов в регионе. Сегодня Италия придерживается мнения о том, что изменение ситуации в Сирии в лучшую сторону может произойти только после ухода с политической арены Башара Асада, однако стабильность в регионе в любом случае может быть достигнута исключительно при условии налаживания сотрудничества между Россией и США. В экспертном и политическом сообществах существует точка зрения, что Италия способна играть роль связующего звена между двумя державами в вопросах урегулирования по Сирии, а также распространить свои посреднические функции на ситуацию в Ираке [18]. Подобная посредническая миссия отвечает стремлению Италии играть ключевую роль в Средиземноморье. Италия остается приверженной пути стабилизации ситуации в Сирии, поддерживает все действия, направленные на обеспечение безопасности, диалога и примирения в стране, и выступает за установление мер по укреплению взаимного доверия и инициатив по проведению свободных и прозрачных выборов под надзором Организации Объединенных Наций. Приоритет отдается гуманитарному измерению и диалогу с различными враждующими группировками в целях обеспечения помощи населению Сирии [26]. Итальянская Республика является неизменным участником Брюссельской конференции по Сирии и регулярно выделяет средства в пользу поддержки государства. При этом Италия, безусловно, занимает позицию жесткой критики правительства Башара Асада и выступает за его отставку, оставаясь верной трансатлантической солидарности.

Заключение

Средиземноморский регион — один из приоритетов внешней политики Итальянской Республики — в настоящее время является ареной глобальных геополитических, экономических, социокультурных процессов. Такие важные вопросы внешней политики, как миграция, энергетическая безопасность, развитие экономического сотрудничества со стратегическими партнерами, географически решаются Италией именно в Средиземноморье. Важное значение в данном контексте приобретает формат двустороннего сотрудничества со странами региона. Традиционно ключевыми партнерами для Итальянской Республики явля-

ются Ливия, Алжир и Тунис — государства, сотрудничество с которыми не снижает интенсивности на протяжении всей новейшей истории Италии. При этом во взаимоотношениях с региональными партнерами Италия стремится выступать с позиции «старшего брата», опираясь на свой статус страны — члена Евросоюза и одного из протагонистов мировой политики. Страна неизменно принимает участие в консультациях и встречах по вопросам урегулирования ливийского и сирийского кризисов, проблемам безопасности в Средиземноморье, демонстрируя приверженность европейской и трансатлантической солидарности. Важным фактором в данном контексте выступает роль Италии в урегулировании ливийского кризиса: ссылаясь на свои особые интересы в стране, Итальянская Республика стремится через участие в механизмах урегулирования закрепить свой статус регионального лидера и одного из ключевых акторов мировой политики.

Литература

1. Алексеевкова Е.А. Италия в Восточном Средиземноморье: между экономикой и геополитикой // Научно-аналитический вестник ИЕ РАН. – 2020. – № 5. – С. 68–75.
2. Алексеевкова Е.С. Морская экономика Италии в контексте зеленого курса ЕС // Современная Европа. – 2021. – № 2. – С. 63–74.
3. Гаврилова С.М. Политика Италии в Средиземноморье: приоритетные направления // Вестник Дипломатической академии МИД России. Россия и мир. – 2021. – № 3. – С. 121–134.
4. Гаврилова С.М. Приоритеты внешней политики Итальянской Республики на современном этапе // Актуальные проблемы мировой политики: итоги и перспективы: бюллетень VII Ежегодной междунар. науч. конф. молодых ученых (сб. тезисов). – 2020. – С. 175–177.
5. Маслова Е.А. Внешняя политика Италии: ценности и константы // Итальянистика в современном мире. = L'Italianistica nel mondo contemporaneo: матер. II Междунар. науч.-практ. конф. / отв. ред.: Л.Г. Викулова, О.А. Дубнякова. – М., 2021. – С. 210–215.
6. Маслова Е.А., Ушакова Н.В. Средиземноморская политика Италии (окончание) // Вестник Брянского государственного университета. – 2018. – № 2 (36). – С. 107–116.
7. Colloquio telefonico del Ministro Luigi Di Maio con il Ministro degli Esteri dell'Algeria, Sabri Boukadoum / Ministero degli Affari Esteri e della Cooperazione Internazionale. – URL: https://www.esteri.it/mae/en/sala_stampa/archivionotizie/approfondimenti/2021/05/colloquio-telefonico-del-ministro-luigi-di-maio-con-il-ministro-degli-esteri-dell-algeria-sabri-boukadoum.html (accessed: 20.09.2021).
8. Colloquio telefonico tra il Ministro Di Maio e il Ministro degli Esteri del Regno del Marocco Nasser Bourita / Ministero degli Affari Esteri e della Cooperazione Internazionale. – URL: https://www.esteri.it/mae/it/sala_stampa/archivionotizie/approfondimenti/colloquio-telefonico-tra-il-ministro-di-maio-e-il-ministro-degli-esteri-del-regno-del-marocco-nasser-bourita.html (accessed: 20.09.2021).
9. Corridoi Umanitari – Il Ministro Gentiloni accoglie un nuovo gruppo di profughi dalla Siria / Ministero degli Affari Esteri e della Cooperazione Internazionale. – URL: http://www.esteri.it/mae/it/sala_stampa/archivionotizie/approfondimenti/2016/10/corridoiumanitari-il-ministro-gentiloni.html (accessed: 22.09.2021).
10. Di Maio: Afghanistan, via da maggio. I regimi? Parliamo con tutti ma sui diritti non si arretra (Corriere della Sera) / Ministero degli Affari Esteri e della Cooperazione

- Internazionale. – URL: https://www.esteri.it/mae/en/sala_stampa/interviste/2021/04/di-maio-afghanistan-via-da-maggio-i-regimi-parliamo-con-tutti-ma-sui-diritti-non-si-arretra-corriere-della-sera.html (accessed: 20.09.2021).
11. Diplomazia Economica Italiana 04 giugno: ultime news dal mondo / Ministero degli Affari Esteri e della Cooperazione Internazionale. – URL: https://www.esteri.it/mae/it/sala_stampa/archivionotizie/approfondimenti/2021/06/diplomazia-economica-italiana-04-giugno-ultime-news-dal-mondo_1.html (accessed: 21.09.2021).
  12. Il caos Libico // Eurasia. Rivista di studi geopolitici. – URL: <http://www.eurasia-rivista.org/il-caos-libico/22615/> (accessed: 20.09.2021).
  13. Il Ministro Di Maio co-presiede la riunione ministeriale sulla Libia a New York / Ministero degli Affari Esteri e della Cooperazione Internazionale. – URL: https://www.esteri.it/mae/it/sala_stampa/archivionotizie/comunicati/il-ministro-di-maio-co-presiede-la-riunione-ministeriale-sulla-libia-a-new-york.html (accessed: 20.09.2021).
  14. Incontro del Ministro Di Maio con il Ministro degli Affari Esteri della Tunisia, Othman Jerandi / Ministero degli Affari Esteri e della Cooperazione Internazionale. – URL: https://www.esteri.it/mae/it/sala_stampa/archivionotizie/comunicati/2021/03/incontro-del-ministro-di-maio-con-il-ministro-degli-affari-esteri-della-tunisia-othman-jerandi.html (accessed: 23.09.2021).
  15. Incontro del Ministro Luigi Di Maio con il Vice Presidente del Consiglio Presidenziale libico, Abdullah Al-Lafi / Ministero degli Affari Esteri e della Cooperazione Internazionale. – URL: https://www.esteri.it/mae/it/sala_stampa/archivionotizie/comunicati/incontro-del-ministro-luigi-di-maio-con-il-vice-presidente-del-consiglio-presidenziale-libico-abdullah-al-lafi.html (accessed: 21.09.2021).
  16. Italia e Algeria: prima conferenza virtuale tra Scuole Superiori della Magistratura / Ministero degli Affari Esteri e della Cooperazione Internazionale. – URL: https://www.esteri.it/mae/it/sala_stampa/archivionotizie/retediplomatica/italia-algeria-gemellaggio-tra-scuole-della-magistratura.html (accessed: 21.09.2021).
  17. Italy-Tunisia: Alfano initiates collaboration with Tunisia on strategic sectors / Ministero degli Affari Esteri e della Cooperazione Internazionale. – URL: https://www.esteri.it/mae/en/sala_stampa/archivionotizie/comunicati/2017/02/italia-tunisia-alfano-stringe-collaborazione.html (accessed: 20.09.2021).
  18. Italy and Syria: Potentials and Contradictions / Italian Atlantic Committee. – URL: <http://www.comitatoatlantico.it/en/studi/italy-and-syria-potentials-and-contradictions/> (accessed: 20.09.2021).
  19. Joint statement on Libya by the Governments of France, Germany, Italy, Spain, the UK and the United States / Ministero degli Affari Esteri e della Cooperazione Internazionale. – URL: http://www.esteri.it/mae/en/sala_stampa/archivionotizie/comunicati/2016/08/dichiarazione-congiunta-sulla-libia_10.html (accessed: 22.09.2021).
  20. Minister Di Maio welcomes the President of the Republic of Tunisia, Kais Said / Ministero degli Affari Esteri e della Cooperazione Internazionale. – URL: https://www.esteri.it/mae/en/sala_stampa/archivionotizie/approfondimenti/2021/06/il-ministro-luigi-di-maio-accoglie-il-presidente-della-repubblica-tunisino-kais-said.html (accessed: 22.09.2021).
  21. Nota Farnesina – Libia / Ministero degli Affari Esteri e della Cooperazione Internazionale. – URL: https://www.esteri.it/mae/it/sala_stampa/archivionotizie/comunicati/nota-farnesina-libia_11.html (accessed: 21.09.2021).
  22. Nota Farnesina – Tunisia / Ministero degli Affari Esteri e della Cooperazione Internazionale. – URL: https://www.esteri.it/mae/it/sala_stampa/archivionotizie/comunicati/2021/07/nota-farnesina-tunisia.html (accessed: 23.09.2021).
  23. Online la bozza in 26 punti del programma di governo M5s-Pd // La Repubblica. – URL: https://www.repubblica.it/politica/2019/09/03/news/online_la_bozza_in_26_punti_del_programma_di_governo_m5s-pd-235059672/ (accessed: 23.09.2021).
  24. Seconda sessione in formato virtuale della Joint Economic and Trade Commission (JETCO) Italia-Turchia / Ministero degli Affari Esteri e della Cooperazione Internazionale. – URL: https://www.esteri.it/mae/en/sala_stampa/archivionotizie/comunicati/2020/12/seconda-sessione-in-formato-virtuale-della-joint-economic-and-trade-commission-jetco-italia-turchia.html (accessed: 21.09.2021).
  25. Syria: Farnesina expresses concern over the situation in Eastern Aleppo / Ministero degli Affari Esteri e della Cooperazione Internazionale. – URL: http://www.esteri.it/mae/en/sala_stampa/archivionotizie/comunicati/2016/07/siria-preoccupazione-della-farnesina.html (accessed: 24.09.2021).
  26. Siria; Sereni, raggiungere pace valorizzando ruolo donne / Ministero degli Affari Esteri e della Cooperazione Internazionale. – URL: https://www.esteri.it/mae/en/sala_stampa/archivionotizie/eventi/2021/04/siria-sereni-raggiungere-pace-valorizzando-ruolo-donne.html (accessed: 24.09.2021).
  27. The Palermo conference on Libya on 12–13 November 2018 // Governo Italiano. – URL: http://www.governo.it/sites/governo.it/files/conference_for_libia_conclusions_0.pdf (accessed: 20.09.2021).
  28. Tunisia - Democratic processes and cooperation perspectives / Ministero degli Affari Esteri e della Cooperazione Internazionale. – URL: http://www.esteri.it/mae/en/sala_stampa/archivionotizie/approfondimenti/2016/04/tunisia-processi-democratici-e.html (accessed: 22.09.2021).
  29. Undersecretary for Foreign Affairs Vincenzo Amendola on official visit to Morocco / Ministero degli Affari Esteri e della Cooperazione Internazionale. – URL: http://www.esteri.it/mae/en/sala_stampa/archivionotizie/comunicati/2016/06/visita-del-sottosegretario-vincenzo.html (accessed: 21.09.2021).
  30. Uno 'Sbarco a Tripoli' nel 2015? // Eurasia. Rivista di studi geopolitici. – URL: <http://www.eurasia-rivista.org/uno-sbarco-a-tripoli-nel-2015/22111/> (accessed: 20.09.2021).

Ковба Дарья Михайловна,

кандидат политических наук,
Институт философии и права Уральского отделения Российской академии наук, Екатеринбург.

Daria M. Kovba,

Candidate of Political Sciences,
Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg.

E-mail: daria_kovba@mail.ru

ОСОБЕННОСТИ КИТАЙСКОЙ СИСТЕМЫ ГУМАНИТАРНОЙ ПОМОЩИ¹

FEATURES OF THE CHINESE HUMANITARIAN AID SYSTEM

Аннотация: в статье исследуются особенности китайского подхода оказания гуманитарной помощи, который значительно отличается от западных моделей и образцов. По сравнению с последними система гуманитарной помощи КНР характеризуется меньшей степенью вовлеченности в международную систему помощи, приоритетом к двустороннему, а не многостороннему сотрудничеству, большей пассивностью при возникновении чрезвычайных ситуаций политического характера. Доказывается, что на участие КНР в гуманитарной политике оказывают влияние сложный комплекс внешнеполитических интересов этой страны, национальный и международный контексты. Выделяются мотивы оказания гуманитарной помощи (репутационные, дипломатические, политические, коммерческие и гуманитарные). Анализируется институциональная структура помощи: ее характеризует высокая степень централизации и слабая прозрачность. На примере деятельности Общества Красного Креста Китая (ОККК) исследуется положение гражданских организаций в системе оказания помощи. По причине того, что ОККК учреждено и управляется Коммунистической партией Китая, возникает опасность неоказания помощи нуждающимся, если это противоречит интересам партии.

Ключевые слова: Китай, гуманитарная помощь, международные отношения, гуманитарная дипломатия, помощь при чрезвычайных ситуациях, гуманитарные организации.

Abstract: the article examines the features of the Chinese approach to providing humanitarian assistance, which differs significantly from Western models and patterns. Compared to the latter, China's humanitarian aid system is characterized by a lower degree of involvement in the international aid system, a priority towards bilateral rather than multilateral cooperation, and a greater passivity in the event of political emergencies. China's complex foreign policy interests, as well as national and international contexts, influence its participation in humanitarian policy. The main motives for providing humanitarian assistance are as follows: reputational, diplomatic, political, commercial and humanitarian. The author analyzes the institutional structure of aid. The latter has a high degree of centralization and low transparency. Using the example of the activities of the Red Cross Society of China, the author examines the position of civic organizations in the aid system. Since the Red Cross Society of

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ в рамках проекта № 20-014-00033 «Концепция полимодальной гуманитарной дипломатии: реализация, инструменты и цивилизационные модели».

China is established and administered by the Chinese Communist Party, there is a danger of not providing assistance to those in need if it is contrary to the interests of the party.

Key words: China, humanitarian aid, international relations, humanitarian diplomacy, emergency relief, humanitarian organizations.

Введение

Одним из трендов современной мировой политики является повышенное внимание к гуманитарной повестке — предоставлению гуманитарной помощи, ведению переговоров, созданию норм и правил, участию в международных организациях. Сформировалось понимание того, что для совместного решения глобальных проблем гуманитарного характера необходим целый комплекс мероприятий, включающий в себя не только помощь при чрезвычайных ситуациях, но и миротворчество, а также усилия по достижению Целей устойчивого развития. Такое расширенное понимание гуманитарной дипломатии позволяет говорить о том, что сегодня она имеет «полимодальный характер». Усложнению структуры гуманитарной дипломатии способствует вовлечение в нее новых акторов разной природы (государственных и негосударственных, коммерческих и частных), а также принятие государствами дополнительных обязательств в плане глобальной ответственности. В этом отношении интересен пример Китая, который в последние десятилетия начал прилагать больше усилий, чем прежде, в области гуманитарной дипломатии, оказании разного рода помощи.

Популярным предметом исследования в русскоязычной научной литературе являются инструменты «мягкой силы» Китая, к числу которых помимо научного и культурного направлений дипломатии, сферы экономики и инвестиций, участия в международных организациях причисляют оказание гуманитарной помощи другим странам [2—4]. Так, А. К. Галимзянова пишет, что гуманитарная помощь, сохранение мира и стабильности являются важными элементами «мягкой силы» КНР, и, «хотя точных данных об объемах гуманитарной помощи Китая нет, однозначно можно сделать вывод о том, что расходы на это увеличиваются» [2, с. 90]. Исследуется специфика предоставления помощи Китаем в отдельных регионах мира [6; 8]. А. А. Мардашев отмечает тесную связь между помощью КНР развитию Африки и китайско-африканскими торгово-экономическими отношениями [6,

с. 59]. Изучается деятельность китайских гуманитарных организаций, например таких, как Общество Красного Креста Китая [7]. Иностранцы анализируют особенности презентации Китая на международной арене, занимаются изучением публичной дипломатии данной страны [22], устанавливают связи между внешней политикой Китая и гуманитарной деятельностью [15], рассматривают специфику концепта иностранной помощи в китайском дискурсе [16], критически осмысливают роль Китая в международной системе оказания помощи [9; 17]. Наибольший интерес представляет работа М. Хироно, который изучает влияние процессов принятия решений в Китае на международное сотрудничество. Автор приходит к выводу о том, что международное сотрудничество в операциях по оказанию помощи при стихийных бедствиях играет важную роль в противодействии глобальным нетрадиционным угрозам безопасности, а также помогает КНР решить проблему «дефицита доверия», при этом основной упор делается на технические (не политические) аспекты [14, с. 1]. На фоне всеобщего беспокойства по поводу текущей пандемии COVID-19 появляются статьи, в которых исследуется эффективность оказания гуманитарной помощи заболевшим. Например, Суи-Ли Ви и Хавьер С. Эрнандес изучают, как Общество Красного Креста Китая справлялось с распределением помощи, отправленной в провинцию Ухань [13].

В данной статье речь пойдет о специфическом китайском подходе оказания гуманитарной помощи, который принципиальным образом отличается от западных моделей и образцов. Рассматриваются такие вопросы, как влияние внешнеполитических принципов на гуманитарную сферу, мотивы оказания помощи Китаем, особенности предоставления гуманитарной помощи и ее институциональная структура.

Влияние принципов внешней политики Китая на гуманитарный сектор

Участие Китая в гуманитарной политике проистекает из сложного комплекса интересов страны, национального и международного контекстов и состава акторов. Прежде всего, необходимо изучить влияние общих принципов внешней политики КНР на гуманитарный сектор.

В своей международной практике Китай до сих пор руководствуется так называемыми пятью принципами мирного существования, которые были провозглашены еще в 1954 году, когда премьер-министр КНР Чжоу Эньлай и премьер-министр Индии Дж. Неру подписали Соглашение о торговле и коммуникации между Тибетским районом Китая и Индией [20]. Содержание принципов следующее: 1) взаимное уважение территориальной целостности и суверенитета друг друга; 2) взаимное ненападение; 3) взаимное невмешательство во внутренние дела друг друга; 4) равенство и взаимная выгода; 5) мирное сосуществование. Эти принципы (в особенности — «невмешательства» и «равенства») оказывают влияние в том числе на гуманитарную деятельность Китая. Они составляют базис, на основании которого КНР осуществляет дипломатическую политику и предоставляет гуманитарную помощь государствам Глобального Юга.

Кроме того, ко внешнеполитическим принципам Китая можно отнести следующие [14]:

- *периферийная дипломатия*. Одним из ключевых внешнеполитических приоритетов Китая с 1990-х годов было улучшение отношений с соседними странами (или странами, находящимися на периферии Китая) в соответствии с пятью принципами мирного сосуществования. Принципы периферийной дипломатии звучат так: «будь дружелюбным», «дай им почувствовать себя в безопасности» и «помоги им разбогатеть»;
- *стратегия выхода*. Президент Цзян Цзэминь официально провозгласил стратегию «выхода» в 1997 году. Он подчеркнул необходимость не только продолжать привлекать иностранные инвестиции, но и поощрять китайские компании «выходить в мир». Результатом стало заметное увеличение прямых иностранных инвестиций Китая. «Стратегия выхода» создала возможность коммерческого участия Китая на Глобальном Юге, в том числе в регионах, пострадавших от конфликтов и стихийных бедствий;
- *«ответственное государство»* — термин, характерный для внешнеполитического дискурса КНР. Китайские журналисты и исследователи нередко рассматривают гуманитарную помощь как пример «ответственной» внешней

политики страны. Стремление Китая действовать как «ответственное государство» было подкреплено новой ролью китайских Вооруженных сил под знаменем их «новой исторической миссии», объявленной в 2004 году (военные являются ключевыми игроками при доставке внутренней и международной гуманитарной помощи и помощи при стихийных бедствиях) [18];

- *мирное развитие*. В 2004 году Ху Цзиньтао призвал начать разработку данной внешнеполитической стратегии. Внешняя политика Китая должна быть сконцентрирована на обеспечении мирной международной обстановки, позволяющей стране сосредоточиться на экономическом росте.

На выбор Китаем государств-реципиентов оказала влияние инициатива «Один пояс — один путь» (The Belt and Road Initiative — BRI), выдвинутая этой страной в 2010-х годах. Она состоит из Экономического пояса Шелкового пути и Морского Шелкового пути XXI века, которые являются трансконтинентальными коридорами, соединяющими Азию, Европу и Африку. Китай обязуется инвестировать в инфраструктурные проекты вдоль этих переходов и увеличивать «связи» государств зоны BRI с западными регионами Китая. В этом контексте неудивительно стремление Китая оказывать гуманитарную помощь странам данной зоны. Такая политика помогает ему защищать китайские инвестиции и демонстрировать добрую волю. Примером гуманитарного сотрудничества является стремление Красного Креста Китая налаживать тесные межличностные связи со странами «пояса», минуя каналы межправительственной помощи.

Можно сгруппировать мотивы оказания гуманитарной помощи Китаем в несколько больших блоков.

- *Репутационные, дипломатические и политические мотивы*. Ожидается, что успешное противостояние текущим вызовам и чрезвычайным ситуациям (наводнениям, землетрясениям, пожарам, эпидемиям и др.) положительным образом отразится на репутации страны. Ранее Китай уже сталкивался с волной негативных суждений мирового сообщества, связанных, например, с эпидемией атипичной пневмонии в 2003 году. Новая коронавирусная инфекция, ставшая причиной пандемии 2020—2021 годов, стала еще одним поводом для китайского руководства пере-

смотреть политику оказания гуманитарной помощи. Обращение к гуманитарной повестке может помочь Китаю решить проблему *дефицита доверия* [22, с. 170]. Суть данной проблемы отражают такие понятия, как «китайская угроза», «китайский подъем», «китайский коллапс» и др. [22, с. 174]. По мере роста экономической мощи КНР у государств региона возникает беспокойство по поводу возможной опасности, исходящей из этой страны. Кризис в Тайваньском проливе и расширение военной активности Китая в Южно-Китайском море в 1990-х и 2010-х годах среди прочего создают «ненадежную» репутацию Китая. Эти международные проблемы могут привести к увеличению военных расходов многих стран региона и сделать международную среду менее благоприятной для стабильной деловой активности. Таким образом, перед Китаем стоит задача убедить мировое сообщество в своих дружеских намерениях. И, наконец, еще одна веская причина обращения Китая к гуманитарной повестке — возможность с ее помощью *укрепить глобальное лидерство*, занять позиции, соответствующие размеру и экономической мощи страны. КНР как великая держава стремится устанавливать стандарты и демонстрировать высокий уровень навыков и дисциплины медицинского, военного и полицейского персонала, а также китайских сотрудников, работающих в международных институтах. В этот же блок можно отнести мотив *укрепления единства страны*, осуществляемый посредством приоритетного оказания помощи государствам, не признающим правительство провинции Тайвань.

- *Коммерческие мотивы*. Исследователей [10; 12; 15] интересует, обусловлено ли оказание помощи желанием получить доступ к природным ресурсам. Мнения на этот счет расходятся. Так, Дреэр и Фукс [10] обнаружили, что количество китайских проектов помощи демонстрирует положительную корреляцию с важностью страны как направления экспорта китайской продукции. В то же время метаанализ [12, с. 394] показывает отсутствие прочной связи между распределением китайской гуманитарной помощи и наличием в странах-реципиентах природных ресурсов. К таким же выводам пришел японский исследователь М. Хироно. По его мнению, вопреки распространенным предположениям гуманитарная помощь Китая не обязательно направляется в страны, богатые ресурсами. Единственными государства-

ми, подпадающими в категорию «богатых ресурсами», являются Южный Судан (третий по величине гуманитарный вклад Китая в 2015 г.), Сьерра-Леоне и Либерия (крупнейший гуманитарный вклад в 2014 г. в связи со вспышкой лихорадки Эбола). Ни одна из других стран, которым Китай оказал наибольшую помощь (Непал, Эфиопия, Филиппины, Сирия, Северная Корея и Зимбабве), не имеет больших запасов природных ресурсов [15]. В пользу важности коммерческих мотивов при оказании помощи Китаем говорит тот факт, что именно Министерство торговли является ведущим координирующим агентством китайской программы помощи.

• *Гуманитарные мотивы.* В официальных документах и заявлениях руководства неизменно утверждается, что Китай предоставляет помощь в целях сокращения бедности и улучшения условий жизни людей в развивающихся странах. Из этого, однако, не следует, что структура распределения помощи в КНР определяется соображениями развития и гуманитарными соображениями. Гуманитарная политика Китая, как и любого другого государства, обусловлена сложным комплексом внутри- и внешнеполитических причин, тогда как приоритетом гуманитарных неправительственных организаций (таких, как Международный Комитет Красного Креста) являются гуманистические соображения [5].

Таким образом, обращение Китая к гуманитарной дипломатии тесно связано с его национальными интересами и приоритетами (защита экономических интересов, укрепление международной репутации, развитие дипломатии с государствами Юга, странами периферии и другими ключевыми партнерами, занятие лидирующих позиций на глобальном уровне, а также защита иных интересов, определенных правительством).

Оказание гуманитарной помощи Китаем: этапы, особенности и дискурс

Несмотря на то что в западной научной и публицистической литературе КНР часто называют «новым донором» («emerging donor», «new donor») [12, p. 391], историю оказания помощи можно проследить с момента образования КНР в 1949 году. Фактически Китай начал оказывать помощь в начале 1950-х годов:

сначала — Северной Корее для поддержки восстановления после Корейской войны, а вскоре после этого — Вьетнаму и другим, тогда еще недавно деколонизированным соседям на юге и юго-западе, чтобы гарантировать их независимость и развивать дружеские отношения [12, с. 391]. Камбоджа, Непал и Египет были первыми некоммунистическими странами — получателями помощи в 1956 году.

На следующем этапе, в 1980-е и 1990-е годы, Китай сосредоточился на внутреннем экономическом росте и углублении экономических и дипломатических связей с промышленно развитым миром. Крупномасштабная гуманитарная помощь Северной Корее, Вьетнаму и Албании прекратилась, общие гуманитарные расходы сократились, а революционная риторика солидарности стран третьего мира была приглушена.

Возобновление интереса к гуманитарной дипломатии произошло лишь в 2000-х годах. XVI съезд Коммунистической партии Китая в 2002 году провозгласил международное экономическое и техническое сотрудничество (включая гуманитарную помощь) приоритетом внешней политики страны [14].

В сентябре 2004 года Китай официально учредил механизм оказания международной чрезвычайной гуманитарной помощи и иностранной помощи с участием ключевых министерств, включая Министерство торговли, Министерство иностранных дел и Министерство финансов. В 2008 году была создана межведомственная система связи для распределения внешней помощи, которая в феврале 2011 года была преобразована в механизм межведомственной координации. Возобновление интереса КНР к гуманитарной помощи выразилось в создании Китайской международной поисково-спасательной группы (CISAR) в апреле 2001 года. С момента своей первой международной миссии (помощь в связи с землетрясением в Алжире в мае 2003 г.) группа была задействована для ликвидации последствий стихийных бедствий в Иране, Пакистане, Индонезии, Гаити, Новой Зеландии, Японии и Непале. Одна из важных причин создания и развертывания группы — поддержка репутации «ответственной великой державы». Наряду со структурными изменениями финансирование, выделяемое Китаем на гуманитарную помощь, также увеличилось.

В целом китайский подход оказания гуманитарной помощи отличается от западных моделей и образцов. Система гуманитарной помощи Китая характеризуется меньшей степенью вовлеченности в международную структуру оказания помощи (по сравнению с западными государствами), приоритетами, расставленными при реагировании на разные типы кризисов, а также особенностями распределения средств. Можно выделить следующие особенности гуманитарной помощи КНР:

- Китай не стремится глубоко интегрироваться в международную гуманитарную систему, не принимает участие в ряде международных организаций и форумов (*Development Assistance Committee, OCHA Donor Support Group, Good Humanitarian Donorship initiative* и др.);
- по сравнению с западными странами получение полной статистики относительно масштабов китайской гуманитарной помощи затруднено. Как правило, правительства, фонды, агентства ООН, разные неправительственные и гуманитарные организации обмениваются данными со службой финансового отслеживания [11] для обеспечения наглядности их вкладов в гуманитарную деятельность. Китай не принял на себя такое обязательство;
- большая часть помощи направляется на двусторонней основе правительствам, а не многосторонним агентствам. Благодаря этому Китай лучше контролирует распределение финансирования, а реципиенты знают, откуда поступает помощь. Упомянутые выше принципы невмешательства и уважения суверенитета государства-реципиента идут вразрез с так называемой доктриной «гуманизм 2.0», подразумевающей «активную политическую позицию в отношении нарушений прав человека... и санкционирующей военные интервенции» [1, с. 15]. Более того, китайская помощь в основном идет на «стихийные» бедствия, а не на комплексные чрезвычайные ситуации. «Стихийные» бедствия обычно считаются менее спорными с политической точки зрения.

Западные авторы, негласно признающие образцом системе помощи, сложившуюся при участии ООН и других международных гуманитарных организаций, критически относятся к ки-

тайскому подходу организации помощи [9; 17]. Выдвигаются предложения сделать последнюю более «прозрачной», перейти от формата двусторонней помощи к многосторонней, учитывать глобальные гуманитарные тенденции и потребности, а не только гуманитарные потребности стран, интересных Китаю с точки зрения его национальных приоритетов.

Гуманитарный дискурс КНР также имеет свою специфику. Его интересной особенностью является более редкое использование понятия «гуманизм» по сравнению с западным гуманитарным дискурсом. В ранний коммунистический период (1949—1976 гг.) «гуманизм» («humanitarianism») рассматривался как «орудие буржуазии» или как инструмент, «служащий европейским и американским “империалистам”, пытающимся прикрыть безжалостную капиталистическую эксплуатацию и угнетение... и обмануть пролетариат и трудящихся» [14]. Сегодня «гуманизм» менее политически нагружен, но коммунистическое наследие сохраняется, и этот термин по-прежнему не используется широко, за исключением краткосрочных поставок продуктов питания, товаров, материалов и персонала за границу. Более часто используемые термины — это «экстренная гуманитарная помощь» (*jinji rendao yuanzhu*), «оказание чрезвычайной помощи» (*yingji jiu yuan*), «управление чрезвычайными ситуациями» (*yingji guanli*) и «помощь при стихийных бедствиях» (*jiuzai*). Все они используются в международном и национальном контекстах. Эти термины охватывают помощь не только в случае стихийных бедствий, но также при промышленных авариях, крупных дорожно-транспортных происшествиях и террористических атаках.

В китайском официальном дискурсе гуманитарная помощь рассматривается в качестве одной из составляющих иностранной помощи страны, среди которых значатся: 1) инфраструктурные проекты; 2) помощь в виде предоставления оборудования, товаров и материалов; 3) проекты технического сотрудничества; 4) сотрудничество в области человеческих ресурсов; 5) отправка китайских медицинских бригад; 6) экстренная гуманитарная помощь; 7) волонтерские программы; 8) прощение долга [21]. В то же время китайские исследователи выражают скептицизм относительно сформированности национальной модели помощи. М. Хуанг, М. и Дж. Ху детально исследуют особенности те-

оретической интерпретации иностранной помощи с позиции китайских исследователей. Они делают вывод о том, что авторы по-разному оценивают степень сформированности данной теории: одни полагают, что существует устоявшаяся теория оказания помощи, другие — что национальным исследованиям не хватает систематической теоретической базы для объяснения сложившихся взаимоотношений между Китаем и регионами-реципиентами, из-за чего китайская помощь неправильно оценивается в трудах западных авторов [16, с. 526]. М. Хуанг, М. и Дж. Ху подчеркивают, что согласно западной традиции так называемая международная мораль является основным мотивом оказания помощи, тогда как иностранная помощь Китая учитывает национальные интересы. Китайские авторы в целом сходятся в том, что «теория иностранной помощи с китайской спецификой» должна опираться на традиционную культуру КНР и особенности мировоззрения китайцев [16, с. 526].

Гуманитарная помощь в общей структуре предоставления внешней помощи

По мнению исследователей, несмотря на то что китайское правительство не раз провозглашало приверженность оказанию положительного глобального воздействия посредством оказания помощи, существуют значительные проблемы с определением ее структуры по причине отсутствия прозрачности в этой области [16, с. 8].

Официальная гуманитарная помощь Китая остается централизованной и скоординированной. Коммунистическая партия Китая (КПК) устанавливает общую стратегию политики. Непрозрачный характер китайской политической системы не позволяет сделать окончательные выводы, но имеющиеся данные свидетельствуют о том, что большая часть повседневного управления гуманитарной деятельностью осуществляется государством, а не партией. Вероятно, на КПК возложена функция стратегического планирования, тогда как рутинной реализацией гуманитарной политики занимаются законодательный (Всеитайское собрание народных представителей) и исполнительные органы государства (Государственный совет КНР и отдельные министерства). Подотчетные Государственному совету органы тем

или иным способом вовлечены в процесс оказания зарубежной гуманитарной помощи [14]. Например:

- *Управление по чрезвычайным ситуациям* занимается, в основном, внутренними чрезвычайными ситуациями, но, возможно, в дальнейшем будет больше вовлекаться в международную деятельность;
- *Комитет по контролю и управлению государственным имуществом* поощряет китайские государственные предприятия участвовать в инициативе «Один пояс — один путь», в том числе в районах с гуманитарными проблемами;
- *Государственный комитет по делам здравоохранения и планового деторождения КНР* был одним из ключевых акторов, оказывавших помощь при борьбе с лихорадкой Эбола в Западной Африке в 2014 году;
- *Министерство коммерции* использует указания Государственного совета путем организации помощи. Имеет в своем составе специальную структурную единицу — Департамент внешней помощи, через который проходит большая часть двусторонней помощи; через него осуществляется взаимодействие с ВТО и ЮНКТАД (Конференцией ООН по торговле и развитию). В 2018 году Департамент внешней помощи был преобразован в Агентство Китая по развитию международного сотрудничества (*CIDCA*), цель которого — координация политики иностранной помощи (рис. 1);
- *Министерство финансов* взаимодействует с Всемирным банком и Азиатским банком развития;
- *МИД* — каждый его региональный департамент предоставляет помощь в своем регионе (например, Азиатский департамент занимается вопросами гуманитарной помощи в Азии), взаимодействует с ООН;
- *Министерство гражданских дел* участвует и организует встречи для продвижения сотрудничества в области гуманитарной помощи и помощи при стихийных бедствиях; взаимодействует с неправительственными (общественными) организациями (НПО) (Обществом Красного Креста Китая и др.). Несмотря на очевидную тенденцию к централизации порядка оказания гуманитарной помощи, в последнее время в этот процесс начинают вовлекаться новые акторы.

Всё большее число компаний и организаций гражданского общества прямо или косвенно вносят свой вклад в гуманитарную помощь. Хотя эти субъекты поддерживают симбиотические отношения с китайским государством, у каждого из них разные интересы, знания и опыт в странах, пострадавших от конфликтов и стихийных бедствий.

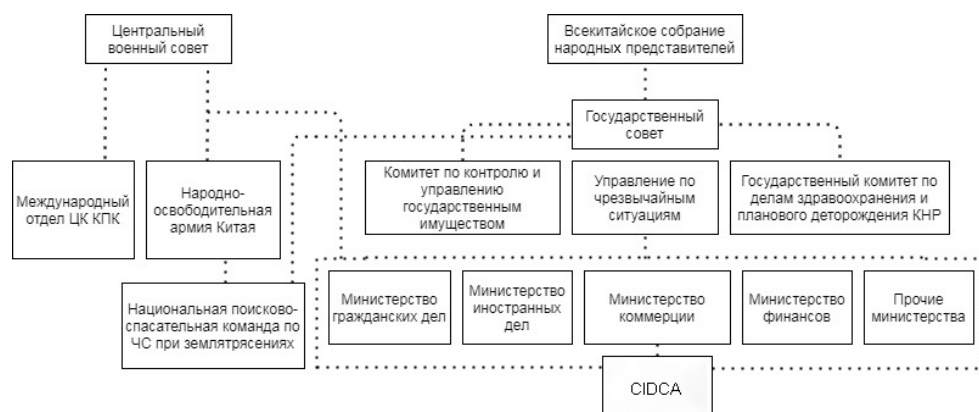

Рис. 1. Институциональная структура оказания гуманитарной помощи в Китае¹

До недавнего времени Общество Красного Креста Китая (ОККК) и «Благотворительный фонд Китая» были одними из немногих гражданских организаций, оказывающих гуманитарную помощь в сотрудничестве с правительством Китая. Однако землетрясение в Непале в апреле 2015 года стало поворотным моментом для участия НПО в гуманитарной работе за пределами Китая. Был создан Консорциум китайских неправительственных организаций по борьбе с землетрясением в Непале в 2015 году, в состав которого вошли 12 крупных неправительственных организаций.

Особенностью ОККК является то, что данная организация была основана, финансируется и управляется Коммунистической партией Китая, что фактически делает ее государственным инструментом. Недостатком такой практики является ситуация возможного противопоставления цели помощи людям интересам партии для сохранения контроля над обществом [13].

Красный Крест помогает партии контролировать общественные пожертвования в случае чрезвычайных ситуаций, позволяя

Пекину определять, как расходуются деньги. ОККК — одна из пяти государственных благотворительных организаций, которым было разрешено принимать внешнюю помощь для борьбы с коронавирусной инфекцией. В первые недели вспышки заболевания помощь не была направлена по назначению из-за бюрократии, хаоса и плохой логистики. По мере роста общественной критики верховный лидер Китая Си Цзиньпин призвал Красный Крест быть более открытым и прозрачным [13]. ОККК смогло перестроить свою деятельность и стало посланником успеха страны в борьбе с пандемией коронавируса. Медицинские эксперты организации начали раздачу материалов и консультации на местах в Италии, Иране и Ираке. Эти усилия помогли Китаю дать отпор международной критике за то, что правительство усугубило вспышку, изначально скрывая и преуменьшая опасность вируса. Эксперты отмечают, что ОККК — «идеальный представитель китайской “дипломатии коронавируса”»: он выглядит якобы независимым от Коммунистической партии Китая, но фактически таковым не является» [13].

Кроме того, КПК обратилась к ОККК с просьбой продвигать некоторые из ее амбициозных внешнеполитических проектов, включая инициативу «Один пояс — один путь». Красный Крест учредил «Фонд Шелкового пути» [19], целью которого является оказание гуманитарных услуг странам от Восточной Азии до Европы. Таким образом, Китай использует дипломатию помощи, в том числе в лице Красного Креста, для продвижения своих политических интересов.

Заключение

В результате исследования было установлено, что гуманитарная дипломатия КНР связана с его национальными интересами и приоритетами. Перед Китаем стоят задачи улучшения имиджа и репутации на международной арене, решения проблемы дефицита доверия, укрепления своих лидерских позиций. Кроме того, участие КНР в гуманитарной дипломатии обусловливается коммерческими мотивами и, в меньшей степени, гуманитарными. Китайская система оказания помощи в отличие от западных образцов характеризуется меньшей интеграцией в международную гуманитарную систему, непрозрачной статистикой, стремлением оказывать помощь на двусторонней, а не многосторон-

¹ Составлено по материалам рабочего доклада М. Hirono [14].

ней основе, а также большей готовностью оказывать помощь при возникновении стихийных бедствий, чем при сложных чрезвычайных ситуациях, поскольку стихийные бедствия считаются менее спорными с политической точки зрения и не вынуждают КНР нарушать принципы уважения суверенитета и невмешательства во внутренние дела других стран.

Установлено, что система гуманитарной помощи Китая остается централизованной и скоординированной. Рутинным управлением гуманитарной деятельностью занимаются законодательные и исполнительные органы власти, тогда как на партию возложена функция стратегического планирования. В последние годы в этой строгой и иерархичной системе происходят изменения: в нее вовлекаются новые акторы (коммерческие предприятия и организации гражданского общества), что создает надежду на приоритизацию гуманистических мотивов в противовес политическим. Пока же анализ деятельности ОККК, которое до недавнего времени было одной из немногих разрешенных гражданских организаций, показывает, что она зависит от Коммунистической партии Китая и является инструментом продвижения ее политических интересов.

Литература

1. *Богатырева О. Н.* Гуманитарная дипломатия: соотношение гуманизма и национальных интересов // Международные отношения в XX–XXI вв.: IV Чепаловские чтения: сб. науч. ст. и сообщений Всерос. науч. конф. (Екатеринбург, 17–18 декабря 2020 г.). – Екатеринбург: УМЦ УПИ, 2020. – С. 9–16.
2. *Галимзянова А. К.* Особенности «мягкой силы» Китая // Язык. Культура. Общество. Актуальные проблемы, методы исследования и проблемы преподавания: сб. ст. – М.: Дашков и К°, 2021. – С. 87–94.
3. *Журавель Н. А.* Реализация «мягкой силы» КНР в XXI веке (на примере предоставления гуманитарной помощи) // Россия и Китай: история и перспективы сотрудничества: матер. VIII Междунар. науч.-практ. конф. – Благовещенск: Благовещенский гос. пед. ун-т, 2018. – С. 814–819.
4. *Ковба Д. М.* «Мягкая сила» в китайской политической науке и практике // Культура, личность, общество в современном мире: методология, опыт эмпирического исследования: матер. XX Междунар. конф. памяти проф. Л. Н. Когана. – Екатеринбург: Уральский Федеральный ун-т им. первого Президента России Б. Н. Ельцина, 2017. – С. 2002–2010.
5. *Ковба Д. М.* Гуманитарная дипломатия: между политикой и гуманизмом // VII Информационная школа молодого ученого: сб. науч. трудов. – Екатеринбург: Центр. науч. биб-ка УрО РАН, 2019. – С. 456–460.
6. *Мардашев А. А.* Помощь КНР странам Африки // Вестник МГИМО – Университета. – 2012. – № 2 (23). – С. 59–70.
7. *Ражепаева Ф. З., Ибрагимова И. Х.* Китайское общество Красного Креста: история и отдельные направления деятельности // Актуальные научные исследования в современном мире. – 2018. – № 3-8 (35). – С. 72–77.

8. *Чжао Цз., Хо Д.* Помощь КНР странам Африки в телекоммуникационном секторе. Взаимодействие и роль FOCAC // Мировая политика. – 2020. – № 2. – С. 41–58.
9. *Binder A., Conrad B.* China's Potential Role in Humanitarian Assistance // Humanitarian policy paper series. – 2009. – URL: https://www.gppi.net/media/Binder_Conrad_2009_Chinas_Potential.pdf (accessed: 12.03.2021).
10. *Dreher A., Fuchs A.* Rogue aid? An empirical analysis of China's aid allocation // Canadian Journal of Economics. – 2015. – Vol. 48 (3). – P. 988–1023.
11. Financial Tracking Service // OCHA. – URL: <https://fts.unocha.org/> (accessed: 03.05.2021).
12. *Fuchs A., Rudya M.* The motives of China's foreign aid // Handbook of the International Political Economy of China. – 2019. – P. 391–410.
13. *Hernández J. C., Wee S. L.* Coronavirus Diplomacy: How China's Red Cross Serves the Communist Party // The New York Times. – April 28, 2020. – URL: <https://www.nytimes.com/2020/04/28/world/asia/coronavirus-china-red-cross.html> (accessed: 28.04.2021).
14. *Hirono M.* Exploring the links between Chinese foreign policy and humanitarian action // HPG Working Paper. – 2018. – URL: <https://cdn.odi.org/media/documents/12015.pdf> (accessed: 02.04.2021).
15. *Hirono M.* Impact of China's decision-making processes on international cooperation: cases of peacekeeping and humanitarian assistance/disaster relief // Australian Journal of International Affairs. – 2019. – Vol. 74. – P. 54–71.
16. *Huang M., Hu J.* Foreign aid study: Chinese schools and Chinese points // The Pacific Review. – 2020. – Vol. 33 (3-4). – P. 520–549.
17. *Lynch L., Andersen S. and Zhu T.* China's Foreign Aid: A Primer for Recipient Countries, Donors, and Aid Providers / Center for Global Development. – 2020. – URL: <https://www.cgdev.org/publication/chinas-foreign-aid-primer-recipient-countries-donors-and-aid-providers> (accessed: 05.02.2021).
18. *Mulvenon J.* Chairman Hu and the PLA's «New Historic Missions» // China Leadership Monitor. – 2009. – URL: <https://www.hoover.org/sites/default/files/uploads/documents/CLM27JM.pdf> (accessed: 28.02.2021).
19. Silk Road Fraternity Fund. – URL: <http://crf-website-photo.oss-cn-beijing.aliyuncs.com/attachment/20191122/356ee3a04c264a5e8578c16c08cf55fd.pdf> (accessed: 16.03.2021).
20. The Five Principles of Peaceful Co-existence / Ministry of Foreign Affairs, the People's Republic of China. – URL: https://www.fmprc.gov.cn/mfa_eng/topics_665678/seminaronfiveprinciples_665898/t140589.shtml (accessed: 28.02.2021).
21. White paper: China's Foreign Aid / Information Office of the State Council. – Jul 10, 2014. – URL: http://english.www.gov.cn/archive/white_paper/2014/08/23/content_281474982986592.htm (accessed: 12.02.2021).
22. *Zhao K.* The China Model of Public Diplomacy and Its Future // The Hague Journal of Diplomacy. – 2019. – Vol. 14 (1-2). – P. 169–181.

Мартынова Дарья Олеговна,

кандидат политических наук, научный сотрудник,
Дипломатическая академия МИД России, Москва.

Daria O. Martynova,

PhD in Political Sciences, research associate,
Diplomatic Academy of the Russian Foreign Ministry, Moscow.
E-mail: daria.mosolova@gmail.com

ИНДИЯ – ПАКИСТАН – КИТАЙ: УЗЕЛ ПРОТИВОРЕЧИЙ

INDIA – PAKISTAN – CHINA: THE INTERWEAVING OF DISCORDS

Аннотация: за последние годы в отношениях между Китаем, Пакистаном и Индией произошли события, сделавшие обстановку в регионе взрывоопасной: индо-китайский конфликт возле плато Доклам в 2017 году, упразднение Индией особого статуса штата Джамму и Кашмир и последовавшая административная реформа, начало строительства Китайско-Пакистанского экономического коридора, пограничные конфликты Индии и Китая 2020 года и обострение противоречий в индо-непальских отношениях. Последствия этих событий приводят к выводу, что относительная стабильность, большими усилиями установленная в регионе в конце XX — начале XXI века, вновь оказалась под угрозой. В статье анализируется текущая геополитическая ситуация в регионе и рассматриваются перспективы дальнейшего развития событий.

Ключевые слова: Индия, Китай, Пакистан, ОПОП, КПЭК, территориальные споры, пограничные конфликты.

Abstract: over the last years, several events have taken place in relations between China, Pakistan and India, which made the situation in the region apprehensive: the Indo-Chinese conflict near the Doklam plateau in 2017, India's abolition of the special status of the state of Jammu and Kashmir and the subsequent administrative reform, the beginning of the construction of the China-Pakistan Economic Corridor, border conflicts between India and China in 2020 and escalation of tension in Indo-Nepalese relations. The consequences of these events lead to the conclusion that the relative stability, which was established by great efforts in the region at the end of the 20th — beginning of the 21st century, is once again under threat. The article analyzes the current geopolitical situation in the region and considers the prospects for further developments.

Key words: India, China, Pakistan, OBOR, CPEC, territorial disputes, border conflicts.

Отношения Индии с ее соседями — Китаем и Пакистаном — с самого начала были нестабильными и непредсказуемыми. Первая индо-пакистанская война началась спустя два месяца после провозглашения Индией и Пакистаном независимости, а мир на границе с Китаем продержался ровно до того момента, как два азиатских гиганта уладили первостепенные внутренние проблемы. После окончания колониального периода и обретения Индией независимости ее отношения с этими государствами

были напряженными, несмотря на видимое перемирие по поводу пограничных вопросов с Китаем, достигнутое благодаря договоренностям 1990-х годов, уровень доверия между ними был крайне низок; отношения с Пакистаном даже в периоды относительного мира оставались напряженными. Не изменилась ситуация и с началом XXI века: Индия, Китай и Пакистан традиционно претендовали на одни и те же территории, в целом соблюдая исторически сложившийся статус-кво. Однако решение Китая приступить к реализации своей инициативы «Один пояс — один путь» (ОПОП) пошатнуло хрупкую стабильность. Строительство Китаем транспортных коридоров в Пакистане и на спорных территориях с Бутаном уже привело к разгоранию старых конфликтов, а привлечение к китайской инициативе Непала грозит серьезным нарастанием напряженности последнего в отношениях с Индией. Таким образом, изменившиеся геополитические реалии превращают традиционный геополитический треугольник «Индия — Китай — Пакистан» в значительно более сложную фигуру, задействующую все страны в данном горном районе.

Отдельно стоит отметить многогранность конфликта между Индией и ее соседями. Термин «территориальный спор» и синонимичные ему выражения не в полной мере отражают ситуацию: борьба за территории часто является лишь одной из причин «взрывоопасности». За исключением территории бывшего княжества Джамму и Кашмир, права на владение которой заявляют Индия и Пакистан, спорные участки в районе являются, как правило, высокогорными хребтами или плато, на которых нет плодородных почв, а население либо отсутствует, либо крайне малочисленно и проживает в суровых климатических условиях. Борьба за эти небольшие приграничные отрезки имеет, как правило, стратегическое значение: обладание ими даст преимущество в случае серьезного военного конфликта.

Большинство пограничных (и не только) проблем района восходят корнями в колониальное прошлое. Масштаб карт, составленных в XIX веке, был недостаточно детален — только на Линии фактического контроля¹ Индия и Китай, ссылаясь на старые кар-

¹ Линия фактического контроля — непризнанная юридически демаркационная линия, являющаяся фактической границей между Индией и Китаем длиной в 4057 км. Имеет три участка — западный (область Ладакх), центральный (штаты Химачал-Прадеш и Уттаракханд) и восточный (штаты Сикким и Аруначал-Прадеш).

ты, по-разному проводят свои границы на более чем 20 участках. С колониальным периодом связаны и индо-пакистанские религиозные войны, на счету которых уже миллионы жертв (и их количество продолжает расти).

Отношения Индии и Пакистана идут по «спирали»: от относительно мирных периодов страны быстро приходят или непосредственно к военному конфликту, или оказываются на грани его начала — как правило, в результате очередного террористического акта. Последний из крупных терактов, ответственность за который взяла на себя террористическая группировка «Джайш-е-Мухаммад», произошел 14 февраля 2019 года — в результате него Индия и Пакистан впервые с 1971 года обменялись авиаударами. Несмотря на панические настроения, премьер-министры Индии и Пакистана Нарендра Моди и Имран Хан смогли быстро провести переговоры [27], и уже 22 марта 2019 года конфликт был урегулирован. Это, однако, оказалось затишьем перед более страшной бурей.

5 августа 2019 года Парламент Индии отменил статью 370 Конституции, гарантировавшую особые права штату Джамму и Кашмир, и провел административную реформу, преобразовавшую бывший штат в две союзные территории — Джамму и Кашмир (преимущественно мусульманскую) и Ладакх (преимущественно буддийскую). Комментируя такое решение, официальные лица Нью-Дели подчеркивают, что данное решение является исключительно внутренним делом Индии и что это позволит эффективно развивать экономику региона и бороться против экстремистских группировок, поскольку автономия штата ранее не позволяла этого делать достаточно эффективно.

Ряд особых прав был предоставлен княжеству еще британскими властями в 1927 году [28], и после вхождения в состав Индии они были закреплены в Акте о присоединении и в Конституции Индии 1950 года. Конституционное собрание Джамму и Кашмира ратифицировало вхождение княжества в состав Индии только после того, как особые права штата были подтверждены Конституцией. Джамму и Кашмир в Индии был практически «государством в государстве» — местные власти имели право отменять общегосударственные законы, у штата была собственная конституция. Особые права Джамму и Кашмира значительно

связывали руки индийскому правительству в любых вопросах политики в отношении штата, и вопрос отзыва этих прав давно стоял на повестке программы одной из ведущих общенациональных партий Индии «Бхаратия джаната парти» (БДП), пришедшей к власти в стране в 2014 году. До 2019 года эксперты в теории обсуждали такую вероятность, однако мало кто верил, что БДП пойдет на этот шаг — слишком велик был риск непредсказуемых последствий, однако это было сделано. Среди причин для такого решительного шага можно выделить нарастающую радикализацию индуизма, как внутри самой БДП, так и в индийском обществе в целом (что, в частности, стало очень заметно во время карантина весной 2020 года, когда по стране прокатилась волна ненависти в отношении мусульман [17], однако ни федеральные, ни региональные власти не предпринимали существенных попыток для ее сдерживания). Среди индуистского населения Индии, которое составляет почти 80% [11] проживающих на ее территории, всё больше людей задаются вопросом: почему их страна остается светской?

Учитывая исторические особенности и текущее состояние кашмирского вопроса, Пакистан не мог остаться в стороне. Кашмирские дела никогда не были исключительно внутрииндийскими, поскольку на этой земле никогда не существовало четкой государственной границы между Индией и Пакистаном. В 1947 году, когда бывшие колонии Великобритании в Южной Азии получали независимость, раздел Индии на два государства проходил стремительно, без учета многих реалий; он нарушал единую инфраструктуру бывшей колонии, заставив оба новых государства строить ее практически с нуля. Наспех образованное по религиозному признаку государство Пакистан, расположившееся тогда к тому же на двух территориях, не имевших общих границ, объединяло слишком большое количество народностей, зачастую не имевших между собой ничего общего. Восстание в Восточном Пакистане и его превращение в независимую Республику Бангладеш было логичным следствием такого разделения: центральная власть не могла контролировать обе территории должным образом. Единство народов, населяющих Пакистан, было обеспечено только одним фактором — исламом, который для этой страны является не просто религией, а базой, на кото-

рой стоит пакистанская государственность. И поэтому присоединение Кашмира, населенного преимущественно мусульманами, для Пакистана является практически сакральной целью, как и присоединение к Пакистану — для многих кашмирцев. Но и для Индии вопрос «возвращения» всей территории бывшего княжества Кашмир является сейчас высоко актуальным в связи с подъемом национализма, кроме того, часть индийского общества склонна вообще негативно воспринимать факт раздела Британской Индии на два государства [6, с. 67].

Отдельного внимания заслуживает присоединение княжества Джамму и Кашмир к Индии. Оно произошло по решению махараджи княжества Хари Сингха, индуиста по вероисповеданию, в то время как большинство населения княжества представляли мусульмане, которые хотели присоединиться к Пакистану. В результате нескольких кровопролитных войн территория бывшего княжества была «поделена» Индией и Пакистаном примерно поровну, а в 1963 году Пакистан уступил небольшую часть «своей» кашмирской территории Китаю. В Индии штат Джамму и Кашмир был единственным, где преобладало мусульманское население: по данным 2011 года¹, более 68% из 12,5 млн населения штата составляли мусульмане [11]. Основные опасения Пакистана — и небезосновательные — состоят в том, что последующая политика властей Индии будет направлена на изменение этой ситуации, например, путем переселения на союзную территорию представителей других религий, что резко пропорционально снизит количество людей, желающих присоединения к Пакистану. Это, в свою очередь, лишает Пакистан надежды на то, что в Кашмире однажды может быть применен принцип права наций на самоопределение, например в виде голосования под эгидой ООН [26].

Пакистан рассчитывал на поддержку мусульман по всему миру, однако эти расчеты не оправдались: ОАЭ, Мальдивы и Бангладеш встали на сторону Индии, а Саудовская Аравия, Иран, Малайзия и Турция выступили с формальными заявлениями, избегая прямой критики [4]. Экономические и политические интересы оказались в приоритете над религиозной солидарностью. В отличие от мусульманских стран Пакистан поддержал Китай,

заявив, что недопустимо в одностороннем порядке менять статус спорных территорий ввиду последствий, которые могут быть вызваны этим действием [4] (на что получил предсказуемо жесткий ответ Индии [22]).

Поддержка, оказанная Пакистану, имеет для него важное значение. Пакистан десятилетиями пытался привлечь Китай в качестве своего союзника к спору вокруг кашмирской территории, уступил ему, преследуя эту цель, ее часть в 1963 году и подчеркивал необходимость привлечения мирового сообщества для разрешения вопроса о принадлежности Кашмира. Китай, однако, долгое время не спешил вмешиваться, даже после того, как официально стал «третьей стороной», завладев горным районом Аксайчин. Однако за последнее десятилетие всё изменилось: через Пакистан стали пролегать маршруты ОПОП, в частности один из них — Китайско-Пакистанский экономический коридор (КПЭК) — проходит по Гилгит-Балтистану — пакистанской части Кашмира, которую Индия считает своей землей, оккупированной Пакистаном. Это в корне меняет ситуацию на спорной земле. Во-первых, с точки зрения официальных властей Индии, Китай незаконно начал грандиозную стройку на ее землях, а это, в свою очередь, стало уже одним из факторов, предопределивших отношение Индии к инициативе ОПОП: она не просто отказалась от участия в проекте, но и демонстративно игнорирует всё, что с ним связано [9]. Во-вторых, решить кашмирскую проблему силовым методом Индии уже не удастся: наличие в регионе китайской транспортной инфраструктуры выведет силовой конфликт на совершенно иной уровень.

В отношении инициативы ОПОП Индию беспокоит не только КПЭК. Активное участие в инициативе будет означать признание Китая лидером в регионе и в определенном смысле — признание игры на мировой арене по его правилам. На это Дели не может пойти сам, и этого ему не дадут сделать Соединенные Штаты, делающие на Индию ставку как на наиболее сильного и единственного союзника в регионе, способного сдерживать Китай. Пекин пока не отказывается от идеи сделать Индию частью проекта, например один из китайских транспортных коридоров, связывающих Китай с Бангладеш, Индией и Мьянмой (коридор ВСИМ) Китай планировал протянуть до Калькутты, однако,

¹ Официальные итоги переписи населения Индии 2011 года являются на момент написания данной статьи последними опубликованными. Планировавшаяся в 2021 году перепись населения была отложена в результате пандемии COVID-19.

даже в случае отказа Индии от участия, Китай получает выход к Индийскому океану в порту Читтагонг (Бангладеш). Таким образом, коридор принесет несколько меньшую экономическую выгоду, но глобально на его функционировании это вряд ли скажется — то же самое можно отнести и в целом по отношению Индии к ОПОП. Китай довольно успешно справился с пандемией, и, хотя проект ОПОП, как и вся мировая экономика, от нее пострадал, процесс лишь слегка затормозился, но уже вновь набирает обороты. Китай грамотно «использовал» вызванный коронавирусом кризис там, где это было возможно: некоторые существующие транспортные коридоры, которые включены в ОПОП, стали инструментом борьбы с пандемией, обеспечив наземные перевозки грузов в качестве альтернативы авиационным [7]. Несмотря на то что темпы реализации китайского проекта снизились, по итогам 2020 года инвестиции Китая в 52 страны ОПОП выросли на 11,7%, а товарооборот с ними — на 3,2% [7, с. 80]. Можно констатировать, что на данный момент, несмотря на кризис, инициатива ОПОП развивается успешно, а имидж Китая как мирового экономического лидера в глазах стран-соседей укрепляется. Китай ведет строительство транспортных коридоров в соседних с Индией странах и продолжит делать это вне зависимости от ее решения участвовать в проекте или отказаться от него. Присоединение Индии к проекту стало бы крупной геополитической победой Пекина, но ОПОП будет успешно функционировать и без нее, поэтому проблема привлечения Индии к участию в проекте для Китая не является первостепенной. Демонстративное игнорирование Индией ОПОП приводит к тому, что Китай начинает терять к ней интерес.

США традиционно проявляли заинтересованность в делах региона, но после прихода к власти президента Б. Обамы этот интерес возрастает всё быстрее. При президенте Д. Трампе было объявлено о новом видении США данной части мира — так называемой концепции Индо-Тихоокеанского региона (ИТР). Авторы концепции, понимая, что центром ИТР является во многом Китай и вся Северо-Восточная Азия (к которой относится и Россия, активизирующая свою политику в ИТР в связи с осложнением отношений с Западом), говорят о перемещении этого центра в Южную Азию. Основным союзником США, с их точки зрения,

в Южной Азии должна стать Индия, а кроме нее — Австралия и Япония. Эти государства — Австралия, Индия, США и Япония — объединены в неформальную организацию «Quadrilateral Security Dialogue» (Quad)¹. Диалог возник в конце 2000-х годов, однако тогда его активность быстро сошла на нет, и «второе дыхание» он получил уже при президентстве Д. Трампа. Действующий Президент США Дж. Байден, несмотря на подчеркнутое неприятие большинства инициатив Д. Трампа, активно продолжает реализацию внешней политики в рамках концепции ИТР и планирует углубление сотрудничества в рамках Quad. В частности, рассматриваются даже такие идеи, как создание проекта, аналогичного китайскому ОПОП, центральными «звеньями» которого должны стать страны — участницы диалога [1].

Индия является главной надеждой США на сохранение своего влияния в регионе. Ситуация, однако, для них сложная: Индия активно развивает военное сотрудничество с США, показывает заинтересованность в новом американском видении региона, но, несмотря на это, успешно развивает и тесное военное сотрудничество с Россией, и экономические отношения с Китаем. Последнее, правда, во многом является вынужденной мерой — экономика Индии, включая жизненно важные для нее отрасли (например, фармацевтическую), зависит от поставок из Китая.

Всегда непростые индийско-китайские отношения за последние годы осложнились. Страны дважды — в 2017 и 2020 годах — оказывались на грани войны, в 2020 году не удалось избежать человеческих жертв. В 2017 году причиной 73-дневного противостояния между военными Индии и Китая стал конфликт вокруг плато Доклам, принадлежность которого оспаривают Китай и Бутан. Неспособный в одиночку противостоять потенциальной агрессии извне Бутан заключил в 1949 году договор с Индией², согласно которому она является защитником Бутана от внешних угроз. Для Индии этот шаг не был просто благородным жестом: плато Доклам в случае перехода под контроль Китая станет для нее уязвимым местом. Плато, несмотря на маленькую, менее 90 км², площадь спорного участка, открывает кратчайший путь на горный коридор

¹ Четырехсторонний диалог по безопасности.

² Договор о мире и дружбе 1949 года был переподписан в 2007 году. Основным отличием от договора 1949 года является изъятие положения о руководстве Индии внешней политикой Бутана.

Силигури — узкий (в некоторых местах всего 20 км в ширину) проход, связывающий основную территорию Индии с семью ее северо-восточными штатами, включая Аруначал-Прадеш, претензии на обладание которым предъявляет Китай.

Эти стратегические преимущества прекрасно осознает и Китай, активно строящий в последние годы в Тибете сеть высокогорных дорог. Основной акцент, который делает Китай, говоря о значительном расширении дорожной инфраструктуры, — развитие транспортных коридоров в рамках инициативы ОПОП. Индия и Бутан понимают, что по этим дорогам быстро смогут передвигаться не только грузы, но и войска. В 2017 году Китай дотянул одну из тибетских дорог до плато Доклам и затем продолжил прокладывать ее по спорному участку. Бутан обратился за помощью к Индии, что в итоге и вылилось в индо-китайское противостояние. Оно обошлось без жертв, хотя были пострадавшие [19]. 28 августа 2017 года, накануне саммита БРИКС в Китае, стороны достигли соглашения о взаимном выводе войск со спорной территории. 27 сентября 2017 года в Индии была проведена встреча представителей Бутана и Китая, по итогам которой стороны подчеркнули необходимость поддержания мира и статус-кво, однако вплоть до настоящего момента положительная динамика в решении спора отсутствует, а Китай и Бутан так и не сделали шаги навстречу, даже для установления дипломатических отношений. Строительство дороги на спорном участке Китай приостановил, однако активно строит поселения в непосредственной близости от границы с Бутаном [15] (а также с индийским штатом Аруначал-Прадеш [18]). СМИ, в том числе китайские, сообщают о заселении деревни Пангда, находящейся всего в 2 км от границы с Бутаном [23]. Всё это говорит о том, что докламский конфликт заморожен лишь временно и чем активнее Китай укрепляет свои позиции в этом районе, не проводя одновременно переговоров, тем больше вероятность возникновения новой опасной ситуации.

Противостояние индийских и китайских войск в 2020 году имеет значительно более серьезные последствия и до настоящего момента не урегулировано. Столкновения начались в мае 2020 года, не прекращались всё лето, а небольшие инциденты имели место и в 2021 году [20]. Локальные инциденты между

индийскими и китайскими пограничниками — явление довольно обычное; информация о большей их части, как правило, даже не попадает в СМИ [10]. Однако в 2020 году впервые за 45 лет пограничные инциденты привели к человеческим жертвам и изменению Линии фактического контроля. Возвращение к статус-кво, в котором фактическая граница находилась до 2020 года, до сих пор не было осуществлено. Наиболее серьезным происшествием стал рукопашный бой между индийскими и китайскими солдатами 15 июня 2020 года в Гальванской долине: он привел к гибели 20 индийских солдат и, по официальным сообщениям КНР, 4 китайских [12] (по сообщениям СМИ, со стороны Китая было не менее 40 жертв [14]). 20 июня 2020 года Индия объявила об отказе от обязательства не использовать огнестрельное оружие (закрепленного Соглашением о мерах доверия в военной области вдоль линии действительного контроля на индийско-китайской границе 1996 г.), ответные аналогичные шаги были приняты Китаем. В конце лета в районе пограничной деревни Шушал оно было применено — впервые за 45 лет — обеими сторонами. Выстрелы имели предупредительный характер, поэтому инцидент обошелся без жертв.

Летние события на индо-китайской границе в 2020 году обозначили конец относительно мирного периода, когда, несмотря на взаимную неудовлетворенность пограничной линией, Индия и Китай соблюдали статус-кво. Индия ввела ряд санкций против Китая: были начаты кампании по бойкотированию китайских товаров; индийское правительство и государственные компании объявили об отмене ряда крупных контрактов с китайскими фирмами, включая проекты по модернизации железнодорожной и портовой инфраструктуры; были заблокированы многие популярные китайские приложения (включая таких «гигантов», как Alibaba Group). Деятельность китайских компаний, продолжающих работать в Индии, стала подвергаться тщательным проверкам. Значительно усложнилась процедура прохождения таможни для китайских товаров; ответные меры были приняты и Китаем. Учитывая зависимость индийской экономики от Китая, Индия действовала во многом и во вред себе — при том, что оба государства и так заметно пострадали от пандемии. Урегулирование ситуации осложняет — как и в случае с плато Доклам — активиза-

ция строительства дорог и Индией, и Китаем вплотную со спорными участками границы.

Свою поддержку в пограничном противостоянии 2020 года Китаю выразил Пакистан. Министр иностранных дел Пакистана Шах Мехмуд Куреши подчеркнул, что Китай и Пакистан связывает традиция «взаимной поддержки перед лицом общих угроз» [21]. Данная позиция последовательна не только в связи со сложными отношениями с Индией: Пакистан выражал поддержку Китаю в его территориальных спорах в Южно-Китайском море, а также по вопросам, связанным с Тайванем и политикой в Тибете и Синьцзян-Уйгурском автономном районе. Союз Китая и Пакистана всё укрепляется — Китаю нужен транспортный посредник для доступа к экономическим ресурсам Центральной Азии, и Пакистан отлично подходит для этого, а напряженные отношения с Индией у обоих государств являются сплачивающим фактором.

У Индии и Китая есть еще одна потенциальная проблема, которая может стать актуальной в ближайшем будущем. Она связана с планами Китая по строительству ГЭС в верхнем течении реки Брахмапутра в Тибете. Строительство ГЭС еще не началось, однако только одни планы вызывают серьезные опасения у находящейся ниже по течению Индии, для которой Брахмапутра является одной из жизненно важных водных артерий. Изменение уровня реки, которое может спровоцировать ГЭС, способно нанести экономике Индии огромный ущерб и привести к миллионам жертв.

Гидроэнергетика имеет критическое значение для экономики Китая, занимая второе место после угольных электростанций. Однако к 2060 году Китай планирует стать государством с нулевым выбросом углеводородов, а это значит, что в достаточные сжатые сроки Китаю необходимо найти замену угольной энергетике. Альтернативу Китай видит в расширении сети гидроэлектростанций. Тибет, с этой точки зрения, обладает большим потенциалом — высокие горные вершины и глубокие каньоны, в частности на реке Брахмапутра, дают возможность построить станцию с падением воды более 2000 м. Планируемая к постройке ГЭС будет располагаться рядом с китайско-индийской границей и, по расчетам Китая, должна будет превзойти по мощности вырабатываемой энергии нынешнего «мирового лидера» — китайскую ГЭС «Три ущелья».

Проект вызывает серьезные опасения не только в Индии, но и у специалистов в других странах. Данный регион является сейсмоопасным, и вероятность разрушительных землетрясений довольно высока. Одно из таких землетрясений произошло 15 августа 1950 года в районе штата Ассам и Тибета. Оно имело магнитуду 8,6 по шкале Рихтера и привело к тысячам жертв. Повторение землетрясения подобной силы может разрушить даже самые прочные бетонные конструкции, и разрушение высокогорного водохранилища может привести к десяткам миллионов жертв в Индии, к затоплению лежащей ниже по течению Бангладеш, для которой Брахмапутра является главной водной артерией.

Помимо физических угроз безопасности Индия опасается и политического «водного шантажа» со стороны Китая: строительство водохранилища означает, что Китай сможет контролировать уровень реки. В 2017 году во время противостояния войск на плато Доклам Китай отказался передавать Индии информацию об уровне воды в верховьях Брахмапутры, ссылаясь на утерю измерительных приборов [25]. Эта информация важна для Индии в целях принятия своевременных мер в случае угрозы наводнения, которые нередко имеют разрушительные последствия, в частности в штате Ассам. В Индии отказ Китая от передачи информации под таким предлогом был воспринят как намеренный политический шантаж, который усилил страхи по поводу планируемого к постройке водохранилища.

Несмотря на технические риски и предупреждения специалистов, Китай намерен строить ГЭС. В ноябре 2020 года это подтвердил Янь Чжиён, председатель правления крупнейшей китайской компании «Power Construction Corporation of China», которая будет реализовывать проект [13]. ГЭС рискует стать еще одним фактором, усиливающим нестабильность индо-китайских отношений. Нормализации отношений могло бы помочь, например, привлечение индийских специалистов к проекту, а также гарантии Китая в отношении Индии о пропуске необходимого для ее безопасной жизнедеятельности количества воды. В качестве примера может служить Договор о водах Инда (1960 г.) между Индией и Пакистаном — несмотря на периоды враждебных отношений и даже состояния войны, он никогда не был нарушен и яв-

ляется примером успешного урегулирования проблем использования водных ресурсов.

Наконец, в своих опасениях Индия не учитывает, что ниже нее по течению Брахмапутры лежит Бангладеш, имеющий для Китая большое значение в рамках проекта ОПОП, и Китай, таким образом, будет очень ограничен в применении «водного шантажа» при строительстве или после ввода ГЭС в эксплуатацию: изменение уровня реки может привести там к засухам или наводнениям, а учитывая важность Бангладеш для проекта ОПОП, это может иметь плохие последствия для Китая. Но, даже учитывая это, сам факт строительства несет серьезные политические вызовы для индо-китайских отношений, и для минимизации их риска необходимо сотрудничество этих стран.

Проект ОПОП усиливает взаимозависимость стран региона друг от друга. С подключением к нему Непала и стремительно растущей популярностью Китая в этой стране еще один пограничный спор — Индии и Непала за долину реки Калапани — имеет вероятность с течением времени стать многосторонним. Территориальный спор — как и в случае с Китаем — восходит к временам колониальной эпохи: в 1816 году между Непалом и Британской Ост-Индской компанией был заключен договор, по которому территория долины, включая перевал Липулех, отходила к Непалу, однако впоследствии по настоянию Британской империи граница не раз сдвигалась. В 1923 году, после признания Британией независимости и суверенности Непала, на картах эта территория изображалась как индийская. Непал впервые предъявил требования на нее лишь в 1990-х годах, вероятно, в целях отвлечения внимания населения от внутренних проблем. Ситуация усугубляется тем, что и в Индии (с 2014 г.), и в Непале (с 2015 г.) у власти находятся националистические правительства, причем внешняя и внутренняя политика последнего во многом базируется на антииндийских настроениях при одновременном росте прокитайских. Для Непала, где более 50 % населения составляет молодежь в возрасте до 24 лет [24], в сотрудничестве с Китаем видится спасение от безработицы и решение многих экономических проблем.

В 2020 году Непал впервые включил спорные территории, которыми де-факто владеет Индия, в свою официальную политиче-

скую карту. Индия предсказуемо назвала этот шаг необоснованным «искусственным расширением» границ Непала [2]. Китай в этой ситуации сохранил нейтралитет, несмотря на то что через «спорный» перевал Липулех ведется индийско-китайская торговля, а годом ранее он критиковал Индию за бескомпромиссность [16]. Растущие связи Китая и Непала при сокращении товарооборота и ухудшении отношений Китая и Индия в перспективе могут вылиться в косвенное вмешательство Китая и в этот спор, особенно учитывая стратегическую важность перевала Липулех.

Надежды США на вовлечение Индии в реализацию своей стратегии в регионе грозят ростом напряженности и еще большим снижением доверия между его основными игроками. Основной целью США в регионе является как сдерживание Китая, так и наращивание своего влияния, а для этого им не нужна стабильность. Президент Д. Трамп не раз предлагал свое посредничество в индо-пакистанском конфликте, однако его предложение не было поддержано. Вместе с тем посредничество для США не является таким же важным, как ставка на развитие военного сотрудничества с Индией. И здесь у США есть существенное препятствие: для Индии не менее важным стратегическим партнером является и Россия. До 2025 года в Индию планируются поставки пяти полковых комплектов С-400 «Триумф», кроме того, Россия и Индия совместно используют технологии, аналогами которых США не делятся даже со своими союзниками по НАТО [8]. Всё это вызывает серьезную озабоченность Вашингтона, однако он не может предпринять здесь каких-либо существенных шагов для изменения ситуации. Об этом говорит отказ США рассматривать возможность наложения санкций на Индию за военное сотрудничество с Россией (в соответствии с Законом о противодействии противникам США посредством санкций 2017 г.) — даже среди военных оказалось не так много сторонников идеи применения Закона [3]. В условиях отсутствия рычагов влияния на Индию у США санкции могут иметь противоположный эффект.

Индия, в свою очередь, пытается, насколько может, балансировать между США, Россией и Китаем. Отношения с последним сильно осложнились за 2020 год, но всё же Индия не заняла откровенно антикитайской позиции. На это есть много причин, в том числе упоминавшаяся зависимость экономики от Китая, кроме

того, сыграло роль понимание Индией того, что на ухудшение отношений с Пекином не идут даже европейские союзники США.

Растущая экономика, впечатляющие прогнозы и подъем национализма всё активнее пробуждают у населения и элит Индии самосознание великой державы. В то же время ресурсов страны очевидно пока не хватает, чтобы предложить какие-либо альтернативы китайскому проекту ОПОП. Аналогичный китайскому ОПОП проект, в центре которого будут стоять «четыре демократии» Quad, несмотря на периодические появления этой темы в СМИ, выглядит достаточно фантастично. Австралия, Индия и Япония не смогут позволить себе таких инвестиций, которые может Китай, а США находятся на другом континенте, и вложение ими десятков миллиардов долларов в строительство инфраструктуры в Азии представляется крайне маловероятным. По этой же причине — физической отдаленности — США не смогут экономически заменить Китай ни для Индии, ни для ее соседей.

Однако неправильным было бы делать вывод, что политика США по реализации своей концепции Индо-Тихоокеанского региона обречена на провал. Военное сотрудничество США и Индии нельзя сбрасывать со счетов, как и то, что они будут укреплять свое влияние в регионе любой ценой. Нарастивая военное сотрудничество, с одной стороны, и применяя «мягкую силу», с другой стороны, США будут пытаться сделать Индию проводником своих ценностей в Южной Азии.

Население Индии растет: по прогнозам экспертов ООН, оно уже в ближайшие годы превысит численность населения Китая [29], и при этом его средний возраст будет значительно ниже. Индия имеет большой экономический потенциал и ведет себя более уверенно в политике. Геополитическая борьба Индии и Китая может принести региону значительные убытки в то время, как экономическое взаимодействие, наоборот, способствовало бы развитию. Кроме этого ухудшение индо-китайских отношений будет давать повод США для наращивания военного сотрудничества с Индией — это, в свою очередь, скажется уже на индийско-российских отношениях. Много в регионе сейчас будет зависеть от решения Индии: продолжать ли вести политику балансирования или занять конкретную позицию.

Для России одинаково важны дружественные отношения как с Индией, так и с Китаем. Оба азиатских гиганта являются важнейшими торговыми партнерами для России, как и Россия для них. Россия неоднократно подчеркивала, что Москва уважает желание Пекина и Нью-Дели действовать в этом вопросе самостоятельно без вмешательства других стран [5]. В то же время во многом благодаря участию России Индия и Китай продолжают сотрудничать по разным вопросам, невзирая на противоречия, а взаимодействие этих государств в ШОС дает надежду на повышение уровня доверия между ними в будущем.

Узел противоречий в регионе, сложившийся между Индией с одной стороны и Пакистаном и Китаем с другой стороны, крайне сложен. Китайский проект ОПОП связал страны региона новой нитью, и с учетом этих реалий потребность в диалоге стоит очень остро. Стремление США не допустить экономического лидерства Китая осложняет эти проблемы, а с серьезным подъемом националистических настроений в странах региона найти компромисс становится всё сложнее. Для стран региона очень важно осознание того, что эскалация текущей ситуации может привести к непоправимым последствиям. Только совместными усилиями посредством диалога в регионе возможно достижение взаимного доверия, безопасности и выгодного для всех экономического роста.

Литература

1. Байден предложил Джонсону создать аналог инициативе «Один пояс – один путь». 27.03.2021 // ТАСС. – 2021. – 27 марта. – URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/11009221> (дата обращения: 02.07.2021).
2. В Непале одобрили включение в состав страны спорных с Индией территорий. 13.06.2020 // РИА Новости. – 2020. – 6 июня. – URL: <https://ria.ru/20200613/1572893655.html> (дата обращения: 09.07.2021).
3. В Пентагоне считают, что стоит отказаться от санкций против Индии за покупку оружия у РФ. 23.03.2021 // ТАСС. – 2021. – 23 марта. – URL: https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/10975811?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop (дата обращения: 09.07.2021).
4. Крити М. Шах. Конец статьи 370: что дальше? // Международный дискуссионный клуб Валдай. – 2019. – 15 авг. – URL: <https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/konets-stati-370-chto-dalshe/> (дата обращения: 09.07.2021).
5. Россия призвала урегулировать напряженность на китайско-индийской границе. 11.09.2020 // Российская газета. – 2020. – 11 сент. – URL: <https://rg.ru/2020/09/11/rossiya-prizvala-uregulirovat-napriazhennost-na-kitajsko-indijskoj-granice.html> (дата обращения: 02.07.2021).
6. Сафронова А.Л. «Разбитое зеркало» Южной Азии: раздел Британской Индии 1947 г. в коллективной памяти современного индийского общества // Азия и Африка сегодня. – 2019. – № 6. – С. 64–69.

7. Хейцфег Б.А. Пандемия COVID-19 и китайская «Инициатива Пояс и Путь» // Российский внешнеэкономический вестник. – 2020. – № 10. – С. 77–84.
8. Шукла В. Президентство Байдена может оказаться непростым для Индии // Международный дискуссионный клуб «Валдай». – 2021. – 15 янв. – URL: <https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/prezidentstvo-baydena-dlya-indii/> (дата обращения: 09.07.2021).
9. Эксперт объяснил, почему Индия бойкотирует форум «Один пояс – один путь». 25.04.2019 // РИА Новости. – 2019. – 25 апр. – URL: <https://ria.ru/20190425/1553056102.html> (дата обращения: 04.07.2021).
10. Bhonsale M. Understanding Sino-Indian border issues: An analysis of incidents reported in the Indian media // Observer Research Foundation. – 2018. – 12 Feb. – URL: <https://www.orfonline.org/research/understanding-sino-indian-border-issues-an-analysis-of-incidents-reported-in-the-indian-media/> (accessed: 09.07.2021).
11. C-1 Population By Religious community / Office of the Registrar General & Census Commissioner, India Ministry of Home Affairs, Government of India. – URL: <https://www.censusindia.gov.in/2011census/C-01.html> (accessed: 09.07.2021).
12. China reveals names of four soldiers killed in Galwan Valley clash with India. – 2021. – 19 Feb. – URL: <https://scroll.in/latest/987325/china-reveals-names-of-four-soldiers-killed-in-galwan-valley-clash-with-india> (accessed: 09.07.2021).
13. China to build historic Yarlung Zangbo River hydropower project in Tibet // Global Times. – 2020. – 20 Nov. – URL: <https://www.globaltimes.cn/content/1208405.shtml> (accessed: 08.07.2021).
14. China, India blame each other for border clash as death toll remains unknown. – 2020. – 18 June. – URL: <https://www.abc.net.au/news/2020-06-18/china-india-blame-clash-casualties-pledge-to-end-border-standoff/12367952> (accessed: 09.07.2021).
15. China's media show new Bhutan border village built in disputed territory. 23.11.2020 // The Hindu. – 2020. – 23 Nov. – URL: <https://www.thehindu.com/news/international/chinas-media-show-new-bhutan-border-village-built-in-disputed-territory/article33162585.ece> (accessed: 09.07.2021).
16. China's silence adds to Nepal's woes on Lipulekh // The Annapurna Express. – 2020. – 18 May. – URL: <https://theannapurnaexpress.com/news/chinas-silence-adds-to-nepals-woes-on-lipulekh-2497> (accessed: 09.07.2021).
17. Covid-19 как фактор роста расизма и ксенофобии в отношении выходцев из Азии. 12.05.2020 // Human Rights Watch. – 2020. – 12 мая. – URL: <https://www.hrw.org/ru/news/2020/05/12/375044> (дата обращения: 05.07.2021).
18. Exclusive: China Sets Up 3 Villages Near Arunachal, Relocates Villagers. 06.12.2020 // NDTV. – 2020. – 6 Dec. – URL: <https://www.ndtv.com/india-news/exclusive-china-sets-up-3-villages-near-arunachal-pradesh-relocates-villagers-2334869> (accessed: 09.07.2021).
19. India, China soldiers involved in border altercation: Indian sources. 15.08.2017 // Reuters. – 2017. – 15 Aug. – URL: <https://www.reuters.com/article/us-india-china-idUSKCN1AV29F> (accessed: 09.07.2021).
20. Indian soldiers thrash, push back Chinese soldiers at Naku La in Sikkim; Army issues statement. 25.01.2021 // India Today. – 2021. – 1 Jan. – URL: <https://www.indiatoday.in/india/story/india-china-attempt-change-status-quo-lac-pla-soldiers-injured-nathu-la-indian-1762412-2021-01-25> (accessed: 02.07.2021).
21. Indo-China stand-off: Pak foreign minister reiterates support to China // Hindustan Times. – 2020. – 5 July. – URL: <https://www.hindustantimes.com/india-news/pak-minister-reiterates-support-to-china/story-Z1w00z7FuzYZMx3P31nnrO.html> (accessed: 09.07.2021).
22. Krishnan A. Beijing think-tank links scrapping of Article 370 to LAC tensions. 12.06.2020 // The Hindu. – 2020. – 12 June. – URL: <https://www.thehindu.com/news/national/beijing-think-tank-links-scrapping-of-article-370-to-lac-tensions/article31815266.ece> (accessed: 08.07.2021).
23. Krishnan A. China's media show new Bhutan border village built in disputed territory // The Hindu. – 2020. – 23 Nov. – URL: <https://www.thehindu.com/news/international/chinas-media-show-new-bhutan-border-village-built-in-disputed-territory/article33162585.ece> (accessed: 08.07.2021).
24. Nepal Always Had An Anti-India Undercurrent. So, Why the Fuss Now? – 2020. – 19 June. – URL: <https://www.thequint.com/voices/opinion/india-nepal-tension-kp-oli-govt-modi-govt-new-delhi-diplomacy-kathmandu-anti-india-sentiment#read-more> (accessed: 09.07.2021).
25. New Weather Patterns Are Turning Water Into a Weapon // Bloomberg. – 2020. – 12 March. – URL: <https://www.bloomberg.com/features/2020-indus-river/> (accessed: 09.07.2021).
26. Notezai M.A. What Does the China-India Standoff in Ladakh Mean for Pakistan? // The Diplomat. – 2020. – 24 June. – URL: <https://thediplomat.com/2020/06/what-does-the-china-india-standoff-in-ladakh-mean-for-pakistan/> (accessed: 10.07.2021).
27. Pakistan welcomes India's peace offer // Pakistan today. – 2019. – 22 March. – URL: <https://archive.pakistantoday.com.pk/2019/03/22/time-to-work-together-indias-modi-messages-pm-imran/> (accessed: 09.07.2021).
28. State Subject Definition Notification dated the 20th April, 1927. Legal Document No. 44. – URL: https://www.satp.org/satporgtp/countries/india/states/jandk/documents/actsandordinances/State_Subject_Rules.htm (accessed: 01.07.2021).
29. World population projected to reach 9.8 billion in 2050, and 11.2 billion in 2100 – says UN. Sustainable Development Goals. Press Release // United Nations. – 2017. – 21 June. – URL: https://www.un.org/en/development/desa/population/events/pdf/other/21/21June_FINAL%20PRESS%20RELEASE_WPP17.pdf (accessed: 08.07.2021).

ИСТОРИЯ И РЕЛИГИЯ

Иголкин Иван Юрьевич,

кандидат исторических наук, ведущий специалист-эксперт,
Представительство МИД России в г. Воронеже.

Ivan Yu. Igolkin,

Ph.D. (History), senior expert of the representative office of the Russian Foreign
Ministry of Voronezh.

E-mail: ioann-kam@mail.ru

О ЗАКЛЮЧЕНИИ МИРНОГО ДОГОВОРА РОССИИ С ФРАНЦИЕЙ В 1800–1801 ГГ.

ON THE CONCLUSION OF A RUSSIA AND FRANCE PEACE TREATY IN 1800–1801

Аннотация: в статье рассматриваются шаги, предпринятые российскими императорами Павлом I и Александром I в 1800–1801 годах по организации и проведению мирных переговоров с Наполеоном, нацеленных на заключение с Первым консулом мирного договора. В качестве причины, послужившей началом этого процесса, выступило негодование российского императора Павла I на своих союзников — Англию и Австрию, — а также перемены во внутривнутриполитической жизни Франции, а именно переворот 18 брюмера и приход к власти Наполеона Бонапарта. Автор исследует перипетии, послужившие основой для начала переговоров, проходивших в Берлине между уполномоченными двух стран, а затем переместившиеся в Париж. В работе дается анализ внешнеполитических программ различных придворных группировок, ставивших себе целью дать ответ на внешнеполитические вызовы, стоявшие перед Российской империей в этот период. Помимо этого исследователем анализируются императорские рескрипты, адресованные российским представителям на переговорах с французской стороной. Автор приходит к выводу, что заключение мира с Францией стало возможным при условии общеевропейского замирения. Только после подписания целого ряда мирных соглашений между европейскими державами, был заключен мир России с Францией. Это событие положило конец затяжной с 1792 года общеевропейской войне.

Ключевые слова: русско-французские отношения, внешняя политика, мирные переговоры, император Павел I, император Александр I, Наполеон Бонапарт, Ш. М. Талейран, А. И. Крюденер, П. Бернонвиль, Ф. В. Ростопчин, Н. П. Панин, Г. М. Спренгпортен, С. А. Кольчев, А. И. Морков.

Abstract: the article discusses the measures taken by the Russian emperors Paul I and Alexander I in 1800–1801 to organize and conduct peace negotiations with Napoleon, aimed

at concluding a peace treaty with the First Consul. The reason that served as the beginning of this process was the indignation of the Russian Emperor Paul I against his allies — England and Austria, as well as changes in the internal political life of France, namely the coup of 18 Brumaire and the coming to power of Napoleon Bonaparte. The author examines the vicissitudes that served as the basis for the beginning of negotiations held in Berlin between the plenipotentiaries of the two countries, and then moved to Paris. The paper analyzes the foreign policy programs of various court groups that aimed to provide an answer to the foreign policy challenges facing the Russian Empire during this period. In addition, the researcher analyzes the imperial rescripts addressed to the Russian representatives at the negotiations with the French side. The author comes to the conclusion that the conclusion of peace with France became possible under the condition of a pan-European reconciliation. Only after the signing of a number of peace agreements between the European powers, the peace of Russia with France was concluded. This event put an end to the protracted pan-European war since 1792.

Key words: Russian-French relations, foreign policy, peace negotiations, Emperor Paul I, Emperor Alexander I, Napoleon Bonaparte, Sh. M. Talleyrand, A. I. Kryudener, P. Bernonville, F. V. Rostopchin, N. P. Panin, G. M. Sprengporten, S. A. Kolychev, A. I. Morkov.

Участие Российской империи в войне Второй антифранцузской коалиции было ознаменовано походами русских войск в Италию и Швейцарию под командованием фельдмаршала А. В. Суворова и Средиземноморским походом Черноморского флота под командованием адмирала Ф. Ф. Ушакова. Блестящие победы русской армии и флота, которые должны были привести к изгнанию французов из захваченных ими европейских стран и в перспективе способствовать падению революционного правительства в самом Париже, были нивелированы своекорыстной политикой Австрии и Великобритании, мечтавших об укреплении своего влияния в Европе.

Так, Австрийская империя претендовала на обширные территории в Северной и Центральной Италии, что должно было привести к господству Габсбургов на всем Аппенинском полуострове. Вена также стремилась «обменять» Австрийские Нидерланды на Баварию, что обеспечило бы ее преобладающее положение в Германии. Наконец, Дунайская империя активизировала свою политику на Балканах, желая подчинить себе Черногорию и Республику Рагуза.

Война предоставила Великобритании возможность стать полноправной владычицей морей и контролировать мировую торговлю: в 1800 — начале 1801 года англичане захватили Мальту, высадили войска в Египте, пытались овладеть Ионическими островами.

На этом фоне российский император Павел I, начавший войну ради «спасения престолов и алтарей», чувствовал себя обманутым

и всё более проникался антипатией к политике, проводимой венским и лондонским дворами. В конечном счете российский самодержец повел дело к разрыву отношений с бывшими союзниками.

В то же время во Франции произошел государственный переворот 9 ноября 1799 года (18 брюмера VIII года Республики), отдавший власть в стране в руки Первого консула Наполеона Бонапарта. В качестве одной из первоочередных задач, стоявших перед ним, стало примирение с Россией.

Среди историков существуют разные точки зрения относительно того, что являлось причиной сближения между абсолютистской Россией и республиканской Францией.

А. З. Манфред в своей монографии, посвященной Наполеону, писал, что «война между двумя государствами, расположенными одно на востоке, другое на западе Европы, играла на руку англичанам, австрийцам, пруссакам, кому угодно, но ни в малой мере не соответствовала действительным интересам России и Франции. Более того, раз возникнув, эта мысль, естественно, должна была быть доведена до логического конца: война, вражда между Францией и Россией противоречила национальным интересам обеих стран» [11, с. 346—347].

С ним соглашался Ю. В. Борисов, написавший биографию Ш. М. Талейрана, полагавший, что Первый консул, заключая мирный договор с Петербургом, надеялся, что Россия станет ядром союза против Англии. В этом случае открывалась бы перспектива вытеснения англичан из Индии, совместного раздела Турции между Россией и Францией [2, с. 244].

Иной точки зрения придерживался Э. Д. Вербицкий. По его мнению, переворот 18 брюмера породил в некоторых кругах российского дворянства надежду на восстановление во Франции монархии. В то же время победы Наполеона во второй половине 1800 года при Маренго и Гогенлиндене передали под контроль Франции всю Италию и обширные районы Германии. В связи с этим угроза интересам Российской империи со стороны буржуазной Республики вновь усилилась, как это было накануне образования Второй коалиции. Но теперь бороться против Франции военными средствами было невозможно: ресурсы в значительной мере истощены, отношения с основными союзниками разорваны. Оставалось только прибегнуть к попыткам ограничить завоевания

и влияние буржуазной Франции дипломатическими средствами, заключив с ней компромиссное соглашение [5, с. 165—166].

Таким образом, политическая изоляция Российской империи, а также значительные внешнеполитические изменения во Франции способствовали поиску двумя государствами путей восстановления дипломатических контактов.

16 января 1800 года российский посланник в Пруссии барон А. И. Крюденер донес императору Павлу I о том, что Наполеон Бонапарт ищет средства для примирения с Россией: «Граф Гаугвиц... сообщил мне важную новость... что французское правительство желает сблизиться с Россией и просит его величество передать это пожелание Санкт-Петербургскому двору» [1, л. 11 об].

На этом донесении Павел I написал резолюцию следующего содержания: «... что же касается до сближения с Францией, то буду очень доволен, если она прибегнет ко мне, особенно для противодействия Австрии» [1, л. 9].

А. И. Крюденеру было предписано продолжать переговоры с берлинским двором, но не вступать в переговоры с французским посланником до тех пор, пока цели французского правительства не будут ясны.

Одновременно с этими событиями продолжилось ухудшение русско-английских отношений, вызванное произволом, чинимым английскими кораблями в отношении судов нейтральных стран, что вынуждало их обратиться за помощью к России.

Еще во времена войны за независимость Северо-Американских Штатов (1775—1783 гг.) возник спорный вопрос между Англией и другими морскими державами относительно прав нейтрального флага. Лондон полагал, что его корабли имеют право конфисковать все товары, принадлежащие государствам, находящимся в войне с ним, даже если они находятся на нейтральных судах. Военной контрабандой, по мнению англичан, считалось не только оружие или военные запасы, но и продовольствие, кораблестроительные материалы и вообще всё, что может помочь противнику, что автоматически приводило к конфискации всего товара.

Для прекращения доступа морских судов к неприятельским портам достаточно было объявить их блокированными. В результате любой английский корабль мог обыскать купеческие кораб-

ли (так называемое право визита), даже если они шли под конвоем судов с нейтральным флагом.

Притязания Англии побудили в марте 1780 года Екатерину II подписать декларацию «О вооруженном морском нейтралитете». В ней провозглашалось неучастие подписавших данный документ государств в англо-американской войне. К декларации помимо России присоединились Швеция, Дания, Голландия, Пруссия, а затем де-факто участвующие в войне на стороне американцев Испания и Франция.

Существование союза государств, подписавших декларацию, стало скрытым вызовом английскому морскому могуществу. Перспектива столкновения с коалицией североевропейских держав вынудило Англию уступить в вопросах морского нейтралитета. Таким образом, цель императрицы была достигнута: корабли под нейтральным флагом получили возможность свободного судоходства.

В 1798 и 1799 годах Англия снова объявила о блокаде берегов Франции, Испании и других, союзных с ними государств. Этой мерой она планировала нарушить сообщение Франции и Испании с их колониями, лишив их подвоза самого необходимого, и тем самым нанести экономический урон этим державам, обеспечить себе торговую монополию [13, с. 256—257].

Право английских кораблей обыскивать нейтральные суда, без различия флага, стало предлогом к всевозможным притеснениям со стороны Лондона. Это привело северные державы к осознанию необходимости совместной защиты. Король Швеции Густав IV обратился к Павлу I с собственноручным письмом, в котором просил его взять под свое покровительство права нейтрального флага [13, с. 495].

Декларацией от 16 августа 1800 года российский император предложил Пруссии, Швеции и Дании «принять совокупные меры к обеспечению свободного плаванья на морях против насилий и оскорблений со стороны тех держав, которые под предлогом военного времени нарушают общепринятые права нейтралитета» [13, с. 259], инициировав тем самым возобновление вооруженного нейтралитета.

С этой целью в августе 1800 года в Санкт-Петербурге начались переговоры. Все три державы, к которым обратился импе-

ратор, сами ощущали необходимость заключения подобного союза. В конце ноября 1800 года шведский король Густав IV прибыл в Санкт-Петербург. В период его пребывания в столице Российской империи 16 и 18 декабря был подписан союзный договор между четырьмя северными державами (Россией, Данией, Пруссией и Швецией): этот документ являлся восстановлением принципов декларации о вооруженном нейтралитете. Договаривающиеся державы обязывались объединить свои силы для защиты прав нейтрального флага против притязаний Англии [13, с. 497].

17 декабря был подписан особый договор между Россией и Швецией относительно оборонительных мер для защиты Балтийского моря¹. Король принял на себя защиту Зунда. Император в свою очередь пообещал не снимать эмбарго с английских судов до тех пор, пока Швеция не получит от Лондона полного удовлетворения за действия английских судов [13, с. 262, доп. ст. — с. 498].

Союз, заключенный северными державами, имел оборонительный характер, однако лондонский двор воспринял его как прямое объявление войны и в ответ наложил эмбарго на российские, датские и шведские суда и товары.

Тем временем в июле 1800 года французский посланник при датском дворе Ш. Бургуэн известил российского министра в Гамбурге И. М. Муравьева-Апостола о том, что имеет намерение встретиться с ним для передачи ему письма министра иностранных дел Франции Ш. М. Талейрана, адресованного руководителю Коллегии иностранных дел Российской империи графу Н. П. Панину. Однако в связи с запретом императора российским представителям при иностранных дворах вступать в переговоры с французскими дипломатами он отказался встречаться с французом и, не приняв от него письма, уведомил, правда, об этом инциденте Петербург [7, с. 399—400; 15, с. XVII; 16, с. 78].

В этом письме Первый консул предлагал российскому царю освободить без обмена более 6 тыс. пленных, находящихся во Франции, и препроводить их домой с почестями, в новых мундирах и с оружием [15, с. 1]. Самому Павлу I предоставлялось, как услуга за услугу, потребовать у Англии возвращения того же числа французских пленных. Следует отметить, что письмо Ш. М. Та-

¹ Договор России с Данией и Швецией был подписан 16 декабря 1800 года, а 18 декабря к договору присоединилась Пруссия.

лейрана явилось первым актом прямых дипломатических переговоров между Россией и Францией при Наполеоне Бонапарте.

Встретив объективные затруднения в передаче данного письма, Талейран решился переслать его через одного военнопленного русского офицера. Помимо этого министр присовокупил еще одно послание, в котором отметил, что англичане скоро овладеют Мальтой, и указал на желание Первого консула предотвратить это [15, с. 3—4].

А. И. Крюденер переслал полученные от пленного офицера бумаги в Петербург. Император с удовлетворением принял предложение Наполеона и разрешил Александру Ивановичу вступить в переговоры с французским посланником в Берлине — П. Бернонвилем, «соблюдая полную искренность» [15, с. XVIII].

13 сентября 1800 года при посредничестве прусского министра иностранных дел К. Гаугвица состоялась встреча российского и французского посланников в Берлине. А. И. Крюденер заявил П. Бернонвилю, что царь с благодарностью принял письмо Первого консула и предложение по возврату пленных. В ходе разговора об условиях мира А. И. Крюденер отметил, что Россия и Франция воевали друг с другом не из-за земли или торговых выгод, а из-за несхожести политических систем. По этой причине мирный договор мог быть сведен к одной статье — «мир между обеими державами восстановлен» [16, с. 80]. Однако Россия участвовала в этой войне не в одиночку, а приняв на себя союзные обязательства. По этой причине российский император требовал от Франции соблюдения территориальной целостности таких государств, как Неаполитанское и Сардинское королевства, курфюршество Бавария и герцогство Вюртемберг [15, с. XVIII].

П. Бернонвиль предложил «вознаградить» правителей Баварии и Вюртемберга, передав им земли духовных князей взамен захваченных Францией, используя для этого опыт, наработанный в ходе Раштаттского конгресса¹, на котором процесс вознаграждения правителей, потерявших свои земли на левом берегу Рейна за счет секуляризации церковных земель, шел полным ходом.

¹ Раштаттский конгресс 1797—1799 годов — конгресс, созданный в немецком городе Раштатте для исполнения условий Кампо-Формийского мирного договора 1797 года, завершившего войну Первой антифранцузской коалиции, по урегулированию территориальных вопросов, касающихся Священной Римской империи и Франции, и для изыскания средств к возмещению территориальных потерь немецких князей, лишившихся своих владений на левом берегу Рейна, отошедших к Франции.

Он говорил также о необходимости развития торговли между Францией и Россией и передачи Республике левого берега Рейна [15, с. XVIII].

Однако у П. Бернонвиля не было полномочий на заключение договора. В скором времени он их получил. В инструкции, написанной Талейраном, ему предписывалось вести мирные переговоры так, чтобы не давать повода царю вмешиваться в европейские дела.

В целом процесс примирения России с Францией не встретил никаких объективных затруднений, и стороны готовы были приступить к обсуждению статей будущего мирного договора. Однако в Петербург продолжали приходить жалобы монархов, покоренных Францией, что существенно усиливало позиции партии так называемых англоманов и австрофилов при петербургском дворе. Выразителями их идей были посол России в Великобритании С. Р. Воронцов и Н. П. Панин. Они ссылались на угрозу распространения «революционной заразы» в Европе; рост могущества буржуазной Республики, намного превысившей мощь монархической Франции; угрозу российской торговли с Голландией, Северной Германией и Англией; стремление Франции захватить ряд германских и итальянских государств, восстановить Польшу, заключить союз с Турцией и Швецией, направленный против России. Ликвидацию завоеваний Франции и восстановление в ней дореволюционных порядков они считали главной задачей внешней политики России и добивались вооруженного выступления [5, с. 170—171].

21 сентября 1800 года один из лидеров «австрофилов» граф Н. П. Панин составил записку, в которой предлагал восстановить отношения с Веной, отправив туда уполномоченного с проектом союзного договора [3, с. 602—606; 15, с. 4—10]. Однако первоприсутствующий в Коллегии иностранных дел и главный соперник Н. П. Панина Ф. В. Ростопчин отказался представить царю данный документ. Вскоре Никита Петрович за свои проавстрийские симпатии был удален из Коллегии иностранных дел и отправлен в Москву.

Ф. В. Ростопчин был одним из сторонников политики примирения с Францией. Приверженцы этого политического курса (А. А. Безбородко, В. П. Кочубей, Н. П. Румянцев, А. Б. Куракин)

стремились ограничить дипломатическими средствами территориальную экспансию Франции. Наиболее последовательный из них А. А. Безбородко утверждал, что вооруженная борьба с могущественной Французской республикой уменьшит ресурсы России, и без того истощенные предыдущими войнами, потребует новых рекрутских наборов и увеличения налогов, что может вызвать взрыв крестьянского недовольства. Он считал, что эта борьба свяжет Россию и помешает ей активно участвовать в решении других международных проблем [5, с. 167—168].

Точка зрения этой партии при дворе взяла верх, и по указу императора 8 октября 1800 года Ф. В. Ростопчин составляет ноту, в которой извещает Первого консула, что мир с Францией возможен при соблюдении пяти условий, а именно: возвращение острова Мальты Ордену; восстановление сардинского короля в его владениях; неприкосновенность владений короля Обеих Сицилий, курфюрста баварского и герцога вюртембергского [15, с. 10—11].

В связи с обострением отношений между Петербургом и его бывшими европейскими союзниками, а также вследствие начавшегося процесса по сближению с Францией в правящих кругах России стали возникать проекты расширения империи в противовес возросшему могуществу Англии, Австрии и Пруссии.

Один из таких проектов был изложен в «Записке» графа Ф. В. Ростопчина, предоставленной Павлу I 8 октября 1800 года, в которой автор доказывал, что сложившиеся международные обязательства дают России уникальную возможность осуществить свои национальные интересы в полном объеме. Эти интересы требовали в союзе с Австрией, Францией и Пруссией расчленить европейскую часть Турции и создать Греческую республику под протекторатом России и других держав. По мнению Ф. В. Ростопчина, «греки сами придут под скипетр российский». Россия должна была получить Румынию, Болгарию, Молдавию и Константинополь. Он предлагал передать Австрии Боснию, Сербию и Валахию, а Пруссию предполагалось вознаградить землями в Северной Германии. Основой внешней политики России, по мнению первоприсутствующего в Коллегии иностранных дел, должен был стать союз с «мятежной, но уже успокоенной Бонапартом Францией», направленный против Англии. Этот союз должен был дать Российской империи преобладающее влияние в Европе.

Исполнение этой программы должно было начаться с «обуздания» Англии, которая будет противиться разделу Турции. Для этого предусматривалось восстановление договора о вооруженном нейтралитете с привлечением Дании и Швеции, а также Франции и Испании. В заключение Ф. В. Ростопчин предложил отправить в Париж уполномоченного для мирных переговоров [8, с. 103—110]. 14 октября записка была одобрена.

Одновременно с обсуждением и согласованием данного документа уполномоченные двух государств продолжили переговоры. В ходе совещаний с бароном А. И. Крюденером П. Берновиль объявил ему, что все требования российского императора согласуются с планами Первого консула, который «имеет твердое намерение ограничить распространение владений дома австрийского в Италии и Германии» [13, с. 267]. По этой причине Первый консул не будет возражать по поводу восстановления монархий в этих государствах. Относительно Мальты Наполеон выразил намерение передать остров после освобождения его от англичан императору Павлу I как Великому Магистру Мальтийского ордена. Помимо этого Бонапарт не собирался удерживать Египет, но не хотел, чтобы эта страна попала в руки Великобритании [13, с. 267—268].

После предварительных объяснений, когда каждая из сторон выдвинула свои условия для заключения мирного договора, император Павел I решил начать прямые переговоры с французским правительством.

7 ноября Талейран сообщил через прусского посланника в Париже Д. Люккезини свой ответ на ноту Ф. В. Ростопчина, где были представлены условия для примирения Франции с Россией:

- 1) мир, дружба и согласие между обеими державами;
- 2) Россия признает границы Французской республики по Рейну;
- 3) обе державы ручаются за неприкосновенность владений курфюрста Баварского на правом берегу Рейна, а также владений герцога Вюртембергского;
- 4) Пруссия, Бавария и другие германские государства, лишившиеся своих владений, получают соразмерное вознаграждение посредством секуляризации по общему согласию между Россией, Пруссией и Францией;

- 5) Франция обязуется сохранить неприкосновенность Неаполитанского королевства и учредить границы светской власти Папы;
- 6) Франция обязывается вернуть королю Сардинии его владения с условием оставления Савойи за Францией как области, не входящей в состав итальянских владений Сардинского королевства [13, с. 499—500].

В той же ноте Ш. М. Талейран сообщил, что Россия со своей стороны должна оградить «нейтральную торговлю и всеобщее мореходство от злоупотреблений Англии», а также высказал пожелание «отделить мирный договор с Россией от всех частных условий» [15, с. XXIII].

Таким образом, как и в начале царствования Павла I, французская сторона намеревалась отделить вопрос заключения мира с Россией от примирения с Европой. Россия, в свою очередь, стремилась выступить в роли посредника в деле общеевропейского умиротворения и посредством мирного договора ограничить французскую экспансию в Европе.

Для встречи и отправки на родину русских военнопленных в количестве 6800 человек император Павел I направил во Францию генерала от инфантерии барона Г. М. Спренгпортена, шведа на российской службе, известного своими профранцузскими симпатиями. Первоначально планировалось сформировать из них два полка и отправить на остров Мальту, где они должны были оставаться в качестве гарнизона. Однако после занятия Мальты англичанами решено было отправить их в Россию.

Помимо этой задачи барон должен был содействовать установлению дружественных отношений между Российской империей и Французской республикой, о чем было сказано в императорской инструкции, выданной 10 октября. В ней говорилось: «Франция и Российская империя, находясь далеко друг от друга, никогда не могут быть вынуждены повредить друг другу. Но они могут, соединившись... воспрепятствовать тому, чтобы другие своим стремлением к захвату и господству могли повредить их интересам» [15, с. 11—12].

Во время поездки префекты департаментов встречали генерала с «особым почтением». 27 ноября барон прибыл в Брюссель,

где находился несколько дней, так как большая часть российских военнопленных находилась в близлежащих городах: Лилль, Валансьен, Камбре и др. Так как Первый консул намеревался вернуть россиян на родину в новых мундирах, с полным вооружением и со всеми воинскими принадлежностями, то по этой причине процесс их обмундирования затягивался.

В целях ускорения этого дела Г. М. Спренгпортен направился в Париж, куда прибыл 20 декабря. За то время пока он находился в столице Франции, генерал провел переговоры с Ш. М. Талейраном. Министр иностранных дел Республики заявил, что Наполеон готов удовлетворить территориальные претензии монархов Сардинии и Неаполя, но взамен просил содействия в ограничении австрийских владений в Италии рекой Эч (Адидже) и в воссоздании Цизальпинской республики. Первый консул соглашался гарантировать конституцию Ионических островов, а также вернуть остров Мальту Ордену и территориально вознаградить Баварию и Вюртемберг. Для себя Бонапарт просил только, «как услуга за услугу», посредничество царя в обмене французских пленников, находящихся в Турции, и сохранения за собой левого берега Рейна и Египта, а также развития французской черноморской торговли с Россией [15, с. XXVI].

По прибытии генерала Г. М. Спренгпортена в Париж Наполеон написал Павлу I письмо, датированное 21 декабря 1800 года, в котором говорилось, что он «желает видеть скорый и неизменный союз двух могущественных наций в мире. Стоит только Вашему Императорскому Величеству снабдить какое-нибудь лицо, пользующееся Вашим доверием и знающее Ваши желания, особыми и неограниченными полномочиями, — через двадцать четыре часа спокойствие водворится на материке и на морях. Ибо, когда Англия, германский император и все другие державы убедятся, что как желания, так и руки наших двух великих наций соединятся в стремлении к одной цели, оружие выпадет у них из рук и современное поколение будет благословлять Ваше Императорское Величество, избавившее его от ужасов войны и раздоров партий» [15, с. 24—25].

В тот же день, 21 декабря, Ш. М. Талейран дал ответ на ноту Ф. В. Ростопчина: Первый консул принял основания ноты, но он «желает, чтобы дела, касающиеся Германии и Италии, а также об-

щей свободы торговли и прав нейтралитета, обсуждались Россией и Францией с их общего согласия» [15, с. 26—27].

30 декабря Павел I ответил на послание Наполеона, в котором выражал удовлетворение от процесса сближения России с Францией, напомнив Первому консулу о том, что «те, кому Бог вручил власть управлять народами, должны думать и заботиться об их благе». Император подчеркнул: «Я не говорю и не хочу пререкаться ни о правах человека, ни о принципах различных правительств, установленных в каждой стране. Постараемся вернуть миру спокойствие и тишину, в которых он так нуждается и которые так соответствуют непреложным законам Предвечного» [15, с. 27—28]. Таким образом, из содержания письма становилось ясно, что два государства фактически восстанавливают мирные отношения друг с другом в условиях формально продолжающейся войны между ними.

Кроме того, из этого письма следовало также, что для подписания мирного договора в Париж Павел I направляет своего уполномоченного вице-канцлера С. А. Колычева [15, с. 28].

В инструкции, данной С. А. Колычеву 19 декабря, в секретных статьях, отмечалось, что он должен был «немедленно и не делая тайны» «подписать и исполнить» волю императора, желавшего, объединившись с Францией, «распоряжаться всей Немецкой империей» и «доставить покой всей Европе». Но для этого сама Франция должна была измениться. Надо было склонить Наполеона к принятию им королевского сана. С. А. Колычев должен был «настаивать на уничтожении клубов, польского комитета и всех учреждений вне Франции, которые занимаются распространением демократических и философских начал с соизволения французского правительства и под его покровительством». Впрочем, пусть Франция остается республикой, лишь бы она помогла подорвать «систему расширения Австрии, Англии и Пруссии — систему, которая даже вреднее для общего блага, чем принципы революционной Франции» [10, с. 966—970].

Бонапарт должен был обязать Испанию признать Павла I Великим Магистром Мальтийского ордена, а во время войны России с Англией напасть на берега последней. Взамен он получал или новый торговый договор, или восстановление торгового трактата 1786 года [10, с. 970].

Открытые статьи инструкции являлись развитием ноты Ф. В. Ростопчина: император признал Рейн границей Франции, обещал восстановить торговые отношения и «предоставлял Бонапарту кончить с англичанами, как ему заблагорассудится, только приступая к морской конвенции северных дворов тотчас по заключении мира». За это Первый консул должен был освободить от французских войск занятые ими государства, возвратить Египет Порте и не только «формально гарантировать» России Мальту, но и «пригласить всех своих союзников содействовать этой цели». В целях вознаграждения государей Германии и Сардинского короля Павел I дал свое согласие на занятие французами части наследственных земель австрийской монархии [10, с. 966—970].

14 января 1801 года, получив письмо Наполеона, Павел I еще раз подтвердил свою миролюбивую позицию в отношении Франции: «Я желаю, со своей стороны, мира Европе, который мы, конечно, можем дать... Несомненно, что две большие державы в согласии между собой будут иметь положительное влияние на остальную Европу. Я готов это сделать» [15, с. 28—29].

Оживилась посредническая роль Берлина. 12 января состоялась встреча между А. И. Крюденером, получившим полномочия на ведение переговоров, и П. Бернонвилем. Российский посланник предоставил рескрипт царя, где говорилось о желании российского императора ускорить дело с подписанием мира. К рескрипту прилагалась собственноручная приписка государя, в которой он просил П. Бернонвиля уведомить Первого консула в его «искреннем намерении сблизиться с Францией и содействовать успокоению Европы» [15, с. XXIX].

В ходе обсуждения статей договора стороны вступили в полемику относительно статьи о праве свободного проезда французов по России и русских по Франции. Эта тема поднималась на второй встрече представителей двух держав 16 января. Помимо этого обсуждался вопрос возвращения Мальты Ордену — этот, по словам П. Бернонвиля, «вечно щекотливый пункт, любимый предмет желаний Павла I» [15, с. XXIX].

Тем временем, 20 января 1801 года Ш. М. Талейран уведомил Г. М. Спренгпортена, что в противоположность англичанам «Первый консул пожелал, чтобы немедленно было прекращено всё, что ещё оставалось враждебным в отношениях Франции к Рос-

сии» на море и намерен пригласить правительства Испании, Голландии и Женевы «присоединиться к мерам правительства французского» [15, с. 31—32].

В ответ Павел I приказал восстановить торговые отношения с Францией¹ и начать переговоры с султанским правительством о возвращении французских военнопленных домой. 27 января 1801 года Павел написал новое письмо Бонапарту, в котором намекал на возможность «предпринять или, по крайней мере, произвести что-нибудь на берегах Англии; подобные действия, произведенные в то время, когда она видит себя изолированной, могли бы заставить ее раскаяться в своем деспотизме и в своем высокомерии» [15, с. 33].

Тем временем Первый консул так характеризовал перспективы союза Франции с Россией в письме к своему брату Жозефу: «Мир с Австрией ничто в сравнении с союзом, который смирит Англию и обеспечит за нами Египет» [15, с. XXXI].

Одновременно с русско-французскими переговорами во французском городе Люневиле проходила встреча между французскими и австрийскими уполномоченными. Переговоры шли долго и без результата. С истечением срока перемирия военные действия возобновились. 2 декабря 1800 года французский генерал Ж. В. Моро разбил австрийскую армию под Гогенлиндемом. Австрия вынуждена была заключить перемирие в декабре.

Наконец, 9 февраля 1801 года был подписан Люневильский мир. В соответствии с условиями этого мира граница между Францией и Германией проходила по Рейну, крепости на его правом берегу срывались. Те из германских владетельных князей, кто потерял свои земли на левом берегу Рейна, получали вознаграждение за счет секуляризации духовных имперских владений. В Италии граница проходила по реке Эч (Адиджа). Отнятые у Австрии земли за Альпами превращались в Итальянскую республику с Бонапартом во главе. Тоскана отходила к герцогу Пармскому. Великий герцог Тосканский и герцог Моденский получали вознаграждения в Германии. О Неаполе и Сардинии в этом договоре не говорилось ни слова, так как Бонапарт обещал Павлу I вернуть эти земли их прежним владельцам — королям Фердинанду IV и Карлу-Эммануилу IV [13, с. 275—276; 15, с. XXXII].

¹ См.: именной указ от 8 февраля 1801 г. № 19. 146 «О разрешении торговых сношений с Францией»// Полное собрание законов Российской империи. — Т. 26. — СПб., 1830. — С. 524—525.

Результатом подписания Люневильского мирного договора стала активизация процесса «вознаграждения». При помощи этого вопроса решалась судьба значительной части Священной Римской империи. Огромный интерес к данному процессу, от которого напрямую зависела их судьба, проявили не только германские государства, но и их соседи, прежде всего Россия и Франция. Последние имели формальное право на вмешательство в качестве гарантов Тешенского договора¹.

Французская дипломатия намеревалась использовать «вознаграждение» как средство достижения своей заветной цели — создания пояса укрупненных германских государств на правом берегу Рейна, что превращало соседние государства в вассалов Франции и открывало новые рынки для ее промышленных товаров [4, с. 9].

27 февраля 1801 года Первый консул, отвечая на письма императора, писал, что в заключении Люневильского мира «всё было рассчитано так, чтобы исполнить все» желания Павла I. В этом письме Наполеон раскрыл царю свои планы относительно высадки в Англию и представил набросок будущей континентальной системы (закрытие всех европейских портов для английских судов). Первый консул советовал Павлу I, используя черноморскую эскадру, занять один из портов на Сицилии и аналогично поступить с Ганновером, используя для этого войска Г. М. Спренгпортена с присоединенной к ним французской дивизии. В свою очередь Наполеон собирался занять Тарент и принудить Португалию закрыть для Англии ее порты. «Интересы всех держав Средиземного, а также и Черного морей, — доказывал Первый консул, — требуют, чтобы Египет остался за Францией». Наполеон Бонапарт просил царя о посредничестве перед Портой в египетских делах, суля «неисчислимы выгоды для русской торговли» от прорытия Суэцкого канала. В заключение Наполеон обещал послать в Петербург своего адъютанта, как только прибывает С. А. Колычев [15, с. 38—41].

Мирные соглашения, заключенные Францией с Австрией, и начало мирных переговоров с Россией нанесли чувстви-

¹ Тешенский договор — договор, заключенный 13 мая 1779 года в городке Тешен, устанавливающий мир между Австрией и Пруссией с Саксонией, воевавшими за баварское наследство. Этот договор был заключен благодаря посредничеству России и Франции. Тешенский мир подтверждал ряд заключенных в прошлом германскими государствами мирных договоров, начиная от Вестфальского договора 1648 года и кончая Губертусбургским договором 1763 года.

тельный удар Англии. Союз северных держав стал еще одним вызовом для английской торговли и осложнил подвоз продовольствия. Наряду с внутренними проблемами это вызвало правительственный кризис и привело в январе 1801 года к падению правительства У. Питта. Новое министерство Г. Аддингтона решилось разрушить Северный союз при помощи оружия. Были вотированы большие средства на военные расходы. Европа стояла на пороге новой войны, способной существенно изменить расклад сил на континенте.

Тем временем Россия активно готовилась к войне с Англией. На западной границе империи были расположены 120 тыс. солдат для охраны берегов Балтийского моря и для десантных операций против Англии. Балтийская эскадра вооружалась для предстоящей летней кампании.

В ответ на предложение Павла I «уязвить» Англию Наполеон выслал весьма продуманную и детализированную программу совместных действий. Первый консул решил, что нужно нанести главный удар по могуществу врага, забрав у него ключ к господству над Востоком — Индию.

В соответствии с планом Бонапарта в персидском Астрабаде на побережье Каспия должна была собраться 70-тысячная русско-французская армия. 35 тыс. русских солдат должны были прибыть туда из Астрахани морем. Одновременно такое же количество французских войск предполагалось спустить по Дунаю. Затем они должны были пересечь на транспортные суда, заготовленные Россией, переплыть Черное и Азовское моря и высадиться у Таганрога. Далее французская армия должна была сухим путем достичь Астрахани. Отсюда французы на судах должны были отправиться в Астрабад. Уже там союзная армия должна двинуться в поход, пройти города Герат, Ферах, Кандагар и вскоре достигнуть правого берега Инда.

Павел I начал готовиться к Индийскому походу. 12 января 1801 года он направил атаману Войска Донского генералу от кавалерии В. П. Орлову соответствующий приказ. В поход выступили 22507 человек с 12 орудиями-гаубицами «единорогами» и 12 пушками. Казаки были сведены в 41 полк, две роты конной артиллерии. Кроме того, к ним присоединились 500 человек калмыков и команда на укомплектование. В поход были взя-

ты 41 242 лошади. Все полки были разделены на четыре отряда [13, с. 285]. В середине января 1801 года войска перешли Волгу и двинулись в Казахстан.

Казаки выступили в поход в конце февраля, но чем дальше на юг, тем погода становилась теплее, снег сходил, дороги превращались в непролазные топи. Ранняя весна вскрыла реки, и маршрут приходилось постоянно менять.

К 18 марта войска успешно преодолели Волгу, и генерал В. П. Орлов доносил в Петербург, что казаки уже следуют вверх по реке Иргизу.

Союзники России также готовились к войне: Пруссия поставила свою армию на военное положение. В течение марта прусские войска заняли Ганновер и Бремен, а датские вступили в Любек и Гамбург. Однако ни Дания, ни Швеция не предприняли надлежащих мер к защите Зунда и поэтому не сумели избежать опасности английского вторжения.

Во второй половине марта 1801 года, когда льды Балтийского моря препятствовали выступлению российского флота из гаваней, а зундский проход был уже открыт, из Ярмута вышла английская эскадра¹ под командованием двух знаменитых адмиралов — Х. Паркера и Г. Нельсона. Пройдя Зунд, эскадра 21 марта появилась перед Копенгагеном, где произошел упорный морской бой. Понеся большие потери, обе стороны вынуждены были вступить в переговоры. Английские адмиралы требовали, чтобы Дания вышла из Северного союза. Принц Фредерик, регент королевства, отверг эти предложения и во время переговоров принимал меры к обороне столицы. Наконец, англичане заключили перемирие на 14 недель. Пользуясь этим временем, Г. Нельсон с частью эскадры двинулся в Балтийское море, чтобы атаковать Россию и Швецию.

Тем временем в соответствии с указом императора вице-канцлер С. А. Колычев направился в Париж в качестве уполномоченного по проведению переговоров о мире. Во время встречи с Наполеоном он должен был объявить ему об устройстве «лиги держав», в особенности «северных», враждебных Англии и Австрии, которые «будут приписывать законы остальным». Опасаясь алчности Англии, которая уже объявила войну России

¹ 17 линейных кораблей, 30 фрегатов, 1000 человек десанта [13, с. 287].

и не намерена была отдавать Мальту, царь советовал Наполеону возратить Египет его союзнику, султану, обещая тогда собственными силами защищать эту страну от англичан. В то же время С. А. Колычев должен был помогать верному союзнику Англии, неаполитанскому королю Фердинанду IV, как жертве «революционных принципов», еще не совсем забытых Бонапартом. Также от него требовали содействовать вознаграждению Мальтийского ордена за отнятые у него французами земли на Рейне.

5 марта 1801 года уполномоченный российского императора прибыл в Париж, имея на руках права на заключение мирного договора. 9 марта С. А. Колычев провел переговоры с Ш. М. Тайлераном. Сообщая в Петербург о своих впечатлениях, опытный дипломат отмечал, что, «не взирая на чрезвычайные почести и словесные уверения, кажется, что в сближении Франции с Россией ни малейшей нет искренности... весьма ясно желание правительства вовлечь Россию в убыточную войну не только с Англией, но с самой Портою, дабы... ослабить и унижить государство, которое одно только может удержать равновесие Европы» [15, с. 41—42]. В письме Ф. В. Ростопчину Степан Алексеевич подчеркивал, «что они (французское правительство. — И. И.) стремятся господствовать повсюду, льстят нам и что мы нужны им лишь, как орудие, чтобы обмануть нас... Их намерение... поработить Европу» [15, с. 44].

12 марта начались формальные переговоры о мире. Одной из причин обострившихся разногласий между представителями России и Франции стали «пять условий». Прежде всего, Наполеон не намеревался «формально признавать» Павла I Великим Магистром Мальтийского ордена и обеспечить за ним Мальту, только с тем условием, что император Павел I согласится объединить свои морские силы с французскими и испанскими, чтобы отнять остров у англичан. Помимо этого Первый консул обещал российскому императору, что восстановит неаполитанского короля в его владениях при условии размещения французского отряда в портах Отранто и Бриндизи. В случае неблагоприятных обстоятельств этот отряд должен был оставаться там до ухода английского флота из Средиземного моря [15, с. 45—57].

По мнению С. А. Колычева, данные обстоятельства являлись угрозой территориальной целостности Неаполитанского

королевства. Он полагал, что это также могло привести к росту опасений в Стамбуле относительно дальнейшего развития французской экспансии в регионе и спровоцировать усиление английского влияния на Диван [15, с. 45—57].

В ответной ноте от 18 марта 1801 года Ш. М. Талейран объяснил российскому послу, что хоть пять статей признавались, принимались и выражалась готовность к их исполнению, но восстановление мира между Россией и Францией должно стать результатом добрых отношений между двумя государствами. В ноте отмечалось, что только после заключения мирного договора начнутся переговоры об устройстве германских дел [15, с. 60—62].

18 марта 1801 года Ш. М. Талейран представил С. А. Колычеву свой проект мирного договора. В соответствии с ним Республика Семи Островов¹ признавалась обоими государствами, а российский император обязывался содействовать возвращению французских пленников, находящихся в Турции. Помимо этого стороны намеревались осуществлять торговые отношения на тех основаниях, которые существовали до революции, до тех пор пока не будет подписан новый торговый договор [15, с. 63—64].

В ответ на ноту и проект мирного договора, подготовленных министром иностранных дел Франции, С. А. Колычев составил 19 марта ответную ноту. По мнению царского посла, заключение мира между Францией и Портой возможно только после очищения Египта от французских войск и возвращения его Турции. Мир с Неаполитанским двором должен быть заключен на основании неприкосновенности земель короля Обеих Сицилий, признанных как Россией, так и Францией [15, с. 65—69].

В донесениях российского посла, датированных 25 марта, выясняются причины разногласий между двумя правительствами. По мнению царского посла, Бонапарт добивался частного мира между Россией и Францией, а Степан Алексеевич считал своим поручением всеобщее замирение [15, с. 70—71]. Первый консул, как отмечал посол, полагал, что Турция «бессильна и представляет полное ничтожество в политической системе» и выражал намерение утвердиться в ней, а также «сеять смуту

¹ Республика Семи Соединенных Островов — первое национальное греческое государство нового времени, существовавшее с 1800 по 1815 год в качестве протектората (сначала турецкого, потом русского, а затем французского) на островах Керкира, Паксос, Леккас, Кефалиния, Итака, Закинф и Китира в Ионическом море.

в бывшей Польше» [15, с. 80]. С. А. Колычев видел только одну пользу от мира с Францией — утверждение права России вмешиваться в дела Германии и настаивать на сохранении ее старой конституции [15, с. 82].

После ноты С. А. Колычева от 19 марта Ш. М. Талейран был вынужден заговорить об «основах всеобщего замирения Европы». Первой реакцией французского министра иностранных дел на ноты было недовольство, что «требования, предъявленные С. А. Колычевым, вызывают весьма основательные возражения» [15, с. 90—92]. В результате 30 марта министром иностранных дел Франции была составлена нота, посвященная Германии и российскому посредничеству относительно Египта [15, с. 97—98].

1 апреля 1801 года Степан Алексеевич предъявил новый проект договора. К нему прилагалась добавочная конвенция, состоящая из 16 статей. В них вошли пять условий, а также все последующие требования, выдвигаемые российской стороной, но без уступок в пользу Наполеона. Франция должна была предоставить Павлу I права и земли Мальтийского ордена в Италии и Германии, а Вюртембергу — курфюршеское достоинство. Республика должна была принудить Порту, Неаполь и Сардинию к вступлению в Северную лигу, очистить Египет и «не помышлять об Отранто и Бриндизи», в Италии ей дозволялось получить контроль над Ниццей и Савойей, взамен она должна была предоставить вознаграждение сардинскому королю [15, с. 673—674].

Примерно в то же время, в конце марта, как образно выразился А. С. Трачевский, порвалась последняя нравственная связь между Петербургом и Парижем — уехал генерал Г. М. Спренгпортен. Он поехал вслед за российскими военнопленными, покидавшими Францию. 28 марта он обедал у Наполеона, который выразил свое искреннее желание вступить в союз с царем и готовность принять пять условий. Первый консул не скрыл своего плана напасть на Англию из Бельгии, сделав демонстрацию у берегов Ирландии, и намекнул на возможность подорвать могущество англичан в Индии, пользуясь Египтом и содействием России [15, с. 93—95]. 1 апреля барон уехал, осыпанный знаками дружбы.

С. А. Колычев оставался в Париже, продолжая переговоры с Ш. М. Талейраном относительно мирного договора между Рос-

сией и Францией и, особенно, относительно конвенции, касающейся умиротворения Европы.

Между тем в результате дворцового переворота 23 марта 1801 года российский император Павел I был убит. Однако поручение, возложенное на генерала Г. М. Спренгпортена, было им выполнено. 21 марта 1801 года в Париже состоялось подписание Конвенции о порядке возвращения русских пленных на родину [12, с. 255—259].

Новый император Александр I, вступив на престол, был полон желания остановить войну. Он отменил приказ о походе в Индию, а также приказал российскому посланнику в Копенгагене В. Г. Лизакевичу объявить адмиралу Х. Паркеру, что новый государь желает разрешить миром недоразумения, возникшие между Россией и Англией, но, оставаясь при этом верным союзником, будет действовать сообща с Данией и Швецией.

В ожидании ответа от лондонского двора император предложил Х. Паркеру заключить перемирие. С подобным предложением к Г. Нельсону, находящемуся вблизи Ревеля, был послан адмирал П. В. Чичагов. Английские адмиралы прекратили военные действия.

После нескольких лет упорной борьбы все европейские государства были истощены, вся Европа желала успокоения. Однако более всех в мире нуждалась Англия. Узнав о кончине императора Павла I и о мирных инициативах его преемника, в Санкт-Петербург был отправлен лорд С. Элленс. Граф С. Р. Воронцов, оставшийся в Англии в качестве официального лица, снова получил необходимые полномочия для официальных переговоров с английским Министерством иностранных дел.

В апреле 1801 года была заключена Конвенция между Данией и Англией; германские порты открылись англичанам; датские войска покинули Гамбург и Любек. Вслед за тем в России, Дании и Швеции было снято эмбарго с английских судов, а в Англии — с русских, датских и шведских.

В Петербурге собрались уполномоченные как северных держав, так и Великобритании для переговоров о мире. 17 июня в Петербурге был подписан мирный договор между Англией и Россией. Спорные вопросы о правах нейтрального флага были разрешены посредством уступок. По двум пунктам Англия совер-

шенно отказалась от своих требований, а именно: относительно условий морской блокады и определения предметов военной контрабанды. В число этих предметов не были включены ни кораблестроительные материалы, ни запасы продовольствия, что было важно для торговли северных государств. Относительно других вопросов Англия также пошла на уступки: товары, перевозимые на нейтральных кораблях из портов воюющих держав, не подлежат конфискации, если объявлены собственностью нейтрального государства; транспорты, конвоируемые военными судами, могут быть осмотрены военными судами рангами не ниже тех, которые конвоируют транспорт. 20 октября были подписаны дополнительные статьи к этому договору в Москве [6, с. 35—39; 13, с. 289—290]. К договору впоследствии присоединились Дания и Швеция¹.

Таким образом, Россия отказалась от дальнейшего укрепления Лиги вооруженного нейтралитета, в то же время как Англии не удалось привлечь Александра I на свою сторону для борьбы с Францией.

Новый император придерживался следующей линии поведения в англо-французском противостоянии: «Я буду хорош с Францией, если сочту это полезным для России, точно так как теперь эта самая польза заставляет меня поддерживать дружбу с Великобританией» [9, с. 325].

В Париже С. А. Колычев продолжал вести переговоры. Александр I направил ему 28 апреля 1801 года новую инструкцию. Ему поручалось добиваться восстановления европейского равновесия. Участь Германии и Италии — главная проблема, которая волновала российскую дипломатию. Вопрос о Мальте был отложен. Важное место в рескрипте отводилось «неисчерпаемому источнику затруднений и споров» — Египту, который Франция должна была освободить. Александр I предлагал свое посредничество в решении этой задачи [15, с. 125—126].

В одном из писем Ф. В. Ростопчину российский дипломат С. А. Колычев писал: «С людьми, которые здесь управляют, нужно быть твердым и ни в чем не уступать им; еще меньше входить в их виды. Нужно требовать от них уважения и верить им лишь тогда, когда они будут исполнять свои обещания, ибо никогда не нужно

забывать, что они стремятся господствовать повсюду, льстя нам, и что мы нужны им лишь как орудие, чтобы обмануть нас, они могли лучше достигнуть предначертанной цели. Их намерение — запутать нас и поработить Европу» [15, с. 42—44]. По его мнению, Бонапарт, стремясь заключить союзный договор с Россией, исходил из собственных интересов, но отнюдь не стремился к установлению мира в Европе [12, с. 254—255].

Находясь в Париже, С. А. Колычев настаивал на своем отзыве, мотивируя это слабым здоровьем и неспособностью дальше вести переговоры. Просьба С. А. Колычева была удовлетворена. По указу от 1 июля 1801 года он был отозван из Парижа. С учетом его рекомендаций на дипломатический пост во Францию выбрали опытного дипломата в ранге полномочного министра с жестким характером, известного своей ненавистью к республиканским порядкам и идеям. Это был граф А. И. Морков, прибывший к месту службы 16 сентября [14]. В обширной инструкции, написанной императором Александром I, ему поручалось выразить Наполеону Бонапарту искреннее желание России заключить мир с Францией [15, с. 201—222].

Примирение России с Францией не встречало никаких затруднений, особенно в том, что касалось Египта и Мальты. Однако переговоры, открытые графом А. И. Морковым, продолжались целое лето. Император Александр I, подобно своему отцу, проявлял участие в судьбе своих союзников. По этой причине главным предметом переговоров были условия относительно будущего королей неаполитанского и сардинского, курфюрста баварского, герцога вюртембергского и маркграф баденского.

В то время как в Париже граф А. И. Морков вел переговоры с Ш. М. Талейраном, в Лондоне шли переговоры между английским и французским уполномоченными. Примирение этих двух стран шло с большими трудностями, так как каждая из сторон с умыслом тянула время: лондонский кабинет ожидал окончания военных действий в Египте, а Первый консул рассчитывал на успех похода франко-испанской армии в Португалию. Однако этот поход завершился тем, что мадридский двор вступил в переговоры с лиссабонским, и 6 июня в Бадахосе был заключен мирный договор между Испанией и Португалией.

¹ Дания присоединилась к договору 23 октября 1801 года в Москве; а Швеция — 30 марта 1802 года в Петербурге.

Все попытки французского флота переправить в Египет свежие войска закончились провалом. Французы вынуждены были очистить эту страну.

Завладев Египтом, лондонский кабинет получил то, что хотел. С этого времени переговоры пошли быстрее. В течение сентября 1801 года были подписаны: в Лондоне — предварительные условия мира между Англией и Францией; в Мадриде — договор между Францией и Португалией; в Париже — мир между Россией и Испанией, а вслед за тем — между Россией и Францией и, наконец, между Францией и Турцией¹.

Главные условия мира между Англией и Францией состояли в том, что первая возвратила все захваченные ею во время войны колониальные владения Франции, Испании и Голландии, за исключением островов Цейлона и Св. Троицы. Мальта должна была отойти к Ордену Иоанна Иерусалимского, а Египет — во владения Османской Порты. Условия эти впоследствии были дополнены и окончательно утверждены Амьенским миром, заключенным 15 марта 1802 года.

Мирный договор и секретная конвенция между Россией и Францией были подписаны 8 октября 1801 года. Это был первый русско-французский договор после революции 1789 года. Обе державы условились принять совместное участие в германских делах с целью упрочить политическое равновесие в Европе. Франция обязывалась содействовать вознаграждению Баварии, Вюртемберга и Бадена, вывести свои войска из неаполитанских владений; относительно сардинского короля было решено, что вознаграждения в его пользу будут впоследствии определены по обоюдному соглашению России и Франции.

Кроме того, обе стороны брали обязательства не оказывать «ни внешним, ни внутренним врагам другой нации никакой помощи войсками или деньгами под каким бы то ни было наименованием», предусматривалось также заключение русско-французского торгового договора. До его заключения торговые отношения должны были строиться «на основаниях, существующих до войны» [6, с. 96—101].

¹ Мирный договор между Португалией и Францией подписан в Мадриде 29 сентября. Прелиминарные статьи между Англией и Францией подписаны в Лондоне 1 октября. Мир между Испанией и Россией подписан в Париже 4 октября. Предварительные условия мира между Францией и Турцией подписаны в Париже 9 октября 1801 г., но окончательный договор был заключен только 25 июля 1802 г.

Заключенная в дополнение к мирному договору секретная конвенция от 10 октября определяла будущие русско-французские отношения. В ней прописывалась идея дипломатического сотрудничества двух стран при урегулировании германского и итальянского вопросов [6, с. 96—101]. Фактически это был раздел сфер влияния в Европе и установление совместного контроля России и Франции на дела Центральной Европы и Южной Италии.

Подписав договор и секретную конвенцию, Россия де-юре признала произошедшие во Франции со времен революции изменения. Республика становилась равноправной в сообществе великих держав Европы. На некоторое время русско-французские отношения были нормализованы.

Противостояние России и Франции завершилось. После кровопролитной войны стороны, осознав, что вражда между ними выгодна их противникам, пошли на сближение. Между Петербургом и Парижем не существовало серьезных разногласий и территориальных споров, из-за которых они должны были противостоять друг другу. В то же время агрессивная политика Франции в Германии, в Южной Италии, на Балканах вступала в противоречие со стратегическими интересами России в этих регионах, где Петербург стремился укрепить свое положение. Мирный договор, подписанный с Францией, и соглашение, заключенное с Англией, на время снизило внешнеполитическую напряженность в Европе. Российская империя, заключив мирные соглашения с соперничавшими друг с другом державами, сумела сохранить свое нейтральное положение в англо-французском противостоянии, не дав втянуть себя в антифранцузскую коалицию и не вступив в союз с Францией и Лигой вооруженного нейтралитета в войну с Великобританией.

Литература

1. Архив внешней политики Российской империи. – Ф. 74 (Сношения России с Пруссией).
2. Борисов Ю.В. Талейран. – М.: Рипол Классик, 2003. – 464 с.
3. Брикнер А.Г. Материалы для жизнеописания графа Н.П. Панина (1770–1837). – Т. 5 (Вице-канцлерство при Павле I, 1799–1801). – СПб.: Типография Императорской академии наук, 1891. – 674 с.
4. Вербицкий Э.Д. Германский вопрос в русско-французских отношениях 1800–1803 гг. // Ученые записки Херсонского педагогического института. – Херсон, 1948. – С. 3–59.
5. Вербицкий Э.Д. К вопросу о ближневосточной политике России на рубеже XVIII и XIX веков (О проекте русско-французского союза и раздела Османской империи

- Ф.В. Ростопчина) // Колониальная политика и национально-освободительное движение. – Кишинев, 1965. – С. 159–193.
6. Внешняя политика России XIX и начала XX века. – Серия 1 (1801–1815). – Т. 1 (март 1801 – апрель 1804). – М., 1960. – 800 с.
  7. Донесения императору Павлу Первому от нашего гамбургского резидента Муравьева-Апостола 1799–1800 // Русский архив. – М., 1912. – Вып. 11. – С. 381–400.
  8. Записка графа Ф.В. Ростопчина о политических отношениях России в последние месяцы Павловского царствования // Русский архив. – 1878. – Т. 1. – С. 103–110.
  9. *Захаров В.А.* История Мальтийского ордена в России. – М.: Вече, 2006. – 528 с.
  10. *Инструкция С.А.* Колычеву от 30 декабря 1800 г. // Русский архив. – 1874. – Т. 12.
  11. *Манфред А.Э.* Наполеон Бонапарт. – М.: Мысль, 1989. – 776 с.
  12. *Мартенс Ф.Ф.* Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россией с иностранными державами. – Т. 13. Трактаты с Францией (1717–1807). – СПб.: Типография Министерства путей сообщения, 1902. – 338 с.
  13. *Милютин Д.А.* История войны 1799 г. между Россией и Францией в царствование императора Павла I. – Т. 5. – СПб.: Типография Штаба военно-учебных заведений, 1853. – 536 с.
  14. Россия и Европа в период и после Французской революции конца XVIII в. // Сайт ИДД МИД России. – URL: https://idd.mid.ru/informacionno-spravocnye-materialy/-/asset_publisher/WsjViuPpk1am/content/rossia-i-evropa-v-period-i-posle-francuzskoj-revolucii-konca-xviii (дата обращения: 20.08.2021).
  15. *Трачевский А.С.* Дипломатические сношения России с Францией в эпоху Наполеона. – Т. 1 (1800–1802) // Сборник императорского Русского исторического общества. – Т. 70. – СПб.: Типография М.М. Стасюлевича, 1890. – 780 с.
  16. *Тьер А.* История консульства и империи во Франции. – Т. 2. – СПб., 1846.

Семенов Александр Владимирович,

кандидат исторических наук,
Дипломатическая академия МИД России, Москва.

Alexander V. Semenov,

Ph.D. (History),
Diplomatic Academy of the Russian Foreign Ministry, Moscow.

E-mail: legatus@bk.ru

К ВОПРОСУ О РУССКО-КИТАЙСКОМ ДОГОВОРЕ ОБ ОБОРОНИТЕЛЬНОМ СОЮЗЕ 1896 ГОДА

THE QUESTION OF THE RUSSIAN-CHINESE TREATY ON THE DEFENSIVE ALLIANCE OF 1896

Аннотация: Русско-китайский договор об оборонительном союзе 1896 года стал международно-правовым документом, положившим начало политике продвижения политических и экономических интересов Царской России на Дальнем Востоке. Он был первым равноправным договором Китая и одной из Великих держав — Российской империей. Договор оказался компромиссом между политическими требованиями Цинского Китая о совместной защите против Японии и внешнеэкономической стратегией России в Восточной Азии. Текст был составлен на французском и китайском языках, при этом в двух версиях существовали расхождения. В статье проанализирован текст Договора 1896 года на китайском языке и дана оценка языковым различиям, учитывая исторические и социокультурные особенности Китая того времени.

Ключевые слова: история международных отношений, история внешней политики России, история российско-китайских отношений, международный договор, КВЖД.

Abstract: The Russian-Chinese treaty on the defensive alliance of 1896 became an international legal document that laid the foundation for the policy of promoting the political and economic interests of Tsar Russia in the Far East. It became the first equal treaty between China and one of the Great Powers — the Russian Empire. The treaty was a compromise between Qing China's political demands for joint defense against Japan and Russia's foreign economic strategy in East Asia. The text was drafted in French and Chinese, with discrepancies between the two versions. In this paper, the text of the 1896 Treaty in Chinese and assessed the linguistic differences is analyzed and taking into consideration the historical and socio-cultural features of China at that time.

Key words: history of international relations, history of foreign policy of Russia, history of Russian-Chinese relations, international treaty, Chinese Eastern Railway, CER.

Прошло 125 лет с даты подписания между Царской Россией и Цинским Китаем Договора об оборонительном союзе 1896 года. В июне 2021 года в Институте востоковедения РАН прошла международная конференция, посвященная этой памятной дате. Доклады, представленные на конференции, показали, что и в настоящее время тема данного Договора остается актуальной и значимой для научного сообщества.

Русско-китайский договор об оборонительном союзе 1896 года стал международно-правовым документом, положившим начало политике «мирного» продвижения политических и экономических интересов Царской России на Дальнем Востоке. Договор был секретным. Стороны не хотели разглашать цель и содержание документа.

В целом конфиденциальность Договора была сохранена до Октябрьской революции 1917 года. После прихода к власти правительство большевиков отказалось от всех тайных договоров с Китаем, заключенных царским правительством.

25 июля 1919 года заместитель Наркома по иностранным делам Л. М. Карахан опубликовал «Обращение Правительства РСФСР к китайскому народу и Правительствам Южного и Северного Китая», в котором говорилось о переговорах, проводимых до марта 1918 года, об аннулировании Договора 1896 года и других соглашениях Царской России и Китая [11].

Как исторический источник Договор 1896 года был опубликован в книге Э. Д. Гримм «Сборник договоров и других документов по истории международных отношений на Дальнем Востоке (1842—1925)» в 1927 году [4]. Текст договора был напечатан также в «Сборнике договоров России с другими государствами (1856—1917)» в 1952 году [15]. Впервые введен в научный оборот Б. А. Романовым и опубликован в 1924 году в журнале «Борьба классов» [13, с. 111], а также в его монографии «Россия в Маньчжурии (1842—1906)» 1928 года [13, с. 111—112]¹.

Текст Русско-китайского договора об оборонительном союзе 1896 года был составлен на китайском и французском языках, причем последний имел преимущественную силу. Поэтому все переводы в сборниках документов были сделаны с французского языка. В работах советских и российских историков также использовалась французская версия. В то же время китайские ученые в своих работах обращались к китайской версии договора [20, с. 287—289]. Несмотря на то что текст на обоих языках был признан аутентичным, существовали некоторые расхождения двух версий одного текста.

¹ Книга Б. А. Романова [13] была переведена на китайский язык в 1980 году и является ценным источником для изучения внешней политики Царской России в Китае.

Предыстория Договора

Царская Россия и Цинская империя пришли к заключению Договора об оборонительном союзе 1896 года с разным внешнеполитическим багажом.

Феодальная система управления Цинского Китая под ударами Великих держав и из-за внутренних волнений оказалась в глубоком экономическом и политическом кризисе. Китай последовательно скатывался на положение полуколонии.

К началу 90-х годов XIX века Великие державы переходят от стадии экспорта товаров к стадии вывоза капитала. Характерной особенностью этого периода стала «битва за концессии». В конкурентную борьбу за раздел Китая с Англией, Францией вступили Германия и Япония, которые также стремились занять свое место среди Великих держав. Победа Японии в Японо-китайской войне 1894—1895 годов свидетельствовала о появлении нового сильного игрока и конкурента в борьбе за китайскую территорию.

До середины XIX века Царская Россия была в большей степени занята европейскими делами. Однако поражение в Крымской войне 1853—1856 годов и угроза захвата дальневосточных территорий со стороны Англии и Франции заставили российское правительство обратить внимание на Восточную Азию. В 1858 году были заключены Айгунский и Тяньцзиньский русско-китайские договоры, в 1860 году — Пекинский договор, в которых были решены вопросы восточной границы и в основном намечена западная граница между территориями России и Китая.

Несмотря на внешнеполитические успехи на Дальнем Востоке, в целом политика России в Восточной Азии была достаточно пассивной. Отсутствие современных средств сообщения тормозило развитие региона и его защиту в случае агрессии других стран.

29 марта 1891 года император Александр III подписал указ о строительстве Великого Сибирского пути. К началу 1895 года, когда железная дорога достигла Забайкалья, существовало несколько проектов ее дальнейшего строительства. Первый — северная ветка: от Читы до Благовещенска и далее вдоль левого берега Амура к Хабаровску, второй — южная ветка: от Читы до Владивостока через Северную Маньчжурию. Оба маршрута планировали проложить через территорию Цинской империи.

Первый проект предложил директор Азиатского департамента Министерства иностранных дел граф Д. А. Капнист. Он предлагал действовать умеренно и осторожно. Необходимая территория под железную дорогу в связи со своей удаленностью от основных центров Маньчжурии не привлекала стратегическое внимание Цинского правительства и Великих держав. Этот вопрос, по его мнению, можно было решить с помощью дипломатической переписки [13, с. 97—98].

Второй проект продвигал и защищал министр финансов С. Ю. Витте. Его план являлся геополитическим: железная дорога рассматривалась не просто как транспортная магистраль, а как инструмент «мирного» торгово-экономического проникновения в Северную Маньчжурию. Его план преследовал также стратегические цели: кроме основной линии до Владивостока предлагалось построить железнодорожную ветку в сторону Южной Маньчжурии, чтобы выйти к китайским портам, которые можно было использовать круглогодично. Этот план отвечал стремлениям императора Николая II и военной верхушки иметь незамерзающий порт на Дальнем Востоке для базирования Тихоокеанского флота¹. Реализация этого проекта позволяла поставить под контроль всю Маньчжурию и вытеснить конкурентов. Второй проект был смелым, но рискованным, так как затрагивал потенциальные интересы Японии и других Великих держав.

Активизация внешней политики России в Восточной Азии произошла после поражения Китая в Японо-китайской войне 1894—1895 годов и усиления позиций Японии в Южной Маньчжурии. По Симонсекскому договору (апрель 1895 г.) под ее контроль переходил Ляодунский полуостров с портами Далянь (Дальний) и Люйшунь (Порт-Артур).

Российская дипломатия энергично включилась в борьбу за Маньчжурию: организовала демарш трех держав — Германии, Франции и России — против аннексии Японией территории и портов Южной Маньчжурии, добилась замены территориальных завоеваний на выплату контрибуции и оказала помощь Цин-

скому правительству в получении займа под низкий процент для выплаты военного долга¹.

Успехи внешнеполитической деятельности Царской России получили признание Цинских сановников. Даже бывшие противники России [8, с. 197] — крупные сановники Лю Кунь² и Чжан Чжидун³ — в докладах императору предлагали «установить дружественные отношения с Россией на длительное время и заставить японцев и другие державы считаться с Китаем» [17, с. 423].

Сторонником сближения с Россией в Цинском правительстве был крупный государственный деятель и дипломат Ли Хунчжан. Он предлагал применить стратегию «и чжи и» (прибегнуть к помощи одних варваров против других)⁴ и использовать Россию в противовес Англии как защиту от Японии.

После подписания 6 июля 1895 года Декларации о заключении четырехпроцентного китайского займа на выгодных условиях позиции России в Цинской империи значительно укрепились. Как писал российский посланник в Пекине А. П. Кассини, китайская сторона «прекрасно понимала, что рано или поздно каждая из заступившихся за него держав напомнит ему о его долге и потребует того или иного вознаграждения...» [цит. по: 6, с. 78].

Окончательное принятие проекта С. Ю. Витте произошло осенью 1895 года, когда обострилась «битва за концессии» в Китае. Франция, США, Англия стали выходить на Цинское правительство со своими предложениями по строительству железных дорог. Надо было принимать решение и действовать. С. Ю. Витте считал, что за помощь в получении займа Цинское правительство может дать концессию под его проект.

¹ Внешняя политика России в этот период оценивается неоднозначно. Китайские историки считают, что Россия только играла роль «благодетеля» и навязала Цинам займ для выплаты контрибуции [8, с. 177, 183]. Советский ученый В. П. Коряков полагал, что Россия, имея общую протяженную границу с Китаем, была заинтересована в сохранении независимости, суверенитета и территориальной целостности Поднебесной, поэтому стремилась оказать помощь и облегчить условия займа [6, с. 65, 74]. С ним спорит российский историк И. В. Лукоянов, который полагает, что вряд ли политику России можно считать бескорыстной [8, с. 202]. По всей вероятности, Царская Россия только начинала осуществлять свою дальневосточную политику, выступала против усиления других держав и стремилась сохранить статус-кво, особенно в Северо-Восточном Китае.

² Лю Кунь (1830—1902) принимал участие в подавлении войны тайпинов (1850—1864), член движения «самоусиления» (1860—1890), наместник Лянцзяна (трех провинций: Цзянсу, Цзянси и Аньхой).

³ Чжан Чжидун (1837—1909) — один из самых известных китайских сановников конца правления династии Цин, родоначальник движения «самоусиления», губернатор провинций Шэньси, Хунань, Хубэй.

⁴ Кит.: 以夷治夷

¹ Владивосток и имеющиеся бухты были замерзающими.

В ноябре 1895 года по указанию царя Министерство иностранных дел начало проработку с китайскими официальными лицами плана С. Ю. Витте о предоставлении концессии на строительство железной дороги в Северной Маньчжурии. Уже к концу 1895 года борьба за концессию в Северо-Восточном Китае стала главной целью Царской России для решения своих военно-политических задач и продвижения экономических и торговых интересов на Дальнем Востоке.

Целью Цинского правительства после поражения в Японо-китайской войне было препятствовать разделу Китая, сохранить суверенитет и территориальную целостность государства. Для этого необходим был союз с одной из Великих держав. В этот исторический момент Царская Россия имела общего с Цинским Китаем противника — Японию, — угрожавшего ее влиянию на Дальнем Востоке. Временный общий интерес двух стран создавал потребность в оборонительном союзе. В то же время Цины выступали против строительства железной дороги на условиях предоставления концессии, так как не хотели создавать прецедент для выдвижения аналогичных требований со стороны других Великих держав.

Сближение позиций сторон произошло во время визита посольства Цинского Китая во главе с полномочным посланником Ли Хунчжаном в Москву для участия в коронации императора Николая II в мае 1896 года. К этому времени отношение китайской стороны к строительству железной дороги было скорректировано. Точка зрения Ли Хунчжана была следующей: Китай строит дорогу сам, но на русские деньги, по русским стандартам и с помощью русских инженеров [8, с. 214]. На изменение позиции, вероятно, повлияли переговоры с Францией о предоставлении концессии на строительство железной дороги из Вьетнама на территорию Китая. Условия договора с Францией были похожи на позицию Ли Хунчжана [6, с. 89—91].

Тем не менее на переговорах в Москве стороны по-разному расставили свои приоритеты: С. Ю. Витте настаивал на первичности концессии, а Ли Хунчжан твердо стоял на том, что во главу угла надо ставить вопрос об оборонительном союзе. Во время обсуждения договора император Николай II несколько раз принимал Ли Хунчжана, после чего российская сторона согласилась с союз-

ным характером договора, но в тесной увязке со строительством железной дороги. Ли Хунчжан признал также тесную связь вопросов союза и предоставления концессии. В конце концов, 22 мая (3 июня по новому стилю) 1896 года договор был подписан.

Русско-китайский договор об оборонительном союзе 1896 года явился результатом компромисса двух изначально противоположных позиций. В тексте Договора нашло отражение сближение позиций сторон, однако каждый участник стремился с помощью языковых средств усилить свою позицию.

Разные оценки и толкования данного Договора уходят своими корнями в компромиссный текст документа.

Дискуссии вокруг Русско-китайского договора об оборонительном союзе 1896 г.

Хотя история подписания и реализации Русско-китайского договора 1896 года насчитывает более 100 лет, предмет Договора по-прежнему остается в центре исследований и дискуссий мирового научного сообщества. Советские, а затем российские ученые постоянно обращались к этой теме. На основе новых архивных материалов был написан ряд монографий и статей, в которых были более полно изложены события, связанные с Договором, уточнялись позиции его участников, их мотивы и действия [1; 2; 9; 14, с. 57—64; 16].

После начала политики реформ и открытости в Китае были опубликованы более двух тысяч работ о российско-китайских отношениях, более 50 статей затрагивали проблемы Договора 1896 года¹.

Западные историки также не обошли стороной эту тему. В своих исследованиях они обращали внимание на геополитическое соперничество Великих держав в Китае в конце XIX века и делали акцент на более агрессивной, чем у остальных стран, политике Царской России в Восточной Азии².

Большое влияние на трактовку Договора оказали политические и идеологические факторы, а именно: относится ли он к равноправным договорам или неравноправным.

В китайской историографической традиции все договоры, подписанные Цинским Китаем с Великими державами в XIX веке,

¹ См. подробнее: [19].

² Позиция американского ученого Г. Ленсена [14, с. 62].

относились к неравноправным. Ряд историков КНР полагали, что и большинство договоров правительства Бэйянских милитаристов (1911—1928) и гоминьдановского Китая (1928—1949) также были уступкой западным странам [3]. Только в XXI веке китайские историки стали более дифференцированно подходить к неравноправным договорам.

Некоторые ученые предложили считать Договор об оборонительном союзе 1896 года равноправным [7], а некоторые полагали, что даже если его нельзя признать полностью равноправным, то он, несомненно, был полезен для Китая¹.

Западные ученые, исходя из теории модернизации Востока силами Великих держав, называли период с 1842 по 1943 год «эпохой договоров». Китай подключался к международно-правовой системе и договорной практике западных стран. Условия взаимодействия не были равноправными, но в обстановке внешних угроз и внутренней смуты (период войны тайпинов, милитаристский раскол страны после Синьхайской революции 1911 г.) подписание так называемых неравноправных договоров было наименьшим злом. Более того, требование предоставить права экстерриториальности, консульской юрисдикции, наибольшего благоприятствования и т. д. было выходом для Цинских сановников, чтобы избежать военных действий со стороны западных стран, а затем Японии. По мнению западных историков, термин «неравноправные договоры» был излишне политизирован в ходе растущего национализма и борьбы за власть в Китае. Несмотря на принятие Конвенции по международным договорам 1969 года, нечеткость понимания термина «неравноправный договор» проявляется и в наши дни — при подписании соглашений между странами с разным политическим, экономическим и военным потенциалом [23].

В советское время политика Царской России в Китае в конце XIX века признавалась как участие в «битве за концессии» и борьба за сферы влияния на севере Поднебесной в целях расширения экономической экспансии [10, с. 271].

Российские историки не считают Союзный договор 1896 года неравноправным. Он в целом оценивается положительно. Одни

¹ Мнение профессора Цицикарского университета, иностранного члена РАН Ли Яньлина, представленное на Международной научной конференции, посвященной Договору 1896 года, см. подробнее: [5].

ученые полагают, что в тот исторический момент международные позиции России и Цинского Китая совпадали и Договор соответствовал национальным интересам обеих стран [2, с. 9]. Другие рассматривали Союзный договор с точки зрения последствий его реализации и приходили к выводу, что Россия была втянута в осуществление экспансионистской политики, которая закончилась крахом [8, с. 222]. Третьи предполагали, что взаимовыгодное сотрудничество двух стран, которому положил начало Союзный договор, следовало бы продолжать, а дальневосточную политику России — реализовывать на своей земле, а не за счет чужих территорий [1, с. 130].

Особенности текста Договора

До сих пор в российской науке нет единого мнения в отношении официального названия указанного Договора. Встречаются похожие, но разные названия: Русско-китайский договор 1896 года, или Русско-китайский Московский договор 1896 года, или Русско-китайский договор 1896 года о союзе и постройке КВЖД (секретный). В «Сборнике договоров России с другими государствами (1856—1917)» [15] данный документ называется «Союзный договор России и Китая 1896 г.». На конференции в Институте востоковедения РАН приводится название «Русско-китайский союзный Московский договор 1896 г.».

В связи с тем, что Договор не был озаглавлен, в статье используется название «Русско-китайский договор об оборонительном союзе 1896 г.»¹, как изложено в преамбуле французской версии, которая имела преимущественную силу.

Отсутствие названия Договора, вероятно, было связано с его секретностью. Поскольку название в концентрированном виде представляет содержание Договора, то стороны хотели избежать разглашения информации.

В преамбуле приоритетной французской версии целью Договора был назван «une alliance défensive», то есть оборонительный союз, что и являлось общим смыслом документа. Все остальные положения, в том числе и постройка Китайско-Восточной железной дороги (КВЖД), на которой делают акцент российские авторы, были существенными условиями заключения Договора.

¹ Французская версия Договора [см.: 13]. Китайский перевод французского варианта — «防御同盟条约» (Договор об оборонительном союзе) [см.: 22].

В своих последних исследованиях китайские ученые обращают внимание на союзный характер Договора, но сразу оговариваются, что Китай делал только первые шаги в поисках союзника и что в союзных отношениях он занимал слабую позицию, что привело к неудаче союза с Россией [21]. В китайской версии Договор назывался «御敌互相援助条约» (юйди хусян юаньчжу тяюэ), то есть договор о взаимной помощи и отпоре врагу, и отсутствовало понятие «союзный».

Можно высказать предположение, что понимание терминов «союз», «союзные отношения» в Китае и в России имело отличия.

Понятие «союз» в китайском языке передается двумя словами:

同盟 тунмэн — союз, объединение государств на основе формальных или неформальных обязательств;

联盟 лянмэн — коалиция, добровольное объединение государств, организаций, политических партий для достижения общей цели.

Оба понятия восходят к «клятвенным договорам» 盟约 мэньюэ периода династии Чжоу (1122 до н. э. по 249 до н. э.). Именно в то время в международной сфере были заложены две концепции: одна — вертикально-иерархическая «данническая» система — «Сын Неба — варвары»; вторая — горизонтально-иерархическая между 诸侯 Чжухоу (правителями владений), которые были или родственниками, или соратниками Чжоуского вана. Правители владений заключали между собой «клятвенные договоры» для определения и подтверждения своего статуса в общем миропорядке династии Чжоу [12]. Участники этих договоров произносили клятву и скрепляли соглашение кровью жертвенного барана. На первый взгляд они были равноправными. Однако главным в союзе, закреплённом «клятвенным договором», был участник, который пускал кровь жертвенного животного. Поэтому согласно китайской традиции в союзе была главная, ведущая, сторона и второстепенная, ведомая, сторона.

В связи с тем, что картина мира и мышление Цинов имели традиционный характер и были далеки от провозглашаемого Великими державами миропорядка, а дипломатия их сановников отличалась от установившихся западных стандартов и была по сути стратагемной, присутствие в китайской версии Договора названия «союзный» (同盟 тунмэн) вызвало бы вопрос 总理衙门

Цзунлиямэня — Главного управления по международным делам династии Цин (1861—1901 гг.): кто в союзе играет главную роль? Китай или Россия? Любой ответ вызывал дальнейшие вопросы. Если в союзе первенствовала Россия, то не жертвовал ли Китай национальными интересами? Если главным в союзе был Китай, то почему он допустил наличие в Договоре в качестве существенного условия сдачу китайской территории в концессию России?

Наилучшим выходом из создавшегося положения было оставить название «Союзный договор» во французской версии, а в китайской версии выразить союзные отношения как оказание взаимной помощи при отпоре врагу.

Таким образом, уже в преамбуле Русско-китайского договора об оборонительном союзе 1896 года четко обозначен предмет документа — заключение союза против Японии.

Для Ли Хунчжана, полномочного представителя Цинского императора, целью поездки в Москву и участия в коронации Николая II было осуществление стратагемного плана «联俄拒日» (союз с Россией и сопротивление Японии). Ему нужно было доказать правильность линии, которую поддерживала императрица Цыси, — «использовать Россию в борьбе против Японии».

В то же время Цинское правительство понимало, что нужно делать уступки по двум вопросам, интересовавшим российскую сторону: 1) концессия на железную дорогу; 2) предоставление незамерзаемого порта [13, с. 114]. Даже осознавая необходимость уступок, Ли Хунчжан стремился «слабость превратить в силу» и согласовать такой текст Договора, который, прежде всего, демонстрировал защиту суверенитета и территории Цинской империи, а затем уже отвечал интересам Царской России.

Если судить по китайской версии Договора, которая была в конечном итоге утверждена Цзунлиямэнем — Главным управлением по иностранным делам — и ратифицирована Цинским императором, то с формальной стороны Ли Хунчжан выполнил свою миссию. Договор составлен как оборонительный союз.

В преамбуле четко оговариваются цели Договора: «... желая сохранить нынешнюю мирную обстановку и не допустить нового вторжения других государств на Азиатский материк в дальнейшем» [8, с. 178], стороны заключают договор об отпоре врагу и взаимной помощи. Несмотря на очевидную направленность До-

говора против Японии, китайская сторона хотела добавить в качестве потенциальных агрессоров Англию и Францию, но российская сторона не согласилась с этим предложением [8, с. 216].

В статье 1 указывается направленность Договора против Японии, в случае ее вторжения в Азиатскую часть России, Китай или Корею, которая являлась зависимым государством от Китая и сферой влияния России. Включив интересы третьих стран — Кореи — в содержание Договора, стороны не отказались, хоть и под благовидным предлогом, от навязывания своей воли другим. Статус Китая в этом случае повышался до статуса России.

Стороны также обязались поддерживать друг друга морскими и сухопутными силами и помогать друг другу в поставке боеприпасов и продовольствия. В этой части статьи китайская сторона также зависила свои возможности в военной помощи России, в случае если нападение произойдет на русском Дальнем Востоке. Если Россия будет воевать на территории Китая против Японии, то тогда Китай реально мог оказать помощь.

В статье 2 содержится условие, обязывающее одну сторону не заключать мирного договора без консультации с другой стороной. В этом случае позиции сторон равноправны и симметричны.

В статье 3 говорится об открытии всех портов Китая для захода русских военных кораблей и оказании помощи им со стороны местных властей. Тем не менее эта возможность существовала только в военное время и в случае необходимости.

Только в статье 4 стороны договариваются о создании инструмента для борьбы против Японии. «В целях быстрой переброски войск для отпора врагу и организации поставок боеприпасов и продовольствия Китайское государство разрешает строительство железной дороги в Китайском Хэйлунцзяне и Гирине до Владивостока» [цит. по: 8, с. 178].

Предоставление права России строить железную дорогу для оказания военной помощи Китаю было обставлено целым рядом условий:

- во-первых, строительство железной дороги не могло быть предлогом захвата китайской территории;
- во-вторых, строительство железной дороги не могло препятствовать исполнению надлежащих прав императора Цинского Китая;

- в-третьих, подряд на строительство и управление передавались Китайским государством не российскому правительству, а коммерческому Китайско-русскому банку¹;
- в-четвертых, условия контракта будут в ближайшее время обсуждаться китайским посланником в России и банком.

В данной статье Китаю предоставляется гарантия от аннексии территории, нарушения верховных прав императора, передачи концессии иностранному государству. Несмотря на наличие существенных условий, окончательное решение вопроса о строительстве железной дороги было отложено на три месяца до встречи китайского посланника и представителей банка.

В статье 5 уточнялись права России на использование железной дороги. При отпоре врагу Россия могла использовать железную дорогу, упомянутую в статье 4, для перевозки войск, продовольствия и боеприпасов. В мирное время Россия могла использовать ее для транзитных перевозок войск и продовольствия, причем не разрешались остановки, кроме необходимых временных транзитных. В приоритетной французской версии речь шла о свободном использовании железной дороги, в то время как китайский вариант говорит о простом использовании.

В статье 6 вступление Договора в силу увязывалось с ратификацией контракта по статье 4. Весь договор был рассчитан на 15 лет.

В результате подписания договора 1896 года Ли Хунчжан добился целей, которые он как полномочный представитель Цинского императора ставил во время поездки в Россию:

- сработал его стратегаемный план, и с Россией был создан оборонительный союз против Японии;
- пришлось согласиться на предоставление концессии на железную дорогу через территорию Северной Маньчжурии до Владивостока, но было отказано в строительстве железнодорожной ветки в сторону Южной Маньчжурии [13, с. 114];
- китайские порты открыли для русских военных кораблей, но только на время военных действий, тем самым был снят вопрос о предоставлении России незамерзающего порта;

¹ В русском переводе — Русско-китайскому банку.

- уступки в пользу России сопровождались многочисленными формальными ограничениями, которые особенно не влияли на цели русской стороны — получить концессию на железную дорогу.

Анализ текста показал, что подписание Договора именно в такой редакции было несомненным успехом Ли Хунчжана. Ему удалось добиться того, чтобы вопросы безопасности двух государств и создание оборонительного союза стали приоритетными статьями документа. Именно такой текст был поддержан Цзунлиамэнем и согласован маньчжурским императором.

Такая позиция не шла вразрез с точкой зрения российского внешнеполитического ведомства и императора Николая II, которых тоже беспокоили угрозы дальневосточным рубежам России.

В Договоре было учтено также мнение Министерства финансов о строительстве железной дороги как экономическом обеспечении союзных отношений. Статус важного для стратегии С. Ю. Витте вопроса о концессии был снижен до коммерческого уровня — подписания соответствующего контракта между полномочным посланником Цинского Китая Сюй Цзинчэном и Русско-китайским банком. Однако заключение контракта было увязано с вступлением в силу Договора об оборонительном союзе, поэтому явилось существенным условием реализации основного межправительственного документа.

Заключение

Русско-китайский договор об оборонительном союзе 1896 года был первым равноправным договором Китая и одной из Великих держав — Царской Россией. Документ не был навязан победившей стороной, так как войны между двумя государствами не было, а также не был подписан с применением силы или угрозы применения силы. Он стал компромиссом между политическими требованиями Цинского Китая о совместной защите против Японии и начинающей набирать силу внешнеэкономической стратегией России в Восточной Азии.

Данный Договор явился юридическим основанием для строительства КВЖД, которая сыграла важную роль как в истории Китая, так и в истории Царской России, а затем и СССР.

Особенностью Договора является определенное несоответствие духа и буквы документа, что и привело в дальнейшем к разному его толкованию. Расширенная трактовка приводила к оценке Договора как неравноправного, ущемлявшего интересы Китая и предоставлявшего одностороннюю выгоду России. Узкая трактовка документа показывала, что формально китайский текст отвечал интересам Цинской монархии, основные цели, поставленные перед Ли Хунчжаном, были достигнуты и с оговорками удовлетворены интересы России.

Недаром, вернувшись в сентябре 1896 года в Китай после своей длительной заграничной поездки, Ли Хунчжан с удовлетворением говорил Хуану Цзуньсяню, известному дипломату и поэту периода Цин: «Двадцать лет были безрезультатны, но теперь я получил всё сразу» [17, с. 424].

Литература

1. Волохова А.А. К истории русско-китайского договора 1896 г. // Проблемы Дальнего Востока. – 2001. – № 5. – С. 125–130.
2. Галенович Ю.М. Россия – Китай: шесть договоров. – М.: Муравей, 2003. – 408 с.
3. Гао Фан. Цзинсиньдай Чжунго бупиндэнтяюэ дэ лайлунцуй май (История вопроса неравноправных договоров в новом и новейшем Китае) // Сайт Чжунго шэхуй кэсюэ ван (Китайская сеть общественных наук). – URL: http://ex.cssn.cn/zxx/xsdj_zxx/gf/201805/t20180531_4328287.shtml (дата обращения: 31.07.2021).
4. Гримм Э.Д. Сборник договоров и других документов по истории международных отношений на Дальнем Востоке (1842–1925). – М.: Издание Ин-та востоковедения им. Н.Н. Нариманова, 1927. – 218 с.
5. К 125-й годовщине Русско-китайского союзного Московского договора 1896 года: История и современность. 16 июня 2021 г. – URL: <https://www.ivran.ru/novosti?artid=17531> (дата обращения: 28.10.2021).
6. Коряков В.П. Политика Франции в Китае в конце XIX в. – М.: Наука, Главная редакция восточной литературы, 1985. – 240 с.
7. Ло Чжэнь. «Чжун э миюэ» шифоу бупиндэн тьяюэ (Является ли «Китайско-русский секретный договор» неравноправным) // Бэйфанлунцун. – 1997. – № 6. – С. 85–89.
8. Лукьянов И.В. «Не отстать от держав...» Россия на Дальнем Востоке в конце XIX – начале XX вв. – СПб.: Нестор-История, 2008. – 668 с.
9. Лукьянов И.В. Первый русско-китайский договор 1896 г. // Санкт-Петербург – Китай, Три века контактов. – СПб.: Европейский дом, 2006. – С. 180–212.
10. Новая история Китая. – М.: Наука, Главная редакция восточной литературы, 1972. – 638 с.
11. Обращение Правительства РСФСР к китайскому народу и Правительствам Южного и Северного Китая. 25 июля 1919 г. // 100(0) ключевых документов по российской и советской истории. – URL: https://www.100dokumente.de/?c=dokument_ru&dokument=0015_kar&l=ru&object=translation (дата обращения: 31.07.2021).
12. Политическая культура традиционного Китая // Духовная культура Китая: энциклопедия. – Т. 4. Историческая мысль. Политическая и правовая культура / под ред. М.Л. Титаренко и др. – 2009. – 935 с.
13. Романов Б.А. Россия в Маньчжурии (1842–1906). Очерки по истории внешней политики самодержавия в эпоху империализма. – Л.: Издание Ленинградского Восточного ин-та им. А.С. Енукидзе, 1928. – 613 с.

14. *Самойлов Н.А.* От баланса к колониализму. Российско-китайские отношения от их зарождения до 1917 г. // Россия и Китай: четыре века взаимодействия. История, современное состояние и перспективы развития российско-китайских отношений / под ред. А.В. Лукина. – М.: Весь Мир, 2013. – С. 15–119.
15. Сборник договоров России с другими государствами. 1856–1917. – М.: Госполитиздат, 1952. – 470 с.
16. *Тихвинский С.Л.* Восприятие в Китае образа России. – М.: ИДВ РАН, Наука, 2008. – 244 с.
17. *Фань Вэньлань.* Новая история Китая. – Т. 1. – М.: Изд-во иностранной литературы, 1955. – 600 с.
18. *Цзян Чанбинь.* Чжун Эго цзедундуань дэ яньбянь. – Пекин: Изд-во «Чжунъян вэньсянь чубаньшэ», 2007. – 489 с.
19. Чжун Э ми юэ (Китайско-русский секретный договор) // Чжунго чживан (Научная база: Китайская национальная инфраструктура знаний). – URL: https://gb.global.cnki.net/kns/brief/default_result.aspx (дата обращения: 28.10.2021).
20. *Чу Дэсинь, Лян Дэ.* Чжунвай юэчжан хуэйяо (1689–1949) (Сборник международных договоров Китая и иностранных государств (1689–1949)). – Харбин: Изд-во «Хэйлунцзян жэньминь чубаньшэ», 1991. – С. 287–289.
21. *Чэн Сяохэ.* Синь Чжунго тунмэн вайцзяо (Дипломатия союзов нового Китая). – Сингапур: Изд-во «Бафан вэньхуа чуанцзоши», 2019. – С. 72–79.
22. 中俄密约. Чжун Э ми юэ (Китайско-русский секретный договор) // Сайт Энциклопедии «Соугоу Байкэ». – URL: <https://baike.sogou.com/v467858.htm> (дата обращения: 31.07.2021).
23. *Dong Wang.* China's Unequal Treaties: Narrating National History. (AsiaWorld.). – Lanham, Md.: Rowman and Littlefield, 2005. – 179 p.

Гришаева Лидия Евгеньевна,

доктор исторических наук, профессор,
Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва.

Lidiya E. Grishaeva,

Doctor of History, Professor, Moscow State University M.V. Lomonosov, Moscow.

E-mail: ligrish@mail.ru

ДИПЛОМАТИЯ В.И. ЧУРКИНА: ВКЛАД В УРЕГУЛИРОВАНИЕ КОСОВСКОГО КОНФЛИКТА

V.I. CHURKIN'S DIPLOMACY: CONTRIBUTION TO SETTLEMENT OF THE KOSOVO CONFLICT

Аннотация: автор пишет о видном советском, российском дипломате — Виталии Ивановиче Чуркине, который на протяжении нескольких десятилетий представлял нашу страну на дипломатическом поприще, в том числе в ООН. Чуркин твердо отстаивал интересы нашего государства на международной арене и при этом мог четко сформулировать собственную позицию по важнейшим вопросам мировой политики. Будучи высоким профессионалом и прекрасно владея иностранными языками, Чуркин мог правильно интерпретировать внешнеполитическую стратегию нашей страны и доходчиво доносить ее смысл до западных коллег, что помогало находить политические развязки конфликтных ситуаций в ходе урегулирования международных региональных кризисов. Зная многие нюансы, и глубоко осознавая суть обсуждаемых спорных проблем, Чуркин обладал редкостным даром убеждения, способствовавшим достижению консенсуса сторон в их разрешении. Особо это проявилось при урегулировании такого сложного по своей природе и одного из самых острых региональных международных конфликтов — косовского, последствия которого проявляются до сих пор. Дипломатическая деятельность В. И. Чуркина требует проведения тщательного анализа его наследия, с тем чтобы глубже осознать роль личности в истории нашего государства и в отстаивании главных принципов международной безопасности и мироустройства без глобальных конфликтов.

Ключевые слова: Виталий Чуркин, дипломатическое мастерство, международные региональные конфликты, Косово, Совет Безопасности ООН, Генеральная Ассамблея ООН, Устав ООН.

Abstract: the author writes about a prominent Soviet, Russian diplomat — Vitaly Ivanovich Churkin, who for several decades represented our country in the diplomatic field, including the UN. Churkin firmly defended the interests of our state in the international arena, and at the same time could clearly formulate his own position on the most important issues of world politics. Being a high professional and fluent in foreign languages, Churkin could correctly interpret the foreign policy strategy of our country and clearly convey its meaning to his Western colleagues, which helped to find political solutions to conflict situations in the course of resolving international regional crises. Knowing many of the nuances, and deeply aware of the essence of the controversial issues discussed, Churkin possessed a rare gift of persuasion, which contributed to the achievement of a consensus of the parties in their resolution. This was especially evident in the settlement of such a complex in nature and one of the most acute regional international conflicts — the Kosovo one, the consequences of which are still evident. Diplomatic activity of V. I. Churkin demands a thorough analysis of his legacy in order to better understand the role of the individual in the history of our state and in upholding the main principles of international security and a world order without global conflicts.

Key words: Vitaly Churkin, diplomatic skill, international regional conflicts, Kosovo, UN Security Council, UN General Assembly, UN Charter.

Международные региональные конфликты

Проблема урегулирования региональных конфликтов особую актуальность приобретает в настоящее время из-за обострения ситуации в мире и необходимости повышения уровня международной безопасности. В условиях глобализации произошло качественное усложнение природы конфликтов. Региональные международные конфликты необходимо урегулировать политическими средствами и прилагать все усилия для их локализации, с тем чтобы они не переросли в новую глобальную войну. Региональные конфликты затрагивают интересы разных государств и проводят к участию в их разрешении всех стран — членов ООН, межправительственной организации ядерной эпохи, которая изначально была создана для поддержания международной безопасности и предотвращения новой глобальной войны политическими способами. Вместе с тем общее количество международных региональных конфликтов продолжает нарастать, возникают их новые, более сложные формы, включающие в себя совокупность множества факторов (социально-политических, этнополитических, конфессиональных и т. д.). Надо признать, что ООН не всегда успешно справляется с их разрешением, поскольку для предотвращения региональных кризисов нужны особые, более тонкие и разнообразные механизмы — дипломатические, политические, юридические и т. д. И хотя острую фазу региональных конфликтов удается приглушить, остановив прямые военные столкновения, но многие кризисы до сих пор остаются в «замороженном» состоянии. Международно-правовые аспекты признания возникающих новых государственных образований в усложнившихся условиях глобализации требуют тщательной проработки и уточнения.

Основная причина очевидного кризиса ООН в области поддержания мира и международной безопасности кроется в проблеме соблюдения норм международного права и претворения в жизнь решений Совета Безопасности ООН. Наметилась опасная тенденция действовать в обход Устава ООН и Совета Безопасности. Наиболее распространенным примером служит так

называемая гуманитарная интервенция сил НАТО в Югославию, которая являлась не чем иным, как актом агрессии против суверенного государства. С политической точки зрения это был прямой удар по авторитету Совета Безопасности ООН. Эффективность международно-правового урегулирования конфликтных ситуаций зависит от самих государств — членов ООН. Необходимо не только соблюдать уставные принципы ООН, но и предотвращать «двойные стандарты» в их трактовке.

Одним из самых острых международных региональных конфликтов, принявшим форму вооруженного столкновения противоборствующих сторон внутри бывшей Югославии и военного вмешательства внешних сил в его разрешение, был косовский кризис.

В. И. Чуркин на протяжении длительного времени представлял нашу страну в ООН. Надо отдать должное высокому профессионализму этого крупного дипломата, поскольку он мог правильно интерпретировать внешнеполитическую стратегию нашей страны и доходчиво доносить ее смысл до западных коллег, что помогало находить политические развязки конфликтных ситуаций в ходе урегулирования международных региональных кризисов. Эти таланты сыграли значимую роль при урегулировании такого сложного по своей природе и одного из самых острых региональных международных конфликтов современности — косовского.

Косово

Косовская проблема представляет собой сложный, многоконфессиональный, полиэтнический конфликт, связанный с распадом бывшей Югославии. Разобраться в сути югославского кризиса, основной частью которого был косовский конфликт, можно только с учетом достижения консенсуса всех задействованных в нем сторон. Найти приемлемые способы политического урегулирования косовского кризиса было нелегко. Сделать это можно было только при содействии ООН, которая является всеобщей организацией по поддержанию международной безопасности и урегулированию мировых конфликтов.

В. И. Чуркин был глубоко погружен как в саму проблему бывшей Югославии, так и в косовский вопрос. Будучи на посту заместителя министра и специального представителя Президента

РФ на Балканах, В. И. Чуркин внес большой вклад в урегулирование кризиса в бывшей Югославии.

В период войны в Боснии В. И. Чуркин был специальным представителем Президента Российской Федерации на Балканах, курируя разрешение конфликта в бывшей Югославии. В. И. Чуркин участвовал в переговорах со всеми сторонами конфликта, а также с ООН, ЕС, США и Канадой, приведших к возникновению «политической коалиции по урегулированию конфликта в Боснии», что, по его мнению, создало «предпосылки для того, чтобы подвинуть народы Боснии и Герцеговины к мирному урегулированию. Однако последнее слово остается всё же за ними» [2]. Отвергая «обвинения в просербской или какой-либо другой позиции», Чуркин вместе с тем отмечал невозможность договориться с боснийскими сербами, так как они «поражены военным безумием». Однако после проведенных жестких переговоров сербы всё-таки согласились вывести тяжелую артиллерию из-под Сараево и передать ее под контроль ООН [2]. Используя традиционные связи России с православными сербами, Чуркин выступил в качестве посредника при заключении соглашения, остановившего авиационные удары НАТО и помогшего снятию осады с боснийского Сараево с помощью регионального миротворческого контингента ООН [2]. Вместе с тем В. И. Чуркин отмечал, что сербы совершили предательство, использовав «российскую поддержку как прикрытие» и атаковав город Горажде, находившийся под контролем боснийских мусульман и объявленный зоной безопасности ООН [2]. Это, безусловно, свидетельствует о его вполне объективной оценке сложной конфликтной ситуации.

Особо отметим, что многофакторный конфликт в Косово — самый острый и животрепещущий конфликт современности — разрешался очень трудно. Он имел как противоречивую внутреннюю природу, так и сложный международный характер. В. И. Чуркин принимал непосредственное участие в его разрешении в рамках ООН. Первое серьезное противостояние в Совете Безопасности ООН как раз и произошло вокруг Косово.

Исторически Косово является многозначным полиэтническим и территориальным образованием. В результате общего кризиса СФРЮ в начале 1990-х годов в Косово фактически сложилось двоевластие: албанцы не признавали власти Белграда, а сер-

бы — независимую республику Косово, так как вслед за достижением полной независимости могло последовать присоединение к Албании. Не было принято мер к сохранению идентичности сербов, которые были вытеснены с мест их компактного проживания и разбросаны по территориям Черногории, Боснии и т. д. Сербское правительство не смогло обеспечить поддержание порядка в Косово.

Политика США и стран НАТО характеризовалась практически полным игнорированием межэтнических противоречий в СФРЮ. В начале 1990-х годов в связи с кризисом в бывшей Югославии внутренняя обстановка в Косово начала обостряться. С 1998 года Запад стал последовательно добиваться введения международных санкций против Белграда, режима С. Милошевича, и фактически поддержал албанских лидеров Косово, которые не скрывали решимости выйти из состава Югославии.

Весной 1999 года США и их союзники предложили заключить трехгодичное промежуточное соглашение, по которому НАТО получало возможность ввести в Косово войска для обеспечения мира и безопасности, а затем — проведения выборов. Сербии разрешалось иметь в Косово лишь небольшие силы для охраны внешних границ. В конце срока действия соглашения планировалось провести международную конференцию в целях определения долгосрочного статуса Косово. Сербия отказалась принять этот план, поскольку их больше устраивало формальное сохранение Косово в составе Югославии, чем допуск войск НАТО в регион. США и их сторонники, прервав переговоры, объясняли действия НАТО стремлением нейтрализовать авторитарный режим Милошевича. Иными словами, США проводили линию на свержение «диктаторских», с их точки зрения, режимов и установление вместо них нового «демократического», в их понимании, государственно-политического устройства в кризисных странах. При этом свободное выражение народом этих стран своего волеизъявления путем плебисцита или на референдуме, не предусматривалось. Вместе с тем мощная американская военно-политическая и финансовая поддержка весьма разнородной и подчас просто не готовой к осуществлению властных государственных функций в цивилизованных формах оппозиции, по сути, обеспечивала попадание этих стран в вассальную зависимость от США.

Конфликт, возникший в Косово и сопровождавшийся в 1999 году 78-дневными натовскими бомбардировками Сербии, завершился принятием резолюции Совета Безопасности 1244 (1999) [7], которая, по сути, устанавливала над краем протекторат ООН. Будущий государственно-политический статус Косово еще предстояло определить. При этом сербские власти в Белграде, поддерживаемые Россией, исходили из того, что статус Косово должен быть внутри Сербии, в то время как косовские власти в Приштине при поддержке США и их партнеров настаивали на независимости Косово.

Таким образом, в 1990-е годы отчетливо проявилась тенденция, основными выразителями которой были США, к решению международных проблем односторонними силовыми методами в обход Совета Безопасности ООН при полном игнорировании положений Устава ООН. Объективно перед Россией встала задача о выработке собственной внешнеполитической линии поведения в этом непростом вопросе. Процесс поиска компромиссного решения проходил очень сложно. Об этом свидетельствует ретроспектива неоднократных заявлений министра иностранных дел РФ С.В. Лаврова [2]. В итоге был согласован единственно правильный подход в пользу отстаивания российской дипломатией прерогатив Совета Безопасности ООН и основополагающих норм Устава ООН.

Позиция Российской Федерацией по косовскому вопросу была весьма реалистичной и убедительной. Непосредственным ее выразителем в Совете Безопасности ООН был В.И. Чуркин [3]. Подобная дипломатическая линия действий Российской Федерации полностью себя оправдала, и доказательством этого стало то, что страны, которые ранее предпочитали одностороннее применение силы, в конечном итоге вынуждены были вернуться к обсуждению косовского вопроса в Совете Безопасности ООН для принятия легитимного политического решения по выходу из кризиса. Россия никогда не оправдывала силовые действия по разрешению кризиса и выступала за принятие адекватных политических мер. Когда стало очевидно, что силовыми действиями косовский конфликт не решить, Совет Безопасности ООН согласовал схему урегулирования и закрепил ее единогласно (!) в принятой резолюции 1244 (1999) от 12 июля 1999 года [7].

Однако резолюция, составленная в том числе при участии России, не была лишена некоторых противоречий. В ней ясно было зафиксировано помимо создания временной администрации в Косово на переходный период для внедрения «существенной автономии» соглашение с военным командованием НАТО для стабилизации ситуации в крае и контроля за выполнением функций управления до создания новых государственных органов. Понятие «автономия» в резолюции не раскрывалось, и его можно было трактовать как угодно. О различных видах автономии речи вообще не шло. Не указывалось также, что автономные образования могут существовать как в унитарных, так и в федеративных государствах. Сроки существования «переходного периода» не оговаривались. Решение этих принципиально важных вопросов откладывалось на потом [7]. Всё это свидетельствует о том, что сформулированные в самом общем виде положения принятой резолюции требовали существенной доработки и уточнения в дальнейшем, но в то же время были нацелены на политическое урегулирование косовского кризиса.

Реальный политический процесс в целях определения будущего статуса Косово, решения крупной мировой проблемы, связанной с развалом Югославии, возобновился в середине 2000-х годов, когда Генеральный Секретарь ООН в ноябре 2005 года назначил Мартти Ахтисаари своим специальным посланником для определения будущего статуса Косово, предусмотренного в резолюции 1244 (1999) Совета Безопасности ООН. Весной 2007 года Ахтисаари завершил свою работу, и 26 марта 2007 года новый Генеральный Секретарь ООН Пан Ги Мун направил «план Ахтисаари» председателю Совета Безопасности [7]. В подготовленных им предложениях содержалась рекомендация о получении независимости Косово при условии осуществления международного контроля в течение определенного периода. США и их сторонники в Совете Безопасности «с энтузиазмом приветствовали план, в то время как у России с ним возникли серьезные проблемы» [6, с. 252]. Суть неудовлетворенности России состояла в том, что в «плане Ахтисаари» вариант сохранения Косово в составе Сербии не рассматривался вообще.

Представитель РФ в Совете Безопасности ООН В.И. Чуркин особо подчеркивал, что серьезных усилий наладить об-

суждение этой темы между разными сторонами сам Ахтисаари не предпринимал [6, с. 252]. С самого начала Ахтисаари исходил из убеждения, что независимость Косово является единственно возможной. Встретившись с членами Совета Безопасности на закрытых консультациях, он заявил, что «преступления Милошевича» не оставили ему иного выбора [6, с. 252]. Чуркин объяснял, что ему пришлось вступить со спецпредставителем Генсека в острую полемику, в ходе которой он отметил, что, «когда Милошевич умер в Гааге, его преступления не были доказаны» [6, с. 252]. Но главное, как справедливо утверждал Чуркин, что сейчас обстановка изменилась, Белград не представляет никакой угрозы для Приштины и что в этих условиях отказаться от изучения возможностей сохранения территориальной целостности Сербии, от поощрения политического диалога между Белградом и Приштиной совершенно неоправданно. В.И. Чуркин пояснил, что Российская Федерация предложила в Совбезе «дорожную карту» налаживания такого диалога и, кроме того, выступила инициатором организации миссии Совета Безопасности в Косово, поскольку назрела необходимость ознакомиться с ситуацией на месте [6, с. 253]. В дальнейшем подтвердилось, что Белград не собирается мириться с независимостью Косово, а содержащиеся в «плане Ахтисаари» посулы гарантий прав для сербов в будущем «независимом Косово» недостаточны как для нормализации положения немногочисленных сербов, оставшихся в крае, так и для возвращения сербских беженцев, вынужденных покинуть его во время кризиса [6, с. 253].

Созданная миссия Совбеза, позволив конкретизировать представления о реальной ситуации на месте, не поколебала прямо противоположных позиций основных протагонистов в Совете Безопасности. Западные члены Совбеза требовали принятия резолюции, которая одобряла бы «план Ахтисаари» и отменяла резолюцию 1244 (1999) [7]. Россия категорически возражала, поскольку это означало нарушение территориальной целостности Сербии и открывало бы путь к независимости Косово. При этом, как подчеркивал В.И. Чуркин, никто не собирался применять право вето, поскольку «такого развития событий всегда лучше избегать, когда речь идет о вопросах первостепенной политической важности, к разряду которых, безусловно, относилась косовская

проблема» [6, с. 253]. Позиция Российской Федерации предполагала нахождение возможных развязок в ходе двусторонних контактов с американцами. И, таким образом, главным переговорщиком в этом деликатном и политически важном вопросе выступал В.И. Чуркин. Несмотря на то что диалог не привел к осязаемому результату, напряжение в Совете Безопасности было в определенном смысле снято: западные коллеги решили пока не провоцировать раскол в Совбезе и заявили, что отказываются от дальнейшего продвижения своего проекта резолюции в поддержку «плана Ахтисаари». Как оказалось в дальнейшем, это был определенный временный тактический маневр, и косовская тема оказалась «приглушенной» в работе Совета Безопасности ООН лишь ненадолго [6, с. 254].

«План Ахтисаари» был односторонне одобрен Приштиной, но отвергнут Сербией [4]. После обсуждения в Совете Безопасности ООН было предложено, чтобы «тройка» официальных представителей Европейского союза (ЕС), США и Российской Федерации провела еще одну серию переговоров в целях достижения соглашения.

1 августа 2007 года Генеральный Секретарь ООН Пан Ги Мун приветствовал эту инициативу, одновременно высказав мнение о том, что статус-кво в Косово долго сохраняться не сможет [7]. Резолюция 1244 (1999) и в дальнейшем признавалась рамочной основой для переговоров, были рассмотрены разные конечные варианты — от независимости до автономии, альтернативные модели, например конфедеративного устройства. Констатировалось, что ни одна из моделей не обеспечивала надлежащей основы для компромисса. Даже после проведения интенсивных переговоров, сторонам не удалось достичь соглашения относительно статуса Косово. Ни одна из сторон не захотела пойти на уступки по основополагающему вопросу, касающемуся суверенитета Косово. Фундаментальное расхождение в вопросе о статусе края «тройке» не удалось устранить. Конфликтующие стороны всё же обещали воздерживаться от действий, которые могут создать угрозу международной безопасности. Урегулирование статуса Косово было продолжено на основе переговоров.

В декабре 2007 года Россия как постоянный член Совета Безопасности ООН воспользовалась правом вето и заблокировала

«план Ахтисаари», предусматривающий предоставление независимости Косово под международным контролем. Этот план, по мнению России, явно запоздалый, помимо одностороннего признания независимости Косово одобрял концепцию «гуманитарного вмешательства» НАТО. И в этом состояла суть возражений России. Ситуация была явно неустойчивой, и хрупкое согласие в Совете Безопасности ООН вскоре было сломано.

В феврале 2008 года косовским парламентом была принята декларация независимости, и независимость Косово тут же признали США, Великобритания и Франция. Поддержанная Россией Сербия потребовала созыва экстренного заседания Совета Безопасности ООН, и оно состоялось 19 февраля 2008 года. Российская Федерация потребовала, чтобы Генсек ООН Пан Ги Мун аннулировал декларацию о провозглашении независимости Косово в соответствии с резолюцией 1244 (1999) и документами, связанными с ней [7]. На такой радикальный шаг Генсек ООН пойти не решился, поскольку он не хотел конфронтации с западными коллегами. В то же время, что было существенно важно, Пан Ги Мун подтвердил, что базовая резолюция 1244 (1999) продолжает действовать, а значит, в Косово продолжит функционировать миссия ООН. Поскольку в соответствии с резолюцией 1244 (1999) одной из функций миссии ООН является международное представительство края, сохранение резолюции и миссии, по сути, означало непризнание независимости Косово международным сообществом [7]. Позиция Генерального Секретаря ООН, таким образом, оказалась крайне противоречивой, но без явной поддержки какой-либо одной стороны.

Косовское одностороннее провозглашение независимости не было признано не только самой Сербией, но даже косовскими сербами. В крае возникла напряженная, опасная ситуация. Не допустить кровопролития и решать многочисленные практические вопросы посредством диалога при уважении резолюции 1244 (1999) и прерогатив миссии ООН — это именно те тезисы, которые делегация Российской Федерации, возглавляемая Чуркиным, постоянно повторяла на заседаниях Совбеза по косовской теме. Как отмечал В. И. Чуркин, «политическое столкновение сопровождалось процедурной “дракой” о статусе представителей

Приштины, приглашаемых западными коллегами на заседания Совбеза» [6, с. 255].

Совершенно очевидно, что военная операция не смогла полностью нормализовать положение в Косово. В крае по-прежнему остро стоит проблема национальных меньшинств. Была получена зеркальная картина: до войны притеснения терпели албанцы, теперь же — сербы, которые в результате целенаправленной политики их выдавливания из Косово были вынуждены оставить районы своего традиционного проживания. Их основополагающие права и свободы, включая право на жизнь, систематически нарушаются вопреки требованиям резолюции 1244 (1999). Здесь явно проявилось антагонистическое противоречие между понятиями «право наций на самоопределение» и «территориальная целостность государства». Никак не раскрывались также понятия «автономия» и «суверенитет». Процесс урегулирования ситуации в Косово проходил очень трудно, хотя острота косовского вопроса была снята, открытых военных действий в крае не ведется и в Совете Безопасности косовский вопрос оперативно не поднимается. Работая над его урегулированием, Россия последовательно настаивала на осуществлении резолюции 1244 (1999) в полном объеме, прежде всего в плане обеспечения прав неалбанского населения края, пресечения военных акций против сербов [7]. Попытку создания особой косовской политико-территориальной единицы нельзя считать успешной, поскольку она была произведена без учета разнородного национального, этнического и конфессионального состава компактно проживавшего в ней населения. Россия в данном вопросе стояла на позициях международного права, трактуемого юридически точно, и выступала против сепаратизма в Косово. Россия с самого начала предлагала не принимать опрометчивых решений и основательно продумать долгосрочные последствия поспешного создания независимого Косово. Однако к ее мнению не прислушались.

Для принятия новой совместной резолюции по определению статуса Косово требовалось согласие всех сторон в Совете Безопасности, которое можно было достичь только в ходе серьезных, длительных и осторожных переговоров. Благодаря плану ООН, Косово должно было встать на путь обновленной государственности и урегулировать отношения с Сербией. Без

подобного компромисса нельзя было гарантировать устойчивое и долговременное урегулирование данного конфликта. Россия настаивала на том, чтобы ООН определила единые принципы предоставления независимости, а уже потом Совет Безопасности перешел бы к обсуждению будущего края Косово. Отметим, что Россия независимости Косово так и не признала, полагая, что в косовском урегулировании надо учитывать всю совокупность всех основных международных факторов и что мандат для окончательного разрешения косовского вопроса должен дать Совет Безопасности ООН. Только в таком случае решение следует считать легитимным [3].

Базовые документы ООН, даже после одностороннего провозглашения декларации о независимости краевыми властями Приштины, продолжают определять косовское урегулирование. Принципиальная линия России состоит в том, что Совет Безопасности должен оценить этот акт как незаконный, противоречащий нормам международного права. Верховенство закона — стержень правовой основы миссии ООН. Однако все страны — члены Совета Безопасности интерпретируют нормы международного права по-разному, единства в этом главном вопросе нет. Единой формулы урегулирования международных региональных конфликтов пока не существует. Строгого понимания ооновского мандата миссии в Косово также нет. США и ряд западных стран пытались представить дело так, что автономия Косово в составе Сербии была рассчитана на переходный период, а значит, и резолюция 1244 (1999), не исключавшая, с их точки зрения, независимости Косово, вовсе не нарушалась, а, оставаясь основой, просто себя исчерпала. Безусловно, это достаточно лукавая позиция и явное свидетельство нечеткости правовых формулировок, не исключающих возможности их произвольной интерпретации. Российская позиция остается неизменной и определенной, однако она не могла предотвратить необратимость негативных процессов в плане урегулирования международных региональных кризисов. Были разработаны сбалансированные принципы статусного процесса по Албании, допускавшие многовариантность развязки конфликта, не нарушавшие суверенитет Сербии, но отсутствовал соответствующий механизм их реализации. И хотя все члены Совета Безопасности высказались за сохра-

нение базовой резолюции 1244 (1999) [7], тем не менее перспективы дальнейшего развития ситуации были неоднозначны и противоречивы. При этом все прекрасно осознавали, что для достижения международной стабильности во всей ее полноте требовалось приложить еще много усилий. Для решения косовского вопроса объективно следовало, прежде всего, предоставить международную охрану в целях первоначальной консервации конфликта, то есть прекращения огня, а затем обеспечить надежные гарантии безопасности самоидентификации края. Главное, что компромисс, скорректировавший позиции сторон по основному вопросу, касавшемуся прекращения военной операции в Косово, в Совете Безопасности в итоге был достигнут. Однако окончательного разрешения кризисной ситуации не произошло, так как выход из нее всем виделся по-разному.

Суть дела не только в сепаратизме и разрушении целостности Сербии, а в том, что была произведена попытка провозгласить государственность по национально-этническому и конфессиональному принципу. Этот новый международный прецедент усилил центробежные тенденции раздробленности и, соответственно, предопределил негативные последствия для всех государств при разрешении сложных региональных конфликтов. Россия заявила, что односторонние решения косовского руководства чреваты эскалацией напряженности и межэтнического насилия в крае, новыми конфликтами на Балканах, а поддержка сепаратизма грозит опасными последствиями для складывавшихся десятилетиями устоев миропорядка, международной стабильности, авторитета решений Совета Безопасности ООН. Очаг конфликтной ситуации находился именно в Косово, а Сербия и Албания, хотя и в разной степени, были вовлечены в него опосредованно и ничего не смогли самостоятельно противопоставить развитию негативных тенденций. Перспективы дальнейшей выработки и корректировки совместной единой позиции Совета Безопасности ООН остаются противоречивыми и неопределенными. Декларируются формальные отсылки к базовым правовым нормам, трактуемым субъективно, и одновременно идет неоднозначный поиск лазеек для их обхода. Хотя надо признать, что именно в соответствии с решениями Совбеза ООН военная операция в крае была прекращена.

Вопрос международно-правового признания независимого статуса Косово остается открытым до сих пор, причем не только из-за интересов Сербии, но и из-за того, что Россия и Китай готовы заблокировать вступление Косово в ООН. Таким образом, Совет Безопасности не смог выработать единую позицию по вопросу об одностороннем провозглашении независимости Косово. Россия, Китай, ЮАР, Сербия, Вьетнам, Ливия, Индонезия выступили против признания независимости Косово, а США, Великобритания, Франция, Германия, Италия и Бельгия высказались «за». Расклад сил в Совете Безопасности сложился не в пользу России. В итоге в настоящее время согласно Конституции Сербии территория Республики Косово является частью Республики Сербия и формально входит в ее состав как Автономный край Косово и Метохия, однако фактически Косово властями Сербии не контролируется. В свою очередь, Северная часть Косово, населенная преимущественно сербами, не подчиняется властям в Приштине. Вместе с тем 22 июля 2010 года Международный суд ООН признал, что провозглашение независимости Косово не противоречит нормам международного права [7]. Это еще раз свидетельствует о неоднозначных трактовках норм международного права. В. И. Чуркин смело и последовательно отстаивал юридически обоснованную позицию Российской Федерации на всех заседаниях Совета Безопасности ООН, благодаря чему удалось локализовать конфликт и прекратить его военную стадию. Однако разрешить косовский конфликт в полной мере и добиться дальнейшей разработки базовых принципов международного права в интересах всех заинтересованных сторон до сих пор не удалось.

«Косовский прецедент»: оценка дипломатии В. И. Чуркина

Официальные представители Сербии неоднократно заявляли, что «Косово и Метохия не могут быть трофеем НАТО и, пока существует Устав ООН, международно признанные границы Сербии останутся неизменными».

По мнению правительств США и некоторых государств ЕС, ситуация в Косово является уникальной и признание его независимости не должно быть прецедентным для иных самопровозглашенных образований. В качестве обоснования уникальности

Косово тогдашний госсекретарь США Кондолиза Райс назвала комбинацию следующих факторов: общий контекст распада Югославии, этнические чистки и преступления в отношении гражданского населения Косово и длительный период нахождения края под управлением администрации ООН [4]. По сути, эти факторы уникальными не являются и не могут служить обоснованием для признания независимости государственного образования без учета предоставления равных прав всем проживающим там нациям и этносам.

«Двойные стандарты» могут завести в тупик. Не исключая сохранения территориальной целостности Сербии, Россия справедливо полагала, что признание Косово даст толчок для обострения «спящих» конфликтов на других территориях после распада крупных государств. Право «наций на самоопределение» само по себе несостоятельно, поскольку не может быть в принципе одной нации выше других и нельзя закреплять привилегий одной нации или этноса относительно других. США и их западные партнеры полагают, что они добились своего в косовском вопросе и что Россия не смогла разрешить развитие ситуации в Косово исключительно в свою пользу. Ясно одно: достигнутый компромисс в Совете Безопасности ООН заставил прекратить военную операцию в регионе. Вместе с тем Россия усвоила уроки Косово, и «косовский прецедент» был в дальнейшем использован Россией в решении крымского вопроса, возникшего в результате внутриукраинского кризиса в 2014 году [5].

Косовский вопрос выявил настоятельную необходимость совершенствования норм международного права и исключения «двойных стандартов» их применения. Центральная роль ООН в этом процессе очевидна. Следует констатировать, что ООН эффективна тогда, когда существует единство пяти постоянных членов Совета Безопасности относительно того, что нужно делать, либо молчаливое понимание нескольких постоянных членов Совбеза, что не надо мешать разрешению конфликтов, а надо находить консенсус. Надо совершенствовать миротворческий механизм, чтобы справляться с ситуациями, грозящими разрушению системы международной безопасности.

Именно такую конструктивную линию нашего государства проводил в Совете Безопасности ООН В. И. Чуркин, применяя

не деле все свои профессиональные знания, навыки, незаурядные способности и дипломатическое мастерство. Анализируя работу В. И. Чуркина в ООН, следует констатировать вдумчивый подход, гибкую тактику и конструктивный характер действий нашего дипломатического представительства по сложнейшим вопросам мировой политики. Способность В. И. Чуркина к нахождению компромиссов была бесспорной. Это ярко проявилось в отстаивании позиций России по косовскому вопросу в ООН.

Литература

1. Всё вело к третьей мировой». Самая дерзкая военная операция 90-х: бросок на Приштину в воспоминаниях очевидцев // Lenta.ru. – URL: <https://lenta.ru/articles/2019/06/11/prishtina/> (дата обращения: 07.09.2021).
2. Главная страница / МИД России. – URL: <https://www.mid.ru> (дата обращения: 07.09.2021).
3. Интервью Постоянного представителя России при ООН в Нью-Йорке В.И. Чуркина газете «Коммерсант» 21 декабря 2007 года по проблематике Косово / МИД России. – URL: https://www.mid.ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/353622 (дата обращения: 07.09.2021).
4. К. Райс предложила ускорить решение вопроса Косово // РБК. – URL: <https://www.rbc.ru/politics/08/02/2007/5703c6809a7947dde8e0e777> (дата обращения: 07.09.2021).
5. Обращение Президента России В.В. Путина. 18.03.2014 // Сайт Президента России. – URL: <https://www.kremlin.ru> (дата обращения: 07.09.2021).
6. Чуркин В.И. Трудности перевода // Воспоминания. – М.: Абрис, 2020. – 440 с.
7. Documents // United Nations. – URL: <https://www.un.org.doc> (accessed: 07.09.2021).

Яков Ливне,

кандидат исторических наук,
Евроазиатский департамент
Министерства иностранных дел Израиля, Иерусалим.

Yacov Livne,

Ph.D. (History),
Eurasia Department
Ministry of Foreign Affairs of Israel, Jerusalem.
E-mail: yacov.livne@mfa.gov.il

МОСКВА – ИЕРУСАЛИМ 1948–1953 ГГ.: ОТ ВЗАИМНОЙ ВЫГОДЫ ДО КРИЗИСА

MOSCOW – JERUSALEM 1948–1953: FROM MUTUAL BENEFIT TO A CRISIS

Аннотация: после окончания Второй мировой войны Советский Союз был заинтересован изменить прозападную расстановку сил на Ближнем Востоке. Создание Государства Израиль служило этой стратегической цели. Интересы СССР обусловили последовательную поддержку еврейского населения и Государства Израиль в первые годы его существования.

Молодое Государство Израиль получило серьезные преимущества от этой помощи. Сложно представить, что без этой поддержки можно было провести решение на Генеральной Ассамблее ООН 29 ноября 1947 года о разделении страны, провозгласить независимость в мае 1948 года, обеспечить признание Израйля большинством государств мира и признать полноправное членство Израйля в ООН в мае 1949 года.

Москва тоже получила существенные дивиденды вследствие ее поддержки создания и усиления еврейского государства. Британия вынуждена была уйти из большей части Палестины. Провал в войне против Израйля расшатал прозападные арабские режимы.

Несмотря на призывы в СССР прекратить поддержку Израйля в ООН, до 1952 года сохранялся сбалансированный подход СССР к важным для Израйля темам. Однако «пражские суды» и «дело врачей» в конце сталинской эпохи спровоцировали первый разрыв дипломатических отношений в феврале 1953 года и вызвали кризис, омрачивший отношения между Москвой и Иерусалимом на многие годы.

Ключевые слова: внешняя политика, СССР, Израиль, Ближний Восток.

Abstracts: at the end of World War II, the Soviet Union sought to undermine the pro-Western domination in the Middle East. The establishment of the State of Israel served this strategic purpose. The Soviet interest led to close political assistance on most of the major issues that were on the agenda of the State of Israel in its early years.

Young Israel has benefited greatly from this assistance. It is difficult to see how the UN General Assembly resolution of 29 November 1947 could be passed and implemented without this Soviet position. Soviet support also allowed Israel to signal to the West that withdrawing support from Israel would push it the Soviet direction.

Moscow itself received very significant dividends following its support for the establishment and strengthening of the Jewish state. Britain was forced to leave most of the territory of Palestine, where an Israeli state was established that demonstrated some affinity towards the Soviet Union. The military failure during the 1948 war with Israel undermined pro-Western Arab regimes, a development that served Soviet interest.

Despite calls in Moscow to end the support of Israel at the UN, until 1952 the Soviet Union maintained a balanced approach. However, the Prague trials and the Doctors' Plot at the end of Stalin's reign caused the first severance of diplomatic relations in February 1953 and a crisis that will worsen for decades the relations between Jerusalem and Moscow.

Key words: Foreign policy, Soviet Union, Israel, Middle East.

Вопрос Палестины и эмиграции в Палестину

До конца Второй мировой войны Ближний Восток не занимал высокого места в иерархии советских приоритетов, поскольку этот регион находился под сильным влиянием Британии и Франции. Однако после войны Сталин хотел использовать победу Красной Армии и для территориального продвижения на юг. Его основные действия были направлены на северо-восток Ирана, где СССР рассчитывал увеличить площадь советского Азербайджана и создал «народную республику», в которой находились советские войска. Москва потребовала также аннексировать часть Турции и построить военные базы в турецких проливах. Турция получила поддержку США на базе доктрины Трумэна, что предотвратило советские планы [3, с. 27—28; 11, с. 557; 17, с. 14, 102—103; 24, с. 263—267].

Между тем проблема Палестины обострилась, и Британия затруднялась найти решение. В сентябре 1945 года министр иностранных дел СССР Вячеслав Молотов предложил своему британскому коллеге Эрнесту Бевину вывести советские войска из Ирана в обмен на уход Британии из Египта и Палестины. Британцы отклонили это предложение. В мае 1946 года в МИД СССР был подготовлен проект, определяющий, что Советский Союз должен играть активную роль в проблеме Палестины в целях прекращения действия британского мандата и в дальнейшем создания суверенной и демократической Палестины. Москва продолжала критиковать Лондон и Вашингтон за их самостоятельные попытки решить проблему Палестины [30, с. 20—24, 39, 41; 31].

В феврале 1947 года Британия сообщила, что передает проблему Палестины в ООН, однако в то же время Лондон не намеревался отказываться от своего управления и надеялся, что враждебность между Москвой и Вашингтоном будет способствовать сохранению им власти в регионе. Советник Бевина сказал представителю Еврейского агентства (Сохнут), что любое изменение статуса Палестины потребует большинства в две тре-

ти в ООН, то есть согласия США и СССР, — события, которого «никогда не происходило, никогда не сможет произойти и никогда не произойдет» [31, с. 48]. В октябре 1946 года Трумэн сообщил о своей поддержке разделения страны и создания еврейского государства, однако большая часть правящих кругов США продолжала относиться к подобной возможности с оговорками. Позиция Москвы приобрела решающий вес, одновременно рос ее интерес к этой проблеме. В марте 1947 года член советской делегации в ООН писал заместителю министра иностранных дел А. Я. Вышинскому, что перевод проблемы Палестины в ООН впервые позволяет Советскому Союзу сыграть в ней активную роль [4, с. 61; 32]. В еврейском *ишув* (население) в это время поняли, что Москва, исходя из стратегических соображений, определенно склоняется к решению вопроса в пользу евреев. В апреле 1947 года председатель Еврейского агентства Израиля Давид Бен-Гурион заявил на собрании центра МАПАЙ (партия рабочих страны Израиль), что сионизм должен искать взаимопонимания и с Москвой, но не за счет разрыва отношений с Лондоном и Вашингтоном. Его позиция заслужила единогласную поддержку [10, 18.10.53 с. 19; 21].

На специальном заседании Генеральной Ассамблеи ООН, состоявшемся в апреле 1947 года для обсуждения проблемы Палестины, проявилась мощная поддержка позиции еврейского *ишув* со стороны советского блока. 14 мая посол СССР при ООН Андрей Громыко выступил с речью, в которой уделил большое внимание катастрофе европейского еврейства, объясняющей стремление евреев к созданию собственного государства. Эта речь была очень позитивно воспринята еврейским *ишувом* [12, с. 386; 31, с. 70].

15 мая Генеральная Ассамблея назначила специальную комиссию по Палестине. СССР не участвовал в ней, но представители Чехословакии и Югославии были включены в состав 11 членов комиссии. В конечном итоге позиция Москвы сделала возможным принятие решения о разделении Палестины (от 29 ноября 1947 г.), что стало основанием для создания еврейского государства. После получения предложения комиссии представители СССР энергично действовали для его постановки на голосование. В день голосования, 29 ноября, Громыко

не допустил, чтобы рассмотрение вопроса перенесли на более поздний срок [31, с. 96].

После принятия решения от 29 ноября британцы вместе с ведущими членами американского руководства продолжили попытки предотвратить его выполнение. С февраля по марта 1948 года Совет Безопасности ООН провел семь заседаний по обсуждению ситуации. В течение этих обсуждений американская делегация добивалась отсрочки раздела Палестины, в то время как советская делегация во главе с Громыко настаивала на исполнении решения о разделе в указанный срок. В значительной степени это соответствовало позиции евреев. Москва предотвратила попытки отмены решения о разделе и замены этого решения на режим внешнего управления — варианты, которые пытались продвинуть Британия и США [4, с. 63, 71; 31, с. 118].

Кроме дипломатической арены действия СССР помогли сионистскому движению репатриировать евреев из разрушенной Европы. По окончании войны *Алия* (репатриация) евреев, выживших в Холокосте, приобрела для руководителей *ишува* первостепенное значение. Их целью было привезти около 40 тыс. евреев из Чехословакии, 200 тыс. — из Венгрии, 350 тыс. — из Румынии, 50 тыс. — из Болгарии и 250 тыс. — из Польши; большинство из последних находились в СССР [21, с. 59].

Неотложность *Алии* стала ясной после того, как опустился «железный занавес». Вопрос *Алии* обсуждался в секретариате МАПАЙ уже 15 мая 1948 года. По окончании войны руководители *ишува* сконцентрировали усилия на операции *Бриха* — подпольная переправка уцелевших в Катастрофе из Восточной Европы в Западную, а оттуда — в Израиль. Таким путем были перевезены в Израиль около 250 тыс. евреев — серьезнейшее пополнение для небольшого еврейского *ишува*. Организаторы *Бриха* осознавали советскую поддержку переселению польских евреев с территории Советского Союза в Израиль. В августе 1946 года советский дипломат в Варшаве известил их о том, что послы СССР в Восточной Европе получили инструкцию обеспечить возможность *Бриха*, и эта инструкция полностью исполнялась [16, с. 41; 21, с. 59]. *Бриха* было возможным как часть репатриации, в процессе которой в 1944—1946 годах многие поляки и евреи вернулись в Польшу. Это соответствовало общей направленно-

сти действий Москвы по расширению границ Польши на запад. Согласно оценкам, в рамках репатриации из СССР выехали около 200 тыс. польских евреев; еще 17 тыс. евреев перебрались из СССР в Румынию [16, с. 41].

Дивиденды, полученные Иерусалимом

Положительное отношение Москвы к сионизму выделялось и накануне принятия Декларации независимости в мае 1948 года. В это время начальник политического отдела Еврейского агентства и будущий министр иностранных дел Израиля Моше Шарет сообщил, что в Государственном департаменте США выступают против Декларации независимости, так как там есть «много ненависти к евреям». В противовес этому «позиция русских абсолютно сионистская» [19, с. 14, 18, 27]. В итоге Трумэн решил, что США признают Израиль де-факто сразу после объявления независимости. Скорость, с которой Белый дом признал Государство Израиль, вытекала из опасения, что СССР опередит его [7, с. 37; 19, с. 14, 18; 29, с. 497]. И Шарет оценивал, что без поддержки Москвы «сомнительно, получили бы мы поддержку создания еврейского государства со стороны США <...> [и] такое скорое признание Соединенными Штатами Израиля» [15, с. 67]. Молотов вспоминал позднее в связи с созданием Израиля, что, «кроме нас, все были против. Кроме меня и Сталина» [17, с. 93].

Посол Израиля при ООН Аба Эвен свидетельствовал, что без советской поддержки «мы не добились бы решения от 29 ноября», и Шарет подтвердил эти слова [10, 3.8.50]. Первой страной, признавшей еврейское государство в полном объеме, де-юре, стал Советский Союз. Заявление СССР о поддержке создания еврейского государства Шарет определил как «самую революционную перемену в дипломатическом положении сионизма и еврейского народа в мире со времени декларации Бальфура» [15, с. 163; 21, с. 15; 31].

С началом войны за независимость Израиля в мае 1948 года СССР был единственной мировой державой, поддержавшей позицию Израиля и не оказавшей давления с целью ограничить ее военные успехи. В июне Шарет сказал правительству, что СССР «сделают то, что мы попросим у них по этому вопросу, то, что хорошо для евреев». В начале июля он прогнозировал, что, «если

война возобновится, наши связи с Востоком [с СССР] упрочатся еще больше» [19, с. 210, 216]. В это же время американское представительство при ООН оценивало, что «у молодого государства Израиль сильнейшая политическая позиция», поскольку оно пользуется поддержкой СССР и США [25, с. 1181—1186].

8 июля 1948 года боевые действия возобновились, и Армия обороны Израиля овладела территориями Нижней Галилеи и городами Лод и Рамле. В конце июля ЦРУ также признало, что «евреи находятся в сильнейшей позиции благодаря своей военной силе и благодаря политической поддержке США и СССР» [25, с. 1242—1248].

Советская поддержка молодого еврейского государства заметно выделялась на фоне продолжающегося сопротивления в Лондоне и Вашингтоне выполнению плана ООН по разделу Палестины. В беседе израильского представителя в Праге Эхуда Авриэль с советским послом в июле Авриэль сказал, что посредник ООН Фольке Бернадотт является «на самом деле британским и американским посланцем и действует во вред Израилю» [14, с. 336]. План Бернадотта по урегулированию арабо-израильского конфликта в действительности соответствовал позиции Вашингтона и Лондона. В начале августа Британия предложила США выработать совместную политику, в рамках которой будут произведены изменения, включая передачу района Негев арабам. Сходная позиция была и у Вашингтона. В это время американский Госсекретарь Дж. Маршалл писал Трумэну, что агрессивность Израиля приносит пользу СССР. Кроме того, он сообщал, что Бевин выражает серьезную озабоченность тем, что СССР использует ситуацию для возбуждения кризиса в Ираке и Иране. Маршалл просил предупредить об этом Израиль [25, с. 1268—1271].

Советская поддержка Израилю затрудняла оказание Британией и США давления на него. В середине августа в Госдепартаменте по вопросу о британско-американской позиции считали, что «не рекомендуется обсуждение этой темы на Совете» [СБ ООН] в связи с возражениями СССР. Госсекретарь принял эту позицию. В отчете ЦРУ отмечено, что американский представитель в Израиле Джеймс Макдональд «верит, что в результате существующего деления на восточный и западный блоки в СБ <...>

евреи аннулируют возможность их наказания со стороны ООН» [25, с. 1372, 1381—1382].

2 сентября 1948 года Моше Шарет пригласил советского посланника вскоре после его прибытия в Израиль. Шарет ознакомил его с контактами по отчету Бернадотта; эту тему он определил, как «важнейшую для существования» Израиля. В первой встрече с Молотовым, 7 сентября, посланник в Москве Голда Меир сказала, что Израиль собирается поднять вопрос об изменении границ разделения страны, принятых в 1947 году. Молотов не отвергал такой возможности и добавил, что ситуация предоставляет Израилю в данный момент возможность создать сильное государство. Молотов не отрицал в целом требования Израиля сохранить за собой территории, завоеванные в результате войны. Меир написала Шарету, что встреча была «сердечной». В середине сентября Шарет пригласил Посланника СССР в Израиле П. И. Ершова и подробно (по указанию Д. Бен-Гуриона) ввел его в курс контактов с США, рассказал, что США требуют, чтобы Израиль передал Трансиордании большие части Негева и сделал уступки в вопросах Иерусалима и беженцев, и указал на то, что действия Британии направлены на истощение Израиля [14, с. 353, 370]. Москва в это время поддерживала Израиль по вопросу арабских беженцев [4, с. 66; 14, с. 407].

16 сентября 1948 года Бернадотт представил новую программу, предлагающую признать право беженцев вернуться в Израиль или получить компенсацию, передать Негев арабам, а Галилею — евреям. На следующий день Политбюро проинструктировало советскую миссию в ООН, чтобы «разоблачить подоплеку так называемого палестинского вопроса», представив цели Британии и США, которые действуют в интересах «монополистического капитала». Кроме этого миссия получила указание потребовать вывода из Палестины всех иностранных войск, то есть сил арабских стран, вторгнувшихся в нее [4, с. 66; 14, с. 407]. В конце сентября Шарет проинформировал Ершова, что британцы сообщили Израилю о том, что используют всё свое влияние, чтобы ООН приняла позицию Бернадотта и разрешила задействовать «самые решительные средства» против отказавшейся стороны. Шарет проинформировал, что представители США пытались также убедить Израиль принять программу Бернадотта и в качестве ком-

пенсации предложили немедленное де-юре признание Израиля и предоставление большого кредита. Шарет подчеркнул: «Мы не хотим, чтобы Негев стал базой для какого бы то ни было иностранного государства», то есть прозападной базой. Он предвидел, что «Англия и США окажут на нас, по-видимому, сильное давление... но мы будем упорно отстаивать свою позицию». Министр иностранных дел подытожил: «Мы будем маневрировать и консультироваться с Вами» [14, с. 390].

На встрече 6 октября 1948 года с исполняющим обязанности начальника Генштаба СССР и главой военной разведки военный атташе в Москве Йоханан Ратнер нашел «полное понимание справедливости создания коридора к Иерусалиму <...> обсуждались наши действия по овладению транспортными путями, для сокращения фронтов... наш подход к решению вопроса о центральном фронте с помощью обхода в направлении Рамаллы был признан правильным, и мне был задан вопрос, почему мы приступили к этому так поздно... вновь был затронут вопрос важности Негева с точки зрения военных действий в будущем» [13, 1370/1 с. 6].

Израиль продолжил информировать Москву. 14 октября Шарет встретился в Париже с заместителем советского посла при ООН Семеном Царапкиным. Министр иностранных дел разъяснил, что план Бернадотта неприемлем, прежде всего поскольку он лишает Израиль Негева, и объяснил необходимость иерусалимского коридора. Через несколько дней Молотов направил специальный отчет Сталину по поводу британского намерения дать возможность свободного присутствия наблюдателей ООН. Молотов сообщил, что Вышинский предлагает не возражать, так как британское предложение не вредит Израилю, и Сталин утвердил это. На следующий день Молотов рекомендовал Сталину отклонить программу Бернадотта и предложение передать Негев Трансиордании. Он рекомендовал также согласиться на требование Израиля создать коридор в Иерусалим при условии, что у этого требования будет шанс быть принятым. Сталин вновь утвердил рекомендации [1, с. 66; 14, с. 406—407].

15 октября Израиль начал операцию «Йоав», в которой были разгромлены египетские войска, отступившие из большей части Негева. В конце месяца Шарет доложил правительству: «Восточный блок твердо стоит за нас... в Совете Безопасности русские

действуют не просто как наши союзники, а как наши посланники. Они берут на себя выполнение наших задач». В этот момент британский министр иностранных дел Бевин выразил удрученность от невозможности заставить Израиль принять программу Бернадотта [19, с. 134, 544; 21, с. 134; 23, с. 259].

25 октября Бен-Гурион писал в своем дневнике: «Русские восхищены нашей силой и спрашивают, когда пойдем на Эйлат? Только представители Госдепартамента утверждают.. что мы себе навредили» [6, 25.10.48]. 29 октября Армия обороны Израиля в ходе операции «Хирам» овладела большей частью Верхней Галилеи и захватила 14 деревень в Ливане. Вследствие этого Британия потребовала ввести санкции против Израиля. Шарет предупредил своего французского коллегу, Мориса Шумана, что «нет более верного пути толкнуть нас в объятия Советов» [23, с. 261]. В начале ноября Шарет писал Голде Меир в Москву, что «США разделяют стремление]британцев [создать]в Негеве [непрерывную территорию как базу для западных государств против востока <...> и оставить пространство для авиации, позволяющее защитить нефтяные месторождения в Иране». Он сообщил, что аргумент об оказании излишнего давления на Израиль, которое «приведет к ослаблению позиций Запада в Израиле», произвел глубокое впечатление на французских и бельгийских министров, а также на американцев [14, с. 419]. В тот же день посланник США в Израиле предостерег Вашингтон от излишнего давления на Израиль в вопросе границ. Макдональд оценил, что применение санкций к Израилю отдалит его от западного лагеря и побудит СССР к еще большей помощи ему, что явится «актом, который усилит советское влияние в этом стратегическом регионе» [4, с. 67].

В середине ноября Государственный секретарь Маршалл сказал своему коллеге Шарету, что «Ваш военный статус вызывает восхищение и в то же время вызывает озабоченность». Он потребовал, чтобы Израиль прекратил территориальное продвижение, поскольку оно служит интересам Москвы [19, с. 568—570]. В то же время Д. Бен-Гурион предложил захват района Шхем. Правительство отклонило это предложение, опасаясь реакции западных держав, включая возможность присоединения Британии к военным действиям против Израиля [2, с. 74].

В это время дипломатические отношения с Москвой достигли вершины. 12 декабря на первой двусторонней встрече столь высокого уровня заместитель министра Андрей Вышинский сказал Шарету: «На этой Генеральной Ассамблее мы одержали большую победу по провалу программы Бернадотта <...> Это, действительно, большое дело!». Шарет сообщал, что под «мы» Вышинский подразумевал совместные советско-израильские усилия в ООН [14, с. 418]. В январе министр иностранных дел разъяснил на совете МАПАЙ, что СССР «помог нам на последней Генеральной Ассамблее ООН провалить британский замысел в отношении Негева» [20, с. 88].

22 декабря Армия обороны Израиля начала операцию «Хорев», в ходе которой овладела большей частью территории Негева и захватила площадь, находящуюся за международной границей с Египетом. Несмотря на британское давление, Израиль не спешил отступить, и Британия отреагировала угрозой военной акции против Израиля. В то время на египетской границе Израиль сбил 5 английских самолетов «Спитфайр». Вследствие этого и Вашингтон пригрозил что, если Израиль не отступит, будет проведена переоценка отношений с ним. В результате Бен-Гурион был вынужден сообщить, что Израиль возвращается к международной границе. В своем дневнике он записал, что английский представитель в Израиле сказал, что «интересы британской империи и престиж Англии в регионе находятся под угрозой, если она не сможет обуздать дипломатическую и военную агрессию Израиля, которая способствует советским интересам» [2, с. 75; 20, с. 26—27; 25, с. 1701—1703].

Последним военным действием Израиля в войне за независимость был захват Эйлата 10 марта 1949 года. СССР не осудил этого. Голда Меир сообщила генеральному директору МИД Израиля, что один из высоких постов в советском Министерстве обороны интересовался у военного атташе Ратнера, есть ли возможность переброски сил в Негеве, а также британским контролем над железнодорожной линией к северу от Акабы. В его словах не было никакой критической ноты [14, с. 480].

Разочарование англичанами в еврейской среде в конце британского мандата, героические сражения СССР против нацистов и советская поддержка в создании Государства Израиль вновь

пробудили в Израиле положительные чувства к России. Амос Оз, известный израильский писатель, современник событий, писал позднее: «... было ощущение, что, вот, пришли дни Мессии. Наконец-то трагическое недоразумение, 100 лет взаимонепонимания между евреями и Россией, окончилось» [8].

Дивиденды для Москвы

Уже в январе 1948 года советский МИД оценивал, что Британия планирует отдать Трансиорданию, «которая в сущности является британской колонией», существенную часть Палестины, чтобы создать там военную базу и тем самым достичь двойной цели — усиления влияния Британии в арабских странах, а также сохранения британского контроля над Палестиной [1, с. 24]. Эта оценка усиливала заинтересованность Москвы поддержать еврейское государство с целью исключить британский контроль в регионе. «Первой советской целью является вывести британские войска из Палестины и соседних государств», как сообщало в мае американское посольство в Лондоне [25, с. 1050].

Одновременно в Москву поступали сведения, что еврейский *ишув* сможет выстоять в военной кампании против арабов. Примерно за неделю до объявления о создании Государства Израиль, как докладывал советский представитель в Сирии и Ливане Д.С. Солод, сирийская армия была очень слаба, и у нее не доставало оружия. Ее командующий считал, что сможет послать не более 1 тыс. солдат на войну в Палестине. В ливанской армии служили только 3500 военнослужащих, и она вообще неспособна была выделить солдат на войну. Египет и Саудовская Аравия, как указывал советский дипломат, не были заинтересованы в отправке армии. Солод полагал, что события в Палестине сильно понизили авторитет Арабской лиги и арабских лидеров. Уже в июне министр иностранных дел Румынии сказала Шарету, что Израиль расшифровал «важный военный секрет британцев <...> [отсутствие сил] у Арабской Лиги, которая была создана для того, чтобы служить пугалом для запугивания восточного блока» [1, с. 39; 25, с. 1241—1248].

В это же время ЦРУ дало свою оценку: «Арабские народы были уверены в победе... их горечь разочарования может обернуться взрывом против их правительств или против западных держав,

или и тем и другим». В разведывательном агентстве опасались, что коммунистические агенты предпримут действия по свержению арабских режимов. «Если эти правительства падут, арабы возобновят войну [против Израиля], потерпят серьезное поражение, разорвут все связи с США и Британией и, почти наверняка, в конце концов окажутся безоружными против советской эксплуатации» [25, с. 1242—1248].

В июле 1948 года советский МИД полагал, что программа Бернадотта отражает американско-британский интерес создания такого еврейского государства, которое будет меньше, чем определено по плану ООН о разделе Палестины, принятому 29 ноября 1947 года, и будет зависеть от Трансиордании в вопросах армии и внешней политики. В соответствии с этим делался вывод, что Москва должна отклонять любые западные попытки расширить Трансиорданию за счет Израиля. Согласно оценкам, такая позиция должна была заслужить поддержку Сирии, Саудовской Аравии и Египта [1, с. 46].

Советский Союз не скрывал своей позиции. Американский посол в Москве докладывал в конце мая, что заместитель министра иностранных дел Вышинский подчеркивал перед арабским послом в Москве, что советская позиция выражает поддержку права евреев Палестины на самоопределение, что находится в одном русле с последовательной поддержкой Москвой национальных освободительных движений [25, с. 1050]. В июле Вышинский встретился с египетским представителем в Москве. Бендер-Паша пытался говорить о палестинском вопросе, но Вышинский отказался, сказав, что позиция СССР по этому вопросу известна, значит, нет повода ее обсуждать. В конце того же месяца ЦРУ оценивало, что такая позиция почти не повредила отношениям Москвы с арабами, которые, «в любом случае, почти невозможно ухудшить» [1, с. 43; 25, с. 1242—1248].

Стойкость еврейского *ишува* против арабских стран интересовала советских представителей. На встрече послов Израиля и СССР при ООН А. Эвен и Я. А. Малика в августе 1948 года Малик выразил «глубокое уважение» к военным успехам Израиля. Он сказал, что в Москве понимали, что военные возможности арабов слабы, однако «никто не ожидал подобного разгрома». В Москве полагают, продолжал дипломат, что у драматического

поражения в Палестине будут глубокие последствия в арабском мире. Возможен упадок статуса существующих арабских режимов и период их возрастающей неустойчивости. Малик намекнул, что это развитие событий и, в особенности, понижение статуса Британии на Ближнем Востоке являются важным успехом советской политики в регионе [14, с. 339].

В начале августа британцы разъяснили американцам свои опасения, что кризис в Палестине может привести к «потере британского военного снаряжения и потере на неограниченное время части или всей нефти Ближнего Востока» [25, с. 1268—1271]. Через несколько дней британский министр иностранных дел Бевин сказал американскому послу в Лондоне, что конфликт в Палестине «угрожает общим стратегическим задачам США и Британии на Ближнем Востоке, и есть ясное свидетельство, что СССР демонстрирует к нему большой интерес» [25, с. 1291—1294]. В середине августа 1948 года Государственный секретарь писал Президенту Г. Трумэну: «... ясно, что интересы США очень страдают, если Израиль начнет военные действия против Трансиордании». От этой ситуации «может выиграть только СССР» [25, с. 1313—1315]. В конце августа Государственный департамент предупредил: «Продолжающиеся военные действия между евреями и арабами ослабят успехи, достигнутые в Греции, Турции и Иране, могут навсегда оторвать арабский мир от западного влияния» [25, с. 1361—1363]. В конце октября руководители британского Генштаба передали американцам, что они смотрят «с тревогой на развал британо-арабских отношений» в результате развития событий в Палестине. Они продолжили, что «до того, как вопрос Палестины перешел в практическую плоскость <...> Ближний Восток был практически чист от советского влияния». В настоящее время «с помощью осторожной игры с палестинской темой СССР добился превращения Палестины в конечник стрелы с целью подорвать Ближний Восток и превратить его в несоответствующий целям американско-британской обороны» [25, с. 1530—1533]. В декабре Бевин предупредил американцев, что «коммунистический Израиль, господствующий над стратегическими шоссе, жизненно важными для Ближнего Востока, будет серьезным ударом по стратегическим планам Британии в регионе» [25, с. 1681—1684].

От сотрудничества до разрыва и восстановления дипломатических отношений

Даже в период «медового месяца» в отношениях, Израиль затруднялся получить достоверную информацию о происходящем в СССР. Число евреев в Советском Союзе оставалось неизвестно лидерам Иерусалима [10, 19.2.56]. После прибытия в Москву в сентябре 1948 года Голда Меир устроила «открытый дом», проводившийся по вечерам пятницы. «Я надеялась, что местные жители придут, как это делают люди в Израиле — на кусочек пирога, на чашку чая, но это была очень наивная надежда», — призналась она позднее [29, с. 202].

Отношение Шарета к коммунистическому режиму было негативным, как вспоминал его сын. Однако Шарет признавался, что ему трудно понять реалии этой страны. «Я говорю здесь с меньшей уверенностью», — сказал он в 1950 году, имея в виду Советский Союз, «я покинул Россию в 1906 году. В последний раз я посетил ее в 1913 г., и с тех пор я питаюсь только слухами и рассказами» [18; 20, с. 363]. Однако Шарет, по-видимому, был часто информирован лучше, чем Бен-Гурион. Из дневника Бен-Гуриона следует, что, по крайней мере, часть информации, полученной им из СССР, была неточной. Так, на заседании правительства в марте 1955 года Бен-Гурион утверждал: «Я знаю, что сделали в России... перевезли 700,000 или миллион евреев в Биробиджан» [6, 16.7.54; 10, 4.3.56]. Фактически, конечно, в Биробиджане никогда не было столько евреев.

И на советской стороне не всегда имелась достоверная информация для понимания происходящего в Израиле. В сталинский период у СССР не было значительного присутствия на Ближнем Востоке, и, видимо, в связи с этим знания в Москве о регионе были весьма ограничены. В октябре 1948 года Ратнер встретился с исполняющим обязанности начальника Генштаба СССР А. И. Антоновым. У него создалось впечатление, что знания принимавшей его стороны были крайне малы. Антонов признался, что советская разведка провалилась в оценке ситуации. «Мы были поражены вашими успехами», — сказал он. На той же встрече Ратнер узнал, что об Израиле было мало информации — «выяснилось, что они [русские] считали Иерусалим преимущественно арабским городом», в то время как евреи были наибольшей группой

в населении города уже 80 лет [30, с. 16]. Не всегда советские собеседники были знакомы с дипломатической повесткой дня: когда Голда Меир передавала верительные грамоты заместителю председателя Президиума Верховного Совета СССР И. А. Власову, он спросил о том, какова ситуация с беженцами. Голда Меир предположила, что имеются в виду арабские беженцы — центральная тема, которая занимала Израиль и мировые державы. Выяснилось, что Власов имел в виду еврейских беженцев времен Второй мировой войны [3, с. 40—42; 27; 30, с. 16].

Еще в июле 1948 года ЦРУ прогнозировало, что в случае обострения отношений между Британией и арабскими государствами «нужно ожидать, что СССР перенесет акцент своей пропаганды с “еврейской независимости” на “американский империализм в Израиле” и под этим лозунгом будет соблазнять арабские правительства, обещая советников и военные поставки». В декабре 1948 года министр иностранных дел Британии Бевин говорил также о том, «что в любое время СССР может перевести свою поддержку с Израиля на Египет и Трансиорданию и, тем самым, произвести сильное впечатление на арабский мир». В январе 1949 года в американском посольстве в Москве полагали, что СССР «сократит свою поддержку правительства Израиля и вернется к базовой антиссионистской политике, которую он временно отложил, но от которой никогда не отказывался» [26, с. 656—658].

В декабре 1948 года Вышинский встретился с главой правительства Ливана Риадом ас-Сольхом. Последний поблагодарил за советскую поддержку в выводе иностранных сил из Сирии и Ливана и сказал, что Ливан видит в СССР друга, несмотря на определенные расхождения во мнениях по вопросу Палестины [1, с. 82]. Жозеф Салам, бывший министр и брат начальника Генштаба армии Ливана, сообщил советскому представителю в Бейруте в январе 1949 года, что «для Ливана предпочтительно еврейское государство в Палестине, поскольку такое государство будет естественным союзником христианского Ливана» [1, с. 85].

В то же время были арабские деятели, стремившиеся изменить позицию Москвы. Среди них выделялся сирийский представитель в Москве Зейнадин. На встрече в декабре 1948 года с заместителем министра иностранных дел В. А. Зориным, он одобрил советскую поддержку самоопределения малых стран,

таких как Сирия, и подчеркнул желание последней установить дружеские отношения с Москвой. По палестинскому вопросу Зейнадин утверждал, что несправедливо определять евреев как «преследуемых», и в качестве примера привел евреев коммунистического блока, «которые живут в истинно демократических странах». В отношении европейских и американских евреев сирийский представитель утверждал, что они «концентрируют в своих руках большие монополии» [1, с. 83].

В январе 1949 года американское посольство в Москве сообщило после бесед с Зейнадином, что последний получил намеки о возможном изменении советской политики. За месяц до этого американское представительство в Дамаске сообщало, что Москва предложила Сирии полное изменение своей политики в Палестине, если в обмен на это арабские государства публично заявят, что «не являются инструментом англо-американской политики» [1, с. 83; 26, с. 656—658].

На встрече в марте 1949 года со своим советским коллегой Д. С. Солодом Зейнадин продолжил попытки изменить позицию Москвы. Он утверждал, что Сирия зажата «в англо-американских клещах», и предложил, чтобы Москва поддержала сокращение территории Израиля. Сирия, как он заявлял, хочет решить проблему Палестины, чтобы лучше противостоять турецкой и иорданской угрозе. Солод рекомендовал Москве серьезно изучить это предложение, «несмотря на то что надо учитывать, что правительство Сирии может много раз менять свои предложения» [1, с. 86]. Через считанные дни после этой встречи в Сирии произошел первый военный переворот в арабском мире, и Солод сообщал, что он произошел в значительной степени по вине предыдущего режима, провалившего войну с Израилем. Кроме того, он сообщал, что, несмотря на экстремистскую националистическую пропаганду, населению в арабских странах надоела эта война [1, с. 90].

Политическая стабильность на Ближнем Востоке заботила многих. В середине 1949 года Мордехай Намир, заменивший Голду Меир в качестве посланника в Москве, оценивал, что СССР опасался стабильности на Ближнем Востоке, поскольку стабилизация в регионе подготавливает его для дипломатической, военной и социальной агрессии против СССР. Израиль пользовался «положительным отношением и поддержкой, что вытека-

ло из оценки, что сам факт существования Израиля затрудняет стабилизацию, объединение и сплочение Ближнего Востока западными державами». Помимо этого и первый советник Арье Левави (который не всегда соглашался со своим руководителем Намиром) считал, что в глазах Москвы сам факт существования Израиля на Ближнем Востоке является фактором, препятствующим консолидации и интеграции региона, находящегося под контролем Запада. «Очень возможно», — писал он, — «что без существования Израиля западные державы уже добились бы объединения региона в своих стратегических интересах» [15, с. 33].

В ноябре 1948 года Шарет обсуждал с сотрудниками израильского представительства в ООН возможность советского вето в пользу Израиля. Министр иностранных дел указал на три проблемы с таким вето. «Во-первых, вопрос вето не прост для самих русских, во-вторых, если мы нуждаемся в таком вето, мы объявляем на весь мир, что мы в отчаянном положении и мы хватаемся за последнее средство, имеющееся в нашем распоряжении. В-третьих, мы проявляем себя полностью принадлежащими советскому блоку» [19, с. 570]. 4 января 1949 года Шарет сказал на Комиссии кнессета по иностранным делам и безопасности, что «мы поняли, что в каждом вопросе [в ООН], являющемся камнем преткновения между Востоком и Западом, большинство гарантировано Западу» [20, с. 21]. На следующий день на заседании правительства он говорил об ограниченности советской поддержки в ООН: «Не раз выяснялось, что Советы не готовы заходить далеко» в противостоянии Западу в вопросах Израиля [20, с. 32]. В феврале он описывал поведение Израиля в ООН: «Когда мы учитываем ситуацию, которая может создаваться в Совете Безопасности... прежде всего, мы консультируемся с представителями СССР [и тогда] они спрашивают: какова позиция США? <...> Так что наша дружба с Америкой — это советское достояние, как это ни парадоксально» [20, с. 255].

В октябре 1949 года Совет национальной безопасности в Вашингтоне сделал вывод, что надо побудить к компромиссу Израиль и арабов в целях их сотрудничества в интересах Запада [4, с. 72]. СССР, естественно, проявил интерес к отсутствию у Вашингтона желания продолжения израильско-арабского конфликта. В декабре 1949 года Солод сообщил, что на совещании

дипломатических представителей США, которое состоялось в Стамбуле, было решено принудить арабские государства заключить мир с Израилем, поскольку продолжение конфликта повредит американским планам на Ближнем Востоке. Он указал, что противодействие арабских стран мирным договорам с Израилем ослабляется [1, с. 107].

В феврале 1950 года Поверенный в делах Сирии в Каире Мухафель в беседе со своим советским коллегой утверждал, что Москва ошибается, поддерживая евреев, и что арабы помнят тех, кто делал им добро. В. С. Китаев ответил, что не так выглядят дела в публикациях арабских средств массовой информации, где игнорируется роль СССР в достижении независимости арабскими странами [1, с. 111]. В мае 1950 года член Комиссии кнессета по иностранным делам и безопасности Моше Снэ говорил посланнику П. И. Ершову, что отсутствие мира между арабами и Израилем было одним из главных факторов, отсрочивающих деление Ближнего Востока на зоны влияния западных держав и создание антисоветского блока [1, с. 71]. Кроме того, в оценке советской миссии в Дамаске в июне 1951 года полагалось, что одной из причин американской неудачи в создании союза между Турцией и арабами является враждебность между арабскими странами и Израилем [1, с. 139].

В апреле 1951 года Военно-воздушные силы Израиля подвергли бомбардировке населенное место Аль Хама на границе с Сирией. США поддержали осуждение Израиля в ООН и угрожали прекратить его поддержку. Генеральный директор МИД Израиля Вальтер Эйтан отметил, что советское представительство не обращалось к этому вопросу [15, с. 255]. Позднее Эйтан проинструктировал временного поверенного в делах в Москве З. Аргаман попросить помощи СССР против западной критики в Совете Безопасности. 7 мая Шарет встретился с Ершовым и подробно объяснил израильскую позицию в сирийском вопросе. Ершов создал впечатление, что отнесся к сказанному с пониманием [1, с. 135, 138]. Аргаман прислал также сообщение из Москвы и доложил, что его собеседник продемонстрировал большое дружелюбие [15, с. 251, 255]. В итоге СССР удовлетворил просьбу Израиля и не поддержал западное предложение по событиям в Сирии в Совете Безопасности [15, с. 505].

20 июля 1951 года в Иерусалиме палестинцем был убит король Иордании Абдалла. Исчезновение с арены того, кто воспринимался в Москве как британская марионетка, было положительно принято в СССР. В конце июля А. Левави, получивший повышение и ставший директором отдела Восточной Европы МИД в Иерусалиме, отмечал, что СССР не заинтересован во всеобъемлющей израильско-арабской войне из опасения, что это усилит военное присутствие Запада в регионе. Вместе с тем Москва не хочет полного урегулирования, которое сделает возможным создание регионального союза под патронатом Запада. Он подытожил, что СССР знает, что Израиль является дестабилизирующим фактором на Ближнем Востоке, и поэтому заинтересован в его существовании [15, с. 279].

В 1951 году вспыхнули бои между силами Британии, стоявшими на Суэцком канале, и силами египтян. На этом фоне в декабре глава канцелярии короля Фарука объявил советскому представителю в Каире С. П. Козыреву, что Египет готов согласиться на вывод британских войск из района канала в сектор Газа. Он объяснил, что такое решение послужит и интересам Британии, которая сможет сохранить свое присутствие в регионе, а также поспособствует решению израильско-арабского конфликта, поскольку наличие английских войск между Египтом и Израилем поможет заключению мирного договора между этими странами. В этом вопросе возникло согласование интересов Иерусалима и Москвы. В марте 1952 года Ершов докладывал, что на Комиссии кнессета по иностранным делам и безопасности Шарет выразил глубокую озабоченность размещением британских войск в Газе, поскольку это обяжет Израиль заниматься вопросом свободного перемещения этих войск из Газы в Иорданию через израильский Негев [1, с. 161, 166].

Несмотря на это, в мае Ершов сообщил: «Внешняя политика Израиля находится на службе Госдепартамента США и подчинена американскому диктату». Он рекомендовал среди прочего прекратить поддержку Израиля в ООН [15, с. 352].

В то время Москва проводила сбалансированную политику. Посланник Израиля в Москве Шмуэль Эльяшив сообщал в июне Комиссии кнессета по иностранным делам и безопасности, что СССР не проголосует против предложений Израиля в ООН, о чем

было доложено Ершову [15, с. 352]. В июле министр иностранных дел Вышинский дал указание не возражать против принятия «Красного щита Давида»¹ в лигу организаций Красного Креста [15, с. 359]. В ООН продолжился также позитивный диалог между представительствами. В сентябре Я.А. Малик сказал советнику израильской миссии Гидеону Рафаэль, что Москва приветствует снятие палестинской темы с повестки дня Генеральной Ассамблеи. По свидетельству Рафаэля диалог проходил в самой дружеской атмосфере [15, с. 371].

Перед Генеральной Ассамблеей в Нью-Йорке в 1952 году советский министр иностранных дел рекомендовал «не проявлять активность» в вопросе о нарушениях соглашений о прекращении огня между Израилем и арабами [1, с. 176]. В конце октября Шмуэль Эльяшив сообщал, что прибыл в Нью-Йорк, поскольку В.А. Зорин был рад пригласить его и А. Эвена на встречу, которая прошла в очень хорошей атмосфере. Эвен сказал, что для Израиля предпочтительно, чтобы палестинская тема сошла с повестки дня ООН, и Зорин ответил, что этот вопрос был искусственно раздут [15, с. 388].

Через некоторое непродолжительное время после этой встречи с Зориным начались показательные процессы в Праге против коммунистических лидеров-евреев. Эти процессы привели к беспрецедентному ухудшению отношений Москвы и Иерусалима. На этом фоне начало меняться поведение СССР в ООН. 22 декабря 1952 года генеральный секретарь МИД Сирии передал русскому делегату благодарность Сирии за позицию, занятую российской миссией на Ассамблее, по палестинскому вопросу. В беседе с Моше Даян Бен-Гурион говорил о «пражском процессе, проходящем исключительно из местных интересов, хотя и нет сомнения, что его проведение утверждено Москвой или он служит новому повороту во внешней политике России, которая хочет купить мир арабов и антисемитов разных стран, готовясь к войне» с Западом [1, с. 179; 6, 7.12.52].

13 января 1953 года в Москве началось «дело врачей». В отчете ЦРУ от 22 января отмечено, что «советская пропаганда вернулась к антиссионистской теме». В одной из советских газет Бен-Гурион, Шарет и Абба Эвен были названы инструментами

¹ Маген Давид Адом (Красный щит Давида) — израильская национальная медицинская служба, которая оказывает неотложную помощь и занимается медициной катастроф.

империализма, занимающимися шпионажем в СССР. В той же газете утверждалось, что Израиль проводит жестокую войну на уничтожение арабского населения в Палестине [22, 22.1.53].

На этом фоне 9 февраля произошли следующие события. Во двор советского представительства в Тель-Авиве была брошена бомба. В ответ Москва разорвала дипломатические отношения с Израилем. С отменой обвинений против врачей, через некоторое время после смерти Сталина, ЦРУ утверждало: «Советское сообщение, что обвинения против “московских врачей” аннулированы, немедленно пробуждает надежду в Тель-Авиве и вызывает озабоченность в арабских столицах. Израиль, очень озабоченный разрывом, предпринятым Советами, может в настоящее время испытывать осторожный оптимизм в надежде на возобновление формальных отношений... Арабы, которые с умеренным удовлетворением наблюдали разрыв советско-израильских отношений, увидят в декларации Москвы намек на советско-израильское сближение» [22, 5.4.53].

15 июля 1953 года возобновились дипломатические отношения. Шарет проинформировал правительство об окончании переговоров, продолжавшихся около трех месяцев. По его словам, это была «удивительная скорость», что «свидетельствовало нам, что они [Советский Союз] заинтересованы не только в возобновлении отношений, но и в том, чтобы не затянуть его [процесс переговоров]» [10, 15.7.53]. Однако Шарет был осведомлен о происшедшем изменении в отношениях СССР с арабскими странами. На Комиссии кнессета по иностранным делам и безопасности он сказал: «Я всегда считал их примирение с арабами каким-то побочным продуктом. Никогда я не считал, что это основа их политики. По своим соображениям они решили разорвать отношения с нами, но сказали себе, что это может принести преимущества и в этом вопросе» [10, 13.7.53].

Статус Иерусалима

Вопрос о статусе Иерусалима также неоднократно обсуждался с Москвой. Еще 20 октября 1948 года министр иностранных дел Молотов сообщал, что его заместитель Вышинский рекомендовал согласиться на разделение Иерусалима между евреями и арабами и принять позицию Израиля, что нужно устано-

вить международный контроль над Старым городом. Молотов отклонил эту рекомендацию и указал настаивать на выполнении решения ООН о делении Палестины, включающего анклав Иерусалима под международным управлением. По поводу требования Израиля об удержании в его руках коридора, связывающего Иерусалим с береговой зоной, Молотов рекомендовал согласиться, но при условии, что у этого требования будет шанс быть принятым. Сталин утвердил рекомендацию Молотова, и тем самым определилась советская позиция [1, с. 96; 14, с. 184].

13 сентября 1949 года в ООН было подано предложение об установлении международного режима в Иерусалиме. Через несколько дней после этого директор отдела Восточной Европы Шмуэль Эльяшив поднял этот вопрос во время своего визита в Москву. При встрече с заместителем министра Громыко он подробно обсудил тему Иерусалима и просил, чтобы СССР возражал против его интернационализации. В конце того же месяца Ершов сообщал, что правительственные круги в Израиле дружески относятся «к английской марионетке — королю Трансиордании» Абдалле и фактически не возражают против передачи ему арабской части Палестины, включая восточный Иерусалим. На этом фоне Шарет сообщал «о дружественной, хотя и резкой беседе», которая состоялась на Ассамблее ООН с советским представителем Царапкиным. Последний сказал, что цель Москвы — устранение Абдаллы от власти, поскольку он является британской марионеткой. Шарет ответил, что интернационализация Иерусалима — это передача власти Британии, американцам и Ватикану над всей территорией Иерусалима из-за большинства, которое есть у Запада в ООН и в Совете Безопасности: «Мы сокращаем, Вы расширяете» район власти Британии, — утверждал он [15, с. 77, 95, 113]. Генеральный директор израильского МИДа Эйтан передал аналогичное сообщение Ершову и добавил, что интернационализация повредит возврату российского имущества в городе. Временный поверенный А. Левави передал эти сообщения в Москву [15, с. 97].

5 декабря 1949 года правительство Израиля объявило Иерусалим частью Государства Израиль. 9 декабря Генеральной Ассамблеей ООН было принято решение об Иерусалиме как о *corpus separatum* под управлением ООН. СССР, Франция

и арабские страны поддержали решение, в то время как Израиль, США, Британия, Швеция, Дания, Югославия и другие возражали. В день голосования заместитель посла Израиля при ООН Гидеон Рафаэль встретился с Царапкиным, который сказал, что раздел Иерусалима между Израилем и Иорданией является упрочением позиции Британии и, если Израиль будет возражать против интернационализации, это вынудит Совет Безопасности принять меры. Израиль не изменил своей позиции. 13 декабря Бен-Гурион объявил в Кнессете, что Израиль возражает против интернационализации и что правительственные министерства будут переведены в Иерусалим. Через четыре дня Абдалла присоединил к своему королевству Западный берег реки Иордан, включая восточный Иерусалим. Москва продолжила тщательно следить за иерусалимской тематикой [1, с. 108; 15, с. 114, 496].

Бен-Гурион относился критически к советской позиции по Иерусалиму. Поддержку СССР интернационализации он в своем дневнике объяснял так: «У России есть ясный интерес: не только быть против Англии и Абдаллы, но и иметь лазейку войти на Ближний Восток». Шарет также полагал, что несогласие с Москвой по вопросу Иерусалима имеет глубокие корни. В марте министр иностранных дел с огорчением заметил, что не добился встречи с Вышинским на Ассамблее ООН, и объяснил это нежеланием русских обсуждать тему Иерусалима [15, с. 138].

Однако Бен-Гурион и Шарет не были в курсе появившейся в Москве новой концепции действий. В те дни министр иностранных дел Вышинский пересмотрел позиции СССР. 16 марта 1950 года Вышинский писал Сталину, что решение об интернационализации не имеет поддержки еврейских и арабских жителей Иерусалима, рекомендовал изменить советскую позицию и заявить, что СССР больше не поддерживает интернационализацию и просит найти решение, которое будет приемлемым для обеих сторон. Это предложение было утверждено Сталиным, и советский посол в ООН Малик получил инструкцию передать сообщение Генеральному секретарю ООН, что он и сделал 17 апреля 1950 года [1, с. 116, 124].

Ершов докладывал, что письмо Малика находится в центре внимания в Израиле и что общественность страны приняла его с большим удовлетворением. Шарет оценивал, что к СССР об-

ратилась греческая церковь, опасавшаяся, что интернационализация приведет к захвату города католиками и что Ватикан «проводит линию на упрочение связей католицизма и ислама... под лозунгом антикоммунизма на Востоке» [1, с. 124]. Москва же заинтересована затормозить этот процесс. Эвен разделял эти соображения. На встрече Эвена с Маликом в июне 1950 года Эвен напомнил, что советский коллега уже предупреждал Израиль о силе Ватикана. Эвен указал, что для Израиля и поддерживающих его стран важны совместные действия по вопросу Иерусалима, чтобы прийти к достижениям «всемирного значения» [10, 26.4.50; 15, с. 185, 628].

В августе 1950 года Шарет сказал в правительстве о позиции СССР в ООН, что «по вопросу Иерусалима... нет уверенности, что они проголосуют за нас, но ясно, что они не проголосуют против нас» [10, 30.8.50]. 15 декабря Генеральная Ассамблея ООН решила по предложению Бельгии, что ООН защитит святыне места в Иерусалиме. Это поддержали Франция и арабские страны, в то время как Израиль, Британия и США были против. В июле 1952 года поверенный в делах представительства в Тель-Авиве А. Н. Абрамов напомнил, что «интернационализация Иерусалима для нас неприемлема, так как это означало бы открытое признание нами оккупации американцами Иерусалима под флагом ООН» [1, с. 172; 15, с. 503].

По вопросу перевода советского представительства в Иерусалим Москва заняла выжидательную позицию. В конце 1949 года Эльяшив посетил Ершова в представительстве в Тель-Авиве. Советский посланник поинтересовался о том, когда произойдет «переезд» в Иерусалим, имея в виду перевод посольства в столицу Израиля, о которой было объявлено незадолго до этого. В мае 1952 года правительство Израиля решило перевести МИД в Иерусалим. В конце июня министр иностранных дел СССР телеграфировал Ершову об обращении Сирии и Ливана по этой теме и указал «тщательно следить за реакцией США, Англии, Франции и других стран» на перевод столицы в Иерусалим и давать соответствующие рекомендации [1, с. 170]. Представительство ответило, что признание Иерусалима столицей Израиля ухудшит отношение к СССР мусульманских и католических стран и не принесет пользы на международной арене. В соответствии

с этим рекомендуется не переводить представительство в Иерусалим и еще раз проверить, делают ли это западные страны. Несмотря на эту осторожную позицию, Москва не отвергла создание израильского прецедента. В конце 1953 года новый представитель А. Н. Абрамов вручил верительные грамоты в Иерусалиме. Он был первым представителем большой державы, сделавшим это, и третьим по счету после его коллег из Голландии и Чили [1, с. 172; 10, 6.12.53].

Можно сделать вывод, что отношения между Москвой и Иерусалимом в первые годы после образования Израиля развивались исходя из общих интересов, что позволило и Советскому Союзу, и Израилю получить существенные внешнеполитические выгоды. Однако ряд событий, произошедших в конце правления Сталина, прежде всего «пражские суды» и «дело врачей», серьезно подорвали эти взаимовыгодные отношения на долгие годы.

Литература

1. Ближневосточный конфликт. Из документов Архива внешней политики Российской Федерации. 1947–1967: в 2 т. – Т. 1: 1947–1956 / отв. ред. В.В. Наумкин. – М.: МФД, 2003. – (Серия: Россия. XX век. Документы).
2. Бен-Гурион Д. Избранные документы / Государственный архив Израиля. – Тель-Авив, 1997.
3. Васильев А. Россия на Ближнем и Среднем Востоке: от мессианства к прагматизму. – М.: Наука, 1993.
4. Гелер Й. Израиль и холодная война: от войны за независимость до шестидневной войны. – Беэр Шева: Университет Бен-Гурион, 2010.
5. Голдштейн Й. Голда: Биография. – Беэр Шева: Университет Бен-Гурион, 2012.
6. Дневник Давида Бен-Гуриона / Архив Бен-Гуриона.
7. Мэلمان Й., Равив Д. Сотрудники в делах – израильско-американский союз изнутри. – Иерусалим: Кетер, 1994.
8. Оз А. О «русскости» в израильской культуре. Евреи СССР на этапе перехода. – 1994. – (16)1. – С. 19–31.
9. Пинкас Б. Особые отношения. СССР и его союзники и их отношения с еврейским народом, сионизмом и государством Израиль. 1939–1959. – Беэр Шева: Университет Бен-Гурион, 2007.
10. Протокол заседания правительства / Государственный архив Израиля.
11. Радзинский Э. Сталин. – М.: Вагриус, 1997.
12. Сеgev Т. Государство любой ценой – история жизни Давида Бен-Гуриона. – Бен-Шемен: Кетер, 2018.
13. Собрание Йоханана Ратнера / Национальная библиотека Израиля.
14. Советско-израильские отношения: сб. документов. – Т. 1. 1941–1953. Книга 1.
15. Советско-израильские отношения: сб. документов. – Т. 1. 1941–1953. Книга 2.
16. Ханин Э., Морозов Б. Предатели государства – еврейская эмиграция глазами советской власти. – Тель-Авив: Университет Тель-Авив, 2005.
17. Чуев Ф. Сто сорок бесед с Молотовым. – М.: Терра, 1991.
18. Шарет Я. Интервью с Яковом Шарет. – 2019. – 21 мая.
19. Шарет М. Сказано-говорилось – устные разговоры на внутренних и международных аренах, 1948. – Тель-Авив: Ассоциация по наследию Моше Шарет, 2013.

20. Шарет М. Сказано-говорилось – устные разговоры на внутренних и международных аренах, 1949. – Тель-Авив: Ассоциация по наследию Моше Шарет, 2016.
21. Bialer U. Between East and West: Israel's Foreign Policy Orientation 1948–1956. – Cambridge: Cambridge University Press, 1990.
22. Central Intelligence Agency Archive // Central Intelligence Bulletin.
23. Cohen M. Truman and Israel. – University of California Press, 1990.
24. Dobbs M. Six Months in 1945: FDR, Stalin, Churchill, and Truman – from World War to Cold War, 2012 [pages by Hebrew edition].
25. Foreign Relations of the United States (FRUS), Vol. V, part 2.
26. Foreign Relations of the United States (FRUS), Vol. VI.
27. Kitchen M. British Policy towards the Soviet Union 1945–1948 // G. Gorodetsky (ed.). Soviet Foreign Policy 1917–1991. – L.: Frank Cass, 1994. – P. 111–134.
28. Oren M. Power, Faith, and Fantasy – America in the Middle East 1776 to the Present. – N.Y.: Norton & Company, 2007.
29. Ramet P. The Soviet-Syrian Relationship since 1955 – a Troubled Alliance. – Boulder: Westview Press, 1990.
30. Ro'i Y. Soviet Decision Making in Practice – the USSR and Israel 1947–1954. – L.: Transaction Books, 1980.
31. Strizhov I. The Soviet Position on the Establishment of the State of Israel // Y. Ro'i (ed.). Jews and Jewish Life in Russia and the Soviet Union. – Ilford: Frank Cass, 1995. – P. 303–315.

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Жильцов Сергей Сергеевич,

доктор политических наук, профессор,
Дипломатическая академия МИД России, Москва.

Sergey S. Zhiltsov,

Doctor of Political Sciences, Professor,
Diplomatic Academy of the Russian Foreign Ministry, Moscow.

E-mail: serg.serg56@mail.ru

КИТАЙ НА ПУТИ К ЛИДЕРСТВУ: РОЛЬ ИНИЦИАТИВЫ «ОДИН ПОЯС – ОДИН ПУТЬ»

CHINA ON THE WAY TO LEADERSHIP: THE ROLE OF THE ONE BELT - ONE ROAD INITIATIVE

Аннотация: статья посвящена вышедшей в свет монографии «Один пояс и Один путь. Долгий марш Китая в 2049 год». В книге, написанной американскими авторами Майклом Глянцем и Робертом Россом, рассматривается значение инициативы «Один пояс — Один путь» для экономического развития Китая, его роли для внешней политики и продвижения интересов в разных регионах мира. Анализируются причины, которые побудили Китай выдвинуть данную инициативу, механизмы ее применения в реализации своих долгосрочных планов. Инициатива рассматривалась в Китае в качестве одного из путей сохранения высоких темпов экономического роста и решения внутренних проблем. Позже инициатива стала продвигаться Пекином в качестве механизма расширения своего влияния в мире. Амбициозные планы Китая вызвали беспокойство со стороны США, которые видят в Китае основного конкурента в экономической сфере и во внешней политике.

Ключевые слова: Китай, США, «Один пояс и Один путь», инвестиции, лидерство.

Abstract: the article concentrates on the released monograph «One Belt One Road». China's Long March to 2049». The book, written by American authors Michael Glyantz and Robert Ross, examines the significance of the «One Belt One Road» Initiative for China's economic development, its role in foreign policy and advancement of the interests in different regions of the world. The book analyzes the reasons that prompted China to put forward this initiative, the mechanisms for its application in the long-term plans for the implementation. The initiative in China was the subject of one way to maintain high rates of economic growth and address internal issues. Later, Beijing advanced the initiative as a mechanism to expand its influence in the world. China's ambitious plans have raised concerns from the United States, which sees China as its major competitor in the economic sphere and foreign policy.

Key words: China, USA, «One Belt One Road», investment, leadership.

Российское издательство «Международные отношения» выпустило книгу американских авторов Майкла Глянца и Роберта Росса «Один пояс и Один путь. Долгий марш Китая в 2029 год» [1]. В книге рассматриваются предпосылки появления инициативы, предложенной Китаем, подробно освещаются задачи, которые китайская сторона рассчитывает решить в ходе реализации целей, которые сформулированы Пекином.

Инициатива «Один пояс и Один путь» (ОПОП) была представлена председателем КНР Си Цзиньпином в 2013 году в ходе визита в страны Центральной Азии. Инициатива Китая направлена на расширение торговли, получение доступа к новым рынкам сбыта. Проект был положительно воспринят во многих странах мира, которые увидели для себя экономические выгоды. Число стран, заявивших о готовности участвовать в ОПОП, быстро возросло. Многие государства увидели в китайской инициативе возможность привлечения китайских средств. Тем более, что Китай объявил о планах «вложить до 4 трлн долларов в проект ОПОП» [1, с. 18].

Концептуальной основой для выдвижения инициативы послужил Великий шелковый путь. Само понятие «Великий шелковый путь» было введено в оборот в 1877 году немецким географом Фердинандом фон Рихтгофеном для обозначения системы торговых путей, которые со II века до н. э. до XVI века н. э. связывали Китай, Среднюю Азию, Индию, Средний и Ближний Восток. На протяжении веков через это пространство осуществлялась торговля, шел обмен технологиями и идеями. Как отмечали Глянц и Росс, «это не просто дорога с несколькими крупными ответвлениями, а огромное, подвижное во времени историко-культурное пространство, по которому в древности и в Средние века шло сухопутное международное сообщение от крайних пределов Азии до стран Запада» [1, с. 8]. В XXI веке инициатива Китая вдохнула вторую жизнь в глобализацию, которая всё больше испытывала влияние регионализации.

Существуют различные оценки того, почему Китай выдвинул данную инициативу. Идею появления ОПОП авторы книги уделяют большое внимание. Исходя из идеи Великого шелкового пути, которая представлена в качестве интегрирующего начала для стран и народов, многие исследователи рассматривают инициативу

Китая как попытку воскресить исторический проект, который вызывает ностальгию. Подобная оценка роли ОПОП представляется идеалистической. До инициативы «Один пояс и Один путь» Китай проводил активную торгово-экономическую политику в разных регионах мира, что отмечают авторы работы. Так, Китай реализовывал свою политику через финансирование инфраструктурных проектов, прежде всего через строительство автомобильных и железных дорог, трубопроводов, транспортной инфраструктуры. Благодаря реализации масштабных проектов Китай получил доступ к месторождениям разных природных ресурсов.

Ссылаясь на большое количество работ, авторы подчеркивают, что Китай, предлагая свою инициативу, руководствовался прежде всего прагматизмом, возможностью поддержать темпы экономического роста. «Существует неверное представление, что Китай в продвижении этой инициативы действует из чувства ностальгии. Хотя новая инициатива следует по старому пути, Шелковому пути, она всё что угодно, только не ностальгия» [1, с. 54]. Далее авторы подчеркивают, что «верблюжьи караваны, пересекающие суровые пустыни и горные перевалы столетия назад, сегодня заменили высокоскоростные железнодорожные магистрали, шоссейные дороги, нефтяные и газовые трубопроводы, глубоководные порты и линии электропередач» [1, с. 54].

Подтверждением того, что Китай руководствовался экономическими расчетами, служат показатели развития китайской экономики. В 2007 году темпы роста ВВП Китая составили 14,2%. Затем этот показатель стал снижаться, и в 2018 году рост ВВП Китая был чуть выше 6% [2, с. 9]. Соответственно, предлагая в 2013 году инициативу, Китай исходил из задачи поддержать развитие своей экономики и создать для этого стимулы в долгосрочной перспективе.

Авторы подчеркивают, что «в период сравнительного замедления темпов роста экономики Китая, начавшегося приблизительно с 2008 года, приспособление к промышленному переизобилию, а также безработица стали постоянными проблемами для Коммунистической партии» [1, с. 26]. Эти факторы стали ключевыми для разработки мер, направленных на поддержание высоких темпов развития Китая. Соответственно, ОПОП заняла важное место среди разных мер китайских властей. Без выдви-

жения данной инициативы рост экономики Китая мог резко замедлиться. Соответственно, «внутренние экономические и политические факторы стимулировали китайские государственные предприятия осуществлять прямые иностранные инвестиции в развивающиеся страны в форме кредитования инфраструктурных проектов. Главной целью было поддержание полной загрузки своих заводов и рабочей силы» [1, с. 44].

Начинаясь как инструмент экономической политики, направленной на обеспечение стабильного развития Китая, со временем инициатива ОПОП трансформировалась в глобальную геэкономическую идею, которая вывела Китай в число лидеров мировой политики. Инициатива стала рассматриваться в качестве инструмента, который способствовал бы превращению Китая в мировую державу. Как справедливо отмечают авторы книги, «инициатива ОПОП вначале была рассчитана на то, чтобы быть региональной, межконтинентальной (евразийской) инициативой помощи в области торговли и развития инфраструктуры. Однако по прошествии времени она стала успешным брендом Китая в создании евразийской модели развития» [1, с. 20]. Для этой цели Китай использовал фонд инфраструктуры «Один пояс и Один путь», который направлялся для «пропаганды системы ценностей, отличающихся от западной» [9].

Образ Великого шелкового пути, окутанный романтизмом, был усилен благодаря использованию Си Цзиньпином имперского прошлого Китая как источника национальной гордости, продвижения идеи «китайского мирового порядка». Он должен был заполнить вакуум, оставшийся в результате политики протекционизма и изоляционизма администрации Трампа [6]. В книге отмечается, что «с брендом ОПОП действия Китая видятся более многонациональными, более прозрачными, более сфокусированными, более координированными и работающими на продвижение Китая в мировую политическую силу» [1, с. 62].

На страницах книги авторы рассуждают о возможности сравнивать План Маршалла, который реализовывали США в Европе, и ОПОП. План Маршалла был направлен на восстановление европейской инфраструктуры и промышленности, исходя из интересов США. ОПОП был разработан Китаем для продвижения своих долгосрочных интересов.

Авторы в основном приводят оценки, которые говорят о некорректности сравнения ОПОП и плана Маршалла. Между тем оба проекта объединяет стремление его инициаторов укрепить свои позиции за счет других участников. Как США после Второй мировой войны, так и Китай в XXI веке стремился получить выгоды. Подход США и Китая показывает, что оба государства стремились использовать имеющиеся финансовые ресурсы для укрепления своих позиций в других регионах мира.

Авторы книги критикуют идеологов китайского проекта за отсутствие достоверных карт, отражающих места прохождения трубопроводов, транспортной инфраструктуры. Они ссылаются на исследование Айванек, который утверждал, что даже «китайские источники вызывают недоверие» [7]. Авторы книги соглашались с мнением, что «существует мало актуальных и точных карт, охватывающих все действия Китая, которые прямо или косвенно можно считать частью ОПОП» [1, с. 31].

При этом сами авторы соглашались с тем, что «картографы сталкиваются с трудностями при добавлении на карты новых проектов ОПОП. Они меняются так быстро, что даже самая подробная и точная карта, вероятно, окажется неполной в течении месяца. Между Китаем и его партнерами в ОПОП курсирует постоянный поток новых заявлений о намерениях, меморандумов о взаимопонимании или двусторонних соглашений, которые готовят, изменяют или отменяют каждый месяц» [1, с. 32].

Изменение географии ОПОП связано не только с масштабностью задач, которые постоянно уточняются. Инициатива постоянно трансформируется под влиянием текущих геополитических изменений, политических и экономических факторов. Китай вынужден постоянно подстраивать свою глобальную идею под внешние условия. При этом Пекин не забывает, что инициатива в конечном счете должна укреплять позиции Китая в мире.

Реализацию инициативы «Один пояс и Один путь» (в период 2013—2021 гг.) можно признать успешной. Благодаря значительным финансовым резервам иностранной валюты Китай смог осуществлять инфраструктурные проекты. Большие запасы валюты были созданы благодаря положительному торговому балансу во внешней торговле с другими странами. В результате Китай получил возможность осуществлять экспансию в торгово-эконо-

мической сфере, за которой просматривались геополитические амбиции.

Авторы книги затронули все регионы мира, в которых Китай реализует свою инициативу. Отмечается, что Китай уделяет большое внимание отношениям со странами Латинской Америки. Так, Китай «обхаживает Латинскую Америку, предлагая двусторонние соглашения, касающиеся проектов инфраструктуры, странам, лидеры которых по большей части были в конфликте с политикой США (например, Боливия, Эквадор, Венесуэла и Сальвадор), а также странам, иногда расходящимся с США во мнениях (например, Панама, Бразилия, Гватемала и Аргентина)» [1, с. 31].

Большое внимание в книге уделяется реализации инициативы Китая в Африке, территория которой богата природными ископаемыми. В Африку Китай вложил 43 млрд долл. [5]. Это общий объем прямых инвестиций в государства Африки к концу 2020 года. При этом Китай создал в африканских странах более 3,5 тыс. компаний [5].

В контексте задач, сформулированных в инициативе, Китай предложил программу «Сделано в Китае — 2025». Она была опубликована в 2015 году и рассчитана на 10 лет. Данная программа стала «десятилетним государственным планом обновления производственной базы Китая, предусматривающим быстрое развития десяти высокотехнологичных отраслей, главными из которых являются производство автомобилей и иных видов транспорта, работающих на новых источниках энергии, информационные и телекоммуникационные технологии следующего поколения, а также современная робототехника и искусственный интеллект» [8]. Программа была рассчитана на использование государственных субсидий, модернизацию принадлежащих государству предприятий и наращивание интеллектуальной собственности. Эти факторы, как считали разработчики программы, позволят «справиться с Западом в технологических навыках и квалификации в передовых отраслях промышленности, а затем и превзойти его» [8]. Как отмечают авторы книги, предлагаемая программа ставит целью «достичь “прыжком” уровня индустриализации на Западе, сосредоточив усилия на развитии интеллектуальных отраслей промышленности с использованием государственных субсидий. Термин “прыжок” означает переход из одного места,

позиции или ситуации в другое место без последовательного прохождения всех промежуточных позиций или стадий» [1, с. 72].

На страницах книги подчеркивается, что политика Китая, который выдвинул инициативу ОПОП, стала меняться под влиянием усиливающихся противоречий с США в торгово-экономической сфере. Столкновение интересов и противодействие со стороны официального Вашингтона могли отодвинуть китайскую мечту о глобальном доминировании, замедлить темпы экономического роста. Китайскую сторону беспокоили, прежде всего, меры, предпринимаемые американской стороной, и накопившиеся проблемы в мировой экономике.

Инициатива Китая не сразу получила всестороннюю оценку в США. Американская сторона выразила обеспокоенность политикой Китая лишь в 2017 году на слушаниях в Конгрессе в комитете Сената по разведке. «Проекты “Пояса и пути”, финансируемые китайскими учреждениями по высоким [процентным] ставкам (которые, как правило, не встречаются в проектах развития) китайских корпораций, зачастую являющимися государственными предприятиями, используют китайскую рабочую силу и материалы и, очевидно, мало вкладывают в местную экономику, создавая при этом непосильное долговое бремя» [4].

В итоге, как отметили авторы книги, лишь в 2018 году в США был принят Закон «Оптимизация инвестиций в целях развития» (BUILD) [11]. На основе этого документа была образована «Международная финансовая корпорация развития» с фондом 60 млрд долл. [12]. Таким образом Белый дом искал способ стимулировать экономическое развитие и был готов «предложить альтернативу тому финансированию, которое осуществляет Китай в рамках инициативы “Один пояс и Один путь”» [10]. Принятый Закон сыграл положительную роль в продвижении интересов США, поскольку «обеспечил двукратное увеличение объема финансирования и расширил перечень инструментов для поддержки инвестиций» [3, с. 70—86]. В целом данный Закон называли крупнейшим изменением в политике развития США за последние 15 лет, поскольку он создал новые возможности для финансирования проектов [10].

Большая часть публикаций, касающихся ОПОП, имеет позитивный характер. В значительной мере это является заслугой

Китая, который сумел позиционировать свою инициативу в качестве глобального проекта, который отвечает интересам всех сторон, которые принимают в нем участие.

В самом Китае также происходила переоценка возможностей и роли инициативы. Так, усиление своих позиций в мировой экономике и укрепление положения в качестве лидера мировой политики рассматривается в Китае через призму реализации инфраструктурных проектов. Подобный подход к продвижению своих интересов до последнего времени позволял Китаю достигать намеченных целей. В то же время по мере нарастания противоречий с США в торгово-экономической и политической сферах Китай стал рассматривать ОПОП в качестве альтернативы глобальным институтам (например, G7 и G20).

Работа американских авторов дает ответы на многие вопросы, которые касаются не только инициативы ОПОП, но и в целом китайской политики в разных регионах мира. Авторы детально рассмотрели задачи Китая в разных регионах мира, показали слабые и сильные стороны инициативы ОПОП. В то же время исследование ставит новые вопросы, которые позволяют критически оценивать не столько китайский проект, сколько по-новому взглянуть на развитие мировой политики, которая стремительно меняется.

Литература

1. Глянц М.Г., Росс Р. Дж. Один пояс и Один путь. Долгий марш Китая в 2049 год. – М.: Международные отношения. 2021. – 264 с.
2. Замедление роста экономики Китая. Бюллетень о текущих тенденциях мировой экономики. – 2019. – № 41. Февраль / Аналитический центр при Правительстве РФ. – URL: <https://ac.gov.ru/files/publication/a/20890.pdf> (дата обращения: 19.10.2021).
3. Перова М.К. Инвестиционная политика США в меняющемся мире // США & Канада: экономика, политика, культура. – Т. 50. – 2020. – № 4. – С. 70–86.
4. China's Belt And Road Project 'More Than What Meets The Eye': US Lawmakers 2017. November 21 // NDTV. – URL: <https://www.ndtv.com/world-news/chinas-belt-and-road-project-more-than-what-meets-the-eye-us-lawmakers-1778006> (accessed: 21.10.2021).
5. Full Text: China and Africa in the New Era: A partnership of Equals. The State Council Information Office of the People's Republic of China. 2021. November // Chinadaily. – URL: <https://www.chinadailyhk.com/article/249255> (accessed: 23.11.2021).
6. Harper T. Bri and New Great Game in Eurasia. Asia Dialogue. 2017. November, 29 // Asia Dialogue. – URL: <https://theasiadialogue.com/2017/11/29/bri-and-the-new-great-game-in-eurasia/> (accessed: 13.10.2021).
7. Iwanek K. The New Silk Road Is Old: Why You Should Ignore Belt and Road Initiative Maps. 2018. 25 May // The Diplomat. – URL: <https://thediplomat.com/2018/05/the-new-silk-road-is-old-why-you-should-ignore-belt-and-road-initiative-maps/> (accessed: 17.10.2021).

8. McBride J., Chatzky A. Is 'Made in China 2025' a Threat to Global Trade? 2018. August 2 / Council on Foreign Relations. – URL: <https://www.cfr.org/backgrounder/made-china-2025-threat-global-trade> (accessed: 21.10.2021).
9. Miller N. China undermining us 'with sticks and carrots': Outgoing German minister. 2018. February 19 // The Sydney Morning Herald. – URL: <https://www.smh.com.au/world/europe/china-undermining-us-with-sticks-and-carrots-outgoing-german-minister-20180219-p4z0s6.html> (accessed: 13.10.2021).
10. Saldinger A. New US Development finance institution edges toward launch. 2019. 19 March // Devex. – URL: <https://www.devex.com/news/new-us-development-finance-institution-edges-toward-launch-94497> (accessed: 17.10.2021).
11. The Better Utilization Investment Leading to Development Act (BUILD) JULY 11, 2018 // Congress.gov. – URL: <https://www.congress.gov/115/crpt/hrpt814/CRPT-115hrpt814.pdf> (accessed: 14.10.2021).
12. U.S. Senate Passes BUILD Act to Create New Development Finance Agency. 2018. October 4 // KFF. – URL: <https://www.kff.org/news-summary/u-s-senate-passes-build-act-to-create-new-development-finance-agency/> (accessed: 17.10.2021).

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ

Редакция научного журнала «Вестник Дипломатической академии МИД России. Россия и мир» (далее – «Вестник») рассматривает присланные материалы по тематике журнала для возможной публикации и информирует авторов о принятом решении в официальном письме с пометкой **«статья принята к публикации в журнале “Вестник Дипломатической академии МИД России. Россия и мир”»**.

Каждая статья проходит **обязательное внешнее рецензирование** специалистом с ученой степенью в области научных знаний, близкой к тематике представляемого к публикации материала.

Статьи **аспирантов и соискателей** принимаются к рассмотрению при наличии отзыва научного руководителя и затем проходят внешнее рецензирование.

Автор вместе с текстом статьи предоставляет в отдельном файле следующие сведения: Ф.И.О. и сведения об авторе, название статьи на русском и английском языках, контактный телефон и адрес электронной почты. Текст статьи оформляется **строго в соответствии с требованиями**.

Представленный материал должен быть оригинальным и ранее не публиковаться в других печатных или электронных изданиях.

В статье необходимы **аннотация и ключевые слова** на русском и английском языках. Аннотация к статье по объему должна составлять не менее 100 слов.

Требования к присылаемым материалам

Основной текст статей (материалов) должен быть набран 14-м кеглем, примечания – 10-м кеглем, шрифтом Times New Roman, через полтора интервала. **Объем статьи не должен быть меньше 25 тыс. знаков и не должен превышать 60 тыс. знаков (с пробелами) без учета аннотации, ключевых слов и списка**

литературы. Таблицы представляются в формате Word, графики и диаграммы – в программе Excel. При их подготовке следует учитывать, что журнал издается в черно-белом исполнении. Иллюстрации и фотографии представляются в формате jpeg (с разрешением не менее 300 dpi) или pdf.

Автор несет полную ответственность за соблюдение законодательства об интеллектуальной собственности (в том числе применительно к используемым в тексте иллюстрациям и фотографиям) и при необходимости предоставляет соответствующие разрешения на публикацию от правообладателей. Все материалы проходят проверку в системе «Антиплагиат».

Каждая статья в конце сопровождается нумерованным перечнем использованных источников и литературы («Литература»), расположенных в алфавитном порядке:

– для книжных изданий: Автор. Название / пер. с англ. (нем., фр. и т.д.). – Город (место изд., сокращенно): Издательство, год. – 000 с.;

– для периодических изданий: Автор статьи. Название // Издание. – Год. – Число и месяц (словами, сокращенно) и (или) №. – С. 00–00;

– для интернет-источников:

1) Автор. Название // Название сайта. (Дата публикации, если указана: Год. Число. Месяц (словами, сокращенно)). – URL: <http://.....> (дата обращения: ЧЧ.ММ.ГГГГ).

Или

2) Название материала // Название сайта. – Режим доступа: <http://.....> (дата обращения: ЧЧ.ММ.ГГГГ).

Образцы всего перечисленного см. в уже вышедших номерах. Аналогично оформляются зарубежные источники.

Подстрочные ссылки (сноски) возможны для пояснений, но при цитировании не допускаются. В этих случаях указывается в квадратных скобках номер цитируемого источника (полужирным шрифтом) по списку («Литература») и страница(-ы) издания. Примеры: [8, с. 12] или [8, с. 12–14]. Пояснительные (справочно-содержательные) подстрочные ссылки-примечания должны иметь постраничную нумерацию.

Материалы следует присылать по электронной почте: vestnikdipacademy@yandex.ru

Файл с текстом статьи должен быть оформлен следующим образом:

- сведения об авторе на русском и английском языках;
- название статьи на русском и английском языках;
- аннотация и ключевые слова на русском языке;
- аннотация и ключевые слова на английском языке;
- текст статьи;
- литература.

Научный периодический журнал

**Вестник Дипломатической академии МИД России.
Россия и мир**

2021. № 4 (30)

Редактор *Н.В. Багрова*
Корректор *Н.В. Мартыненко*
Верстка *В.Р. Хованской*
Художественный редактор *В.Р. Хованская*

Подписано в печать 28.12.2021. Формат 70×100 1/16.
Бумага офсетная № 1. Усл. печ. л. 13.75
Тираж 116 экз.

Издатель: Дипломатическая академия МИД России
119021, г. Москва, ул. Остоженка, д. 53/2, стр. 1
www.dipacademy.ru

Издательство: ООО «Квант Медиа»
125475, г. Москва, ул. Дыбенко, д. 26, корп. 3, к. 80
www.kvantmedia.ru

Отпечатано: Акционерное общество
«Т8 Издательские Технологии»
109316, Москва, Волгоградский проспект, д. 42, корп. 5